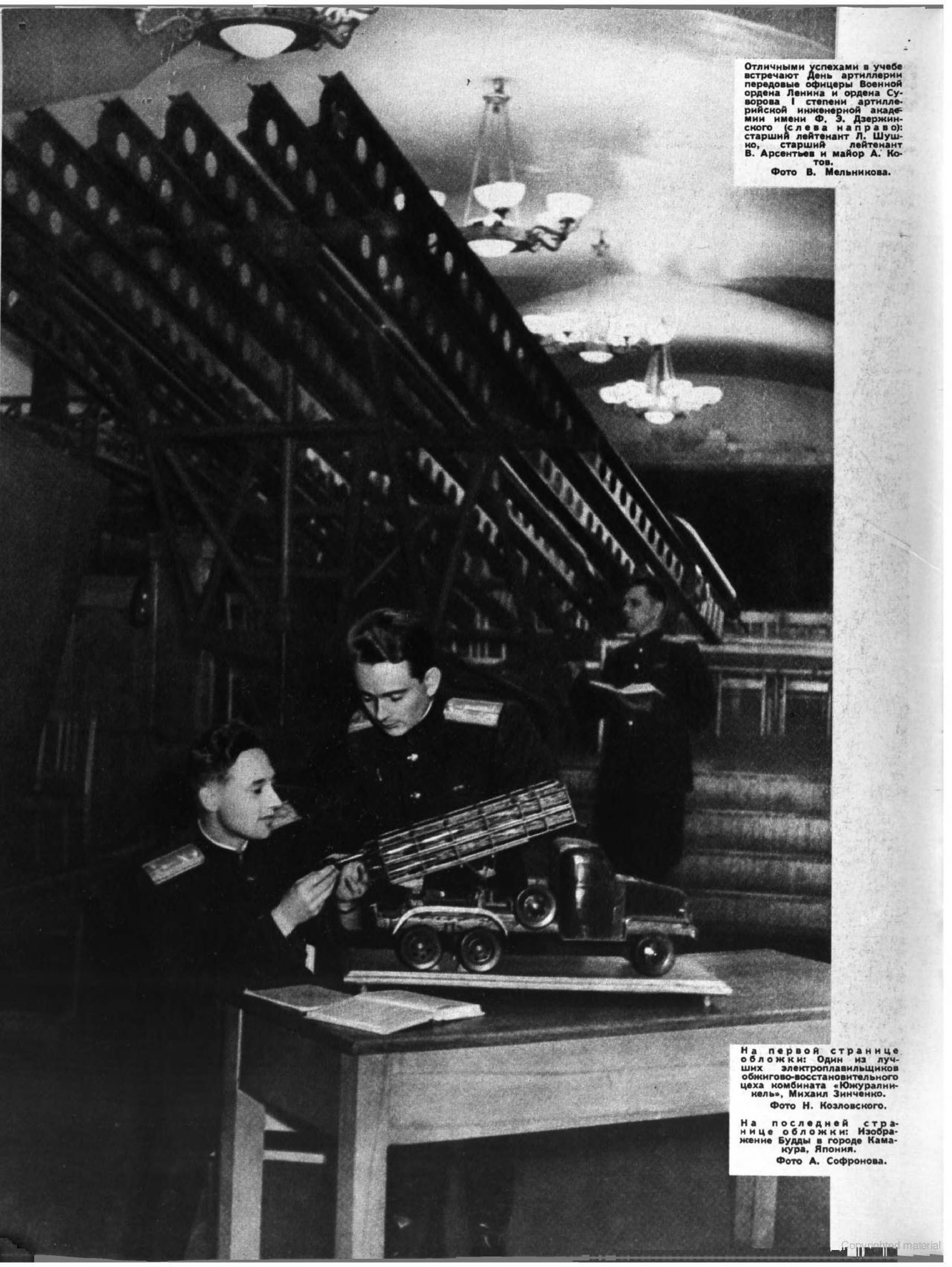

Copyrighted material

Отличными успехами в учебе встречают День артиллерии передовые офицеры Военной ордена Ленина и ордена Суворова I степени артиллерийской инженерной академии имени Ф. Э. Дзержинского (слева направо): старший лейтенант Л. Шушко, старший лейтенант В. Арсентьев и майор А. Котов.

Фото В. Мельникова.

На первой странице обложки: Один из лучших электроплавильщиков обжигово-восстановительного цеха комбината «Южуралникель», Михаил Зинченко.

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Изображение Будды в городе Камакура, Япония.

Фото А. Софронова.

Copyrighted material

ОГОНЁК № 47 (1536) 18 НОЯБРЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ГНЕВНЫЙ ГОЛОС СОВЕТСКОГО НАРОДА

Из конца в конец нашей великой страны прокатился гневный голос советского народа. «Руки прочь от Египта!», «Обуздать агрессоров!» — с этими призывами обращаются участники митингов в поддержку справедливой борьбы египетского народа, поднявшегося на защиту своей родины против английских, французских и израильских интервентов.

На снимке: митинг протеста на Московском заводе шлифовальных станков. На митинге выступили находящиеся в Москве представители Международной конфедерации профсоюзов арабских стран М. Джабари и А. Азиз.

Фото Я. Рюмкина.

Copyrighted material

ПОРТ-САИД, 12 НОЯБРЯ...

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Я только что вернулся из Порт-Саида — города, увенчанного славой его защитников, обагренного кровью жертв англо-французских агрессоров. Египтяне называют сейчас этот город «малым Сталинградом» за доблесть и геройство, с которыми отстаивали каждый дом, этаж, тротуар его жители — мужчины и женщины. Две могущественные державы, Англия и Франция, обрушили на этот клочок египетской земли свою авиацию и флот, парашютные десанты, напалмовые бомбы, танки, но не смогли сломить сопротивления патриотов. Здесь каждый камень, каждая стена — свидетели беззаветного геройства людей, до конца стоявших за родную землю, ее свободу и независимость. Английские и французские интервенты не смогли покорить Порт-Саид: они вынуждены были под давлением общественного мнения всего мира, перед лицом доблестного сопротивления египтян объявить о прекращении огня.

Большая группа иностранных корреспондентов, аккредитованных в Каире, решила сделать попытку проникнуть в Порт-Саид. Был избран наиболее безопасный путь — по озеру Манзала, примыкающему к городу,— там нет военных действий, там трудятся мирные рыбаки. Первоначально нас было более шестидесяти человек. Глубокой ночью на двенадцатое ноября журналисты прибыли в городок Эль-Матария. Вдали за большой соленой лагуной лежал Порт-Саид. Весь берег густо уставлен фелюками. На земле большими группами сидели люди. Это были беженцы, вырвавшиеся из горящего Порт-Саида. Вот на мешке сидит черноволосая кудрявая девочка пяти лет. Она держит за руку куклу. Ее глаза по-взрослому серьезны. Рядом на сундуке с домашним скарбом мать прижимает к груди младенца. Горе, большое горе на лицах людей. Они сидят вокруг костров хмурые, изможденные, изгнанные из родных домов, утратившие близких.

К нам подбежал мужчина с широко открытыми, обезумевшими глазами.

— Я сам был солдат!— кричал он.— Солдат воюет с солдатами! Но почему они убивают женщин? Вот посмотрите!— Он схватил меня за руку и потащил к лодке. На дне в луже крови лежала женщина. Человек только что прибыл в лодке из Порт-Саида — англичане из пулеметов обстреляли фелюку и убили его дочь.

Царапая себе лицо, пожилая египтянка без удержу кричала над трупом, поднимая руки в сторону города. Надрывный плач раздавался среди ночи и заставлял сжиматься сердце.

Занималась заря. Ее отблески легли на измученные лица беженцев. Ехать дальше или не ехать? Девятнадцать журналистов из восьми стран решили пройти в Порт-Саид.

Мы наняли моторную лодку и по заре двинулись к городу. Было ясное утро, когда мы приблизились к песчаной дамбе близ Порт-Саида. Многострадальный город был виден отсюда. Слева, на берегу протоки, стояли английские солдаты в касках, справа — «джип» с радиостанцией, два больших бронетранспортера и много солдат. У берега несколько египетских парусных фелюк. На них вместе с грудами домашнего скарба — почти исключительно женщины и дети. Наш катер медленно приближается к берегу. Все журналисты, среди которых были две женщины, выстроились у борта, взмахами рук подавая сигналы солдатам. Когда мы находились метрах в сорока от берега, оттуда грянули выстрелы. Пули пронзительно заныли в воздухе. Корреспондент итальянского журнала «Темпо» снял белую рубашку и стал ею размахивать. Но огонь только усилился. Наш катер сел на мель и потерял управление. Течением его стало прибивать к другому месту берега. Оттуда тоже загрохотали выстрелы. Хотя солдаты ясно видели, что перед ними безоружные люди, стрельба не прекращалась. Мы все легли на дно катера. Рядом со мной корреспондент швейцарского радио Филиппелло говорил в микрофон:

— Выстрелы, которые вы слышите, раздаются в Порт-Саиде, где объявлено о прекращении огня. Рядом с нами корреспондент итальянского журнала «Темпо», он вам подтвердит, что мы в Порт-Саиде.

Его сосед берет микрофон и повторяет:

— Да, мы в Порт-Саиде. Вокруг ни одного египетского солдата, лишь убогие фелюки.

Стрельба не прекращалась. Нашу лодку гонит все ближе к берегу. Стали кричать солдатам, что здесь журналисты нескольких стран, что они просят вызвать офицера, который мог бы разобраться. Наконец солдаты перестали стрелять. Поговорив о чем-то между собой, они послали одного солдата к рации. Его место занял другой автоматчик и снова начал вести огонь по катеру. Американский кинооператор привязал к веслу рубаху и стал ею размахивать в воздухе. Обстрел вновь усилился...

Все это продолжалось около трех часов. Вот течение оторвало от берега египетскую фелюку и медленно понесло к нам. Тотчас вслед раздались новые залпы, пули засвистели в воздухе. Фелюка очутилась рядом с нами. Я вижу в ней двух женщин, ребенка и старика. Вдруг дико закричала женщина: пуля попала ей в грудь. Ребенок сидел в лодке с застывшими, стеклянными глазами: его личико густо забрызгано материнской кровью.

Стрельба не прекращается. Наконец от берега отчаливает катер с британскими солдатами. Они держат наготове автоматы, направив их на лодку. На носу — совсем юный сержант с белесыми глазами. Не обращая никакого внимания на египетскую фелюку, не оказав помощи истекающей кровью женщине, они берут наш катер на буксир и ведут к берегу. Подойти вплотную к суше невозможно — мелководье. По колено в воде идем к песчаной дамбе. Проверив наши документы, сержант начинает связываться по походной рации с командованием.

Весь берег был усеян египетскими ручными тележками, валяются разбитые домашние вещи, осколки посуды, втоптана в ил изувеченная детская коляска, где-то жалобно мяукает котенок. Впереди, на нескольких лодках, египтяне — дети, женщины — в скорбных черных одеждах. Они здесь уже несколько дней сидят без воды и пищи под дулами английских пулеметов. При малейшем движении солдаты открывают стрельбу.

Так мы высадились на берег Порт-Саида и увидели лицом к лицу колонизаторов. Молодые, здоровые парни, в обмундировании песочного цвета, с ног до головы обвешанные оружием. Им бы работать, утешать старость родителей, воспитывать детей! А вместо этого они здесь, сеют смерть среди мирных людей. Кто сделал из них слепое орудие истребления женщин, детей, стариков? Я спросил у одного бело-рыжего парня: зачем они стреляют в этих несчастных женщин? Он равнодушно пожал плечами: мы выполняем приказ.

Сержант, разговаривавший по радиотелефону, сказал, что английское командование готово нас принять, если убедится, что мы действительно журналисты. Нам приказано ждать.

Прошло много времени, прежде чем появились две военные машины. Прибывший офицер снова проверил наши документы и приказал садиться в машину. В окружении автоматчиков направляемся в город. Вот проезжаем рыбачий пригород: деревянные дома на сваях. Выломленные окна, пробитые крыши. Не видно ни души. Дальше — разрушенное предместье. Люди сидят у костров. Мученические лица. В городе нет воды, продовольствия.

Въезжаем на следующую улицу. Полмесяца назад я был здесь. Это была шумная торговая улица, кишевшая народом. Сейчас это выгоревшие здания, рухнувшие стены. Через каждые полсотни метров мы видим рубежи уличных боев. Колючая проволока, баррикады, заграждения. Английские солдаты смотрят на окна, направив туда автоматы. Видно, как люди, выглянувшие из-за стен, приветственно машут нам руками и тотчас снова скрываются.

Мы выезжаем на небольшую набережную. Египтян не видно. Мчатся мотоциклы, снуют военные машины, грохочут танки. В небо то и дело поднимаются самолеты с опознавательными знаками НАТО. Стрекочут вертолеты. Вокруг дома, обезображенные огнем. Исковерканные фасады, выбитые окна, некоторые здания целиком обрушились под бомбами, в других — проломлены стены.

Машины останавливаются у большого дома со следами разрушений. Здесь, очевидно, английский штаб. Офицер надолго уходит внутрь здания. Мы видим одинокого египтянина, идущего по тротуару, и окликаем его. Он подходит.

— Контакты вам запрещены! — сердито кричит солдат.

Прохожего отталкивают прикладами.

...Проходит много времени, прежде чем возвращается офицер. Нас снова куда-то везут. Машины останавливаются вблизи уцелевшего жилого дома. Вокруг снуют солдаты в зеленых беретах.

Нас водворили в одну из комнат. У входа поставили часового с автоматом. Канадская журналистка попросила воды. Солдат принес ей маленькую кружку из соседней комнаты. Она стала у него что-то спрашивать. Но тут же подбежал часовой.

— Ты нарушаешь приказ! — закричал он.— Разговаривать с ними запрещено!

Появились два полковника: один — поджарый, с колючими усами, другой — толстый, в форме шотландских стрелков.

— Мы не можем вас здесь оставить и решили отправить на Кипр,— объявил обладатель усов.

Журналисты дружно запротестовали. Полковники удалились. Через некоторое время один из них вернулся.

— Мы решили передать вас Организации Объединенных Наций,— объявил он.

— Где? Когда? — посыпались вопросы журналистов.

— Я ничего не знаю. Ситуация меняется через каждые полчаса.

— Отправьте нас назад!— решительно потребовали корреспонденты.

— Но вас убьют египтяне.

— Вы лучше позаботьтесь о том, чтобы нас не убили англичане, а за египтян мы спокойны,— угрюмо ответил кто-то.

Вечером, в темноте, нас посадили в большой крытый грузовик. По бокам уселись автоматчики в касках. Снова мы двинулись по разрушенному, непокорившемуся египетскому городу. Солдаты опасливо озирались, водя во все стороны дулами автоматов. Нет, они не были здесь хозяевами! Они пробирались, как воры, по улицам окутанного мглой города, ежесекундно опасаясь за свою жизнь.

Вот наконец и песчаная дамба. Но нашей моторной лодки нет. Куда она девалась? Жив ли ее хозяин? Мы так и не знаем. Несколько военных пошли искать хозяина парусной фелюки, стоявшей вдали у берега. Я попросил пить. Солдат поколебался, но затем влез в бронетранспортер и принес флягу.

— Хорошая вода, это еще с острова Мальта,— сказал он.

— Здесь до вас тоже была хорошая вода. Теперь ее нет,— ответил я.

— Завтра мы, кажется, снова улетаем на Мальту. Там хорошо,— продолжал англичанин.

— А здесь плохо?

Солдат покачал головой и ничего не ответил.

Офицер привел хозяина парусника и приказал погрузить всех нас. Мы с трудом разместились на утлом суденышке. Корреспондента западногерманского телевидения бил озноб после утренней прогулки по колено в воде. Поднят парус, и мы плывем к другому берегу, где не убивают женщин и детей, не стреляют в безоружных, не поджигают человеческих жилищ.

Группа журналистов, в составе которой были американец, канадец, немцы, итальянцы, японец, югослав, турок, швейцарцы и советские корреспонденты, воочию убедилась, что представляет собой «полицейская акция» империалистов.

Каир (по телефону).

Юноше из Каира

ХАН ЮН ХО

Что я знал о твоей стране!
Что ты знал о моей стране!
Люди Африки, Азии, мы
Жили во власти тьмы.
Над Россией
Вспыхнул рассвет.
Над землею
Зажегся рассвет.
Над Кореей —
Рассвет.
Над Египтом —
Рассвет.
Тьма вековая сходит на нет.
Над Кореей —
корейский флаг.
Над Суэцем —
египетский флаг.
У Кореи есть враг.
У Египта есть враг.
Есть у честного мира
враг.
Он один,
Он и мой,
он и твой.
Он напал,
Навязал тебе бой.
Знаю я, что такое
«напалм».
Знаю я, что такое
«напалм»,
Вой снарядов
и посвисты мин...
Брат каирский, ты не один!
Мы на разных материках,
Но одно у нас знамя в руках.
«Руки прочь от Кореи!» —
на нем
Мир писал
и боролся с огнем.
«Руки прочь от Египта!» —
на нем
Пишем мы
и стеною встаем.
У Кореи есть враг.
У Египта есть враг.
Есть у честного мира
враг.
Он один,
А нас миллионы.
Слышишь биенье сердец!
Мы с тобою,
мой друг и брат!
Будет,
будет
свободным Суэц!
Мы на разных материках,
Но одно у нас
знамя в руках!

Перевел с корейского
А. Леднев.

Copyrighted material

ВЕЛИКИЙ СЫН КИТАЙСКОГО НАРОДА

13 ноября в Колонном зале Дома союзов состоялся торжественный вечер, посвященный 90-летию со дня рождения великого сына китайского народа, революционера-демократа Сунь Ят-сена.

Вечер открыл секретарь ЦК КПСС П. Н. Поспелов.

— Те великие революционные идеалы, за которые боролся Сунь Ят-сен,— сказал П. Н. Поспелов,— в которые он глубоко верил, теперь претворены в жизнь китайским народом под руководством славной Коммунистической партии Китая.

С докладом о жизни и деятельности Сунь Ят-сена выступил министр высшего образования СССР В. П. Елютин.

По окончании доклада собравшиеся горячо приветствовали Посла КНР в СССР Лю Сяо и группу китайских друзей, принявших участие в вечере.

Исторические документы

Пекин очень тепло отметил девяностую годовщину со дня рождения великого китайского революционера Сунь Ят-сена. Состоялись многочисленные собрания, беседы, экскурсии в Музей памяти Сунь Ят-сена. Недавно обнаружен ряд важных документов о китайском революционере. Они тридцать лет находились в Шанхае и не были известны. Среди них рукопись Сунь Ят-сена «Программа строительства страны», оригинал «Торгово-промышленного плана», написанный им в Шанхае на английском языке.

Найден также фотоснимок списка кандидатов в члены Исполнительного Комитета, избранного на первом конгрессе гоминьдана в 1924 году. В этом списке указаны фамилии Мао Цзэ-дуна, Линь Бо-цзюя, Цуй Цю-бо и других товарищей. Список составлен лично Сунь Ят-сеном. Найден фотоснимок записи, сделанной Сунь Ят-сеном в связи с кончиной Ленина: «Друг Китая, учитель народа», а также другие материалы, характеризующие революционную деятельность Сунь Ят-сена.

В юбилейные дни выпущено более 200 тысяч памятных значков, на которых изображен Сунь Ят-сен. Выпущены марки с портретами китайского революционера с надписью: «В честь синьхайской революции». В эти дни много экскурсантов побывало в Шанхайском доме-музее, на родине революционера и в других местах, связанных с памятью Сунь Ят-сена.

М. МЕРЖАНОВ

Пекин (по телефону).

Местечко Цуйхын, где родился Сунь Ят-сен.
Фото А. Крылова (ТАСС).

ГАСТРОЛИ ШАНХАЙСКОГО ТЕАТРА

8 ноября в Москве начались гастроли Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы. На первом спектакле присутствовали товарищи Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев. Посетил премьеру также Посол Китайской Народной Республики в СССР Лю Сяо. Встреча зрителей-москвичей и китайских актеров вылилась в яркую, взволнованную демонстрацию дружбы.

Юбилей Калидасы

Советский народ по решению Всемирного Совета Мира широко отмечает в этом году юбилей великого писателя древней Индии Калидасы, полторы тысячи лет назад создавшего бессмертные поэтические произведения индийской литературы.

В Колонном зале Дома союзов состоялся торжественный вечер, посвященный памяти великого индийского писателя. На вечере присутствовали Посол Республики Индии в СССР К. П. Ш. Менон с супругой и представители сторонников мира ряда стран.

«ФАШИЗМ НЕ ПРОЙДЕТ!»

В начале ноября группы фашистов в Париже совершили налеты на Центральный Комитет Коммунистической партии Франции и редакцию газеты «Юманите». На следующий день трудящиеся Парижа под лозунгом «Фашизм не пройдет!» устроили демонстрацию в знак протеста против действий фашистских погромщиков. Несмотря на запрещение властей, демонстранты вышли на улицы. На снимке: колонна демонстрантов на Севастопольском бульваре.

ЧЕРНОЕ ДЕЛО КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

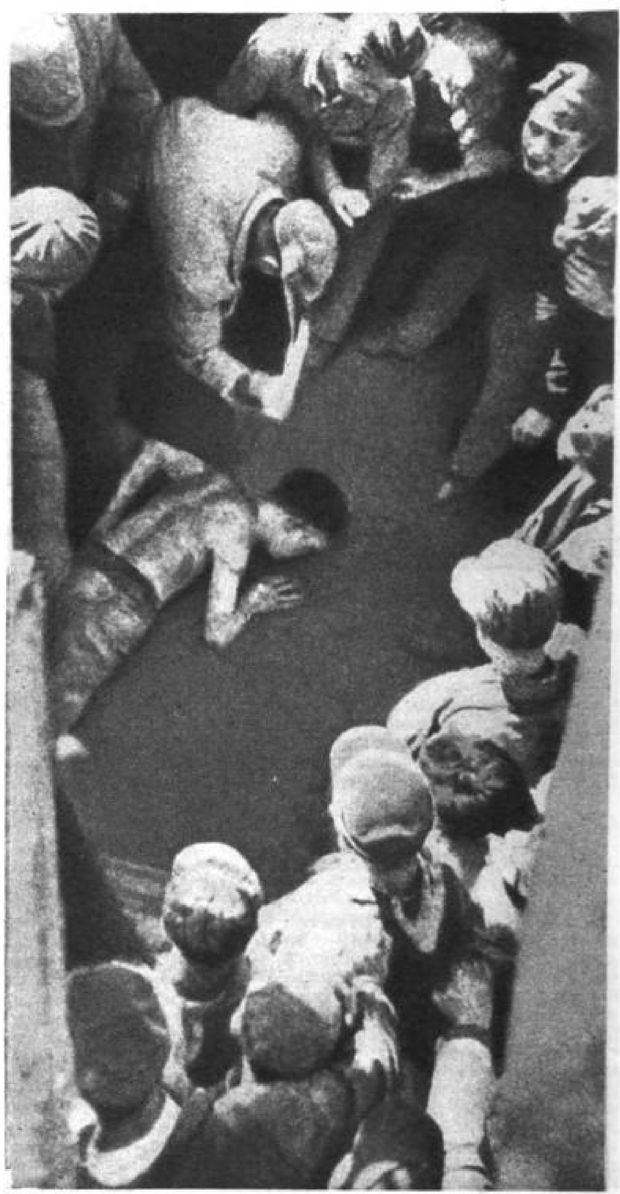
Посмотри на эти два снимка, читатель.

Вот они, кровавые дела, которые творили в Венгрии контрреволюционеры, фашисты, хортистские банды. Черный путь свой они усеяли трупами венгерских патриотов, коммунистов.

Реакция хотела использовать сложившееся положение в Венгрии для своих разбойничьих целей. Убийствами, поджогами, белым террором она хотела заставить страну свернуть с пути социализма, восстановить старые, хортистские порядки, возвратить заводы капиталистам, земли — помещикам. Как стая воронья, слеталось в Венгрию изгнанное народом эмигрантское отребье, бывшие помещики, титулованные особы, владельцы акций и предприятий. Расправами над честными венграми, над коммунистами руководили профессиональные палачи — хортистские офицеры. Контрреволюционным путчистам оказывали помощь и поддержку все реакционные силы капиталистического мира. Империалисты заранее радовались победе контрреволюции. Но планы реакции провалились.

Истинные патриоты Венгрии, честные трудящиеся люди, преданные делу народа, делу социализма, преградили дорогу контрреволюционерам.

Венгрия возвращается к нормальной жизни. В дни испытаний венгерский народ нашел силы, чтобы отстоять свои социалистические завоевания. Он сумеет залечить раны и двинуться дальше вперед, по пути социализма.

В городе Мадьяроваре контрреволюционеры избивают юношу-коммуниста. Снимок из западногерманского иллюстрированного журнала «Дер Штерн».

Жертвы фашистского террора.

СОВЕТСКИЕ СПОРТСМЕНЫ В МЕЛЬБУРНЕ

Советская легкоатлетка Галина Попова (справа) и переводчица команды Александра Ивушкина беседуют с тренерами команды Кении.

Советские спортсменки на прогулке в олимпийской деревне.

Copyrighted material

ВЕНГРИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К МИРНОЙ ЖИЗНИ

На улицах Будапешта. 12 ноября 1956 года.

Фото В. Маевского.

Жители Будапешта покупают хлеб во вновь открытых магазинах.

НА ПРОВОДЕ—БУДАПЕШТ

— Будапешт, четвертая кабина!

С кресла встает Аранка Нюль, венгерская студентка, которая учится в Москве, в Институте инженеров землеустройства. Аранка волнуется: пока еще она не имела сведений о своих родных. И вот сейчас она говорит с мужем, инженером Дьердем Фехером.

Что же рассказали Аранке?

С семьей все в порядке. Положение стало лучше. В Буде открыты продовольственные и промтоварные магазины. На западный вокзал начало поступать продовольствие из Советского Союза. Ходит несколько автобусов. Советские солдаты помогают восстанавливать город.

— Занимайся спокойно,— сказал муж Аранке на прощание.

Недавно «Огонек» писал о молодом талантливом венгерском кинорежиссере Шандоре Кё, дипломанте московского института кинематографии. Корреспонденты «Огонька» встретили его на телефонной станции. Он уже разговаривал с Будапештом.

— Мои живы и здоровы. Правда, четвертый этаж нашего дома разрушен. Мне рассказали, что мой друг Иштван Казан — его, наверное, помнят москвичи по выступлениям будапештской эстрады — ранен в ногу.

— Как это произошло?

— Ему позвонили домой и сказали, что фашисты хотят разграбить театр. Он бросился туда и по дороге был ранен. Сейчас он чувствует себя лучше.

Молодая женщина в красном спортивном костюме К. Илонка — тоже жительница Будапешта. После разговора со своей родственницей в венгерской столице она рассказала:

— В восьмом районе Будапешта работают газ, водопровод. Транспорт еще не налажен как следует. Маршруты автобусов пока точно не установлены. Каждый день маршруты объявляются по радио. Чаще автобусов ходят грузовики, переоборудованные для перевозки людей. Магазины работают, но нередко торговля производится прямо с машин, которые подвозят продовольствие. Начинают работать рынки.

...Трудные дни переживает Венгрия. Но жизнь входит в нормальную колею.

Говорит станция Чоп

Как известно, Советское правительство в ответ на обращение Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства приняло решение оказать безвозмездную братскую помощь трудящимся Венгрии.

Корреспондент «Огонька» связался по телефону с советской пограничной железнодорожной станцией Чоп и беседовал с начальником станции А. П. Гаргала.

Москва: Как идет отправка товаров для оказания помощи венгерским трудящимся?

Чоп: Наша станция никогда не работала с такой нагрузкой, как в эти дни. Сразу же после опубликования решения Советского правительства об оказании братской помощи трудящимся Венгрии к нам стали поступать потоки грузов со всех концов страны. Это главным образом продовольственные товары.

Москва: Перечислите, пожалуйста, какое продовольствие уже отправлено в Венгрию.

Чоп: Сахар, мука, масло, мясо, консервы мясные и молочные, зерно. Учтите, что такие продукты, как мясо и масло, отправлены в Будапешт и другие города Венгерской Народной Республики целыми эшелонами. Вот и сейчас на нашей станции стоят 40 вагонов с маслом. Этот рефрижераторный поезд отправляется через час.

Москва: Какие еще грузы отправлены в Венгрию?

Чоп: Много идет строительных материалов: цемента, леса, кровельного железа, оконного стекла,— словом, всего того, в чем так остро нуждается венгерский народ для залечивания ран, нанесенных ему контрреволюционными бандами.

Москва: Не можете ли вы сказать, сколько вагонов отправляется в течение суток?

Чоп: Такой цифры у меня нет под руками, но можно сказать, что поезда в Венгрию с нашей станции движутся беспрерывно. Вчера прибыли вагоны с сибирским мясом, украинским сахаром, вологодским маслом, закарпатской солью. Шлют продукты Москва и Ленинград, Киев и Одесса.

Москва: Присылают ли грузы другие социалистические страны?

Чоп: Сегодня мы отправили в Венгрию первые эшелоны, поступившие к нам из Чехословакии тоже в порядке оказания братской помощи трудящимся Венгерской Народной Республики.

Москва: Что бы вы еще хотели сообщить?

Чоп: Мы понимаем, что помощь Венгерской Народной Республике будет возрастать, и заверяем, что железнодорожники советской пограничной станции с честью выполнят возложенные на них задачи.

На Московском холодильнике № 12. Подготовка к отправке продуктов в Венгрию.

Фото Э. Евзерихина (ТАСС).

Copyrighted material

Они с Тайваня

Г. БОРОВИК,

специальный корреспондент «Огонька»

Шестеро с одной джонки

Холодным январским утром, когда небо над морем еще не начало светлеть, в песчаную кромку берега бесшумно ткнулась носом маленькая джонка, похожая на акулу.

Шестеро в крестьянской одежде соскочили на берег, несколько секунд постояли и затем пошли в разные стороны. Джонка, груженная бататами, осталась у берега...

Так начался этот день, к которому долгое время готовили всех шестерых. Теперь от маленького острова, с которого джонка начала свой путь, их отделял большой кусок моря, простреливаемый и гоминдановцами и с континента. Теперь они уже были не слушателями разведшколы при специальном Юго-Восточном полку на Тайване, а превратились в крестьян, мелких торговцев, снабженных соответствующими документами, радиопередатчиком и оружием.

Все шестеро должны были разбрестись по провинции Чжэцзян и самостоятельно добираться до Шанхая. Там на конец января была назначена их встреча.

...Сюй Шэн-ци двигался своим маршрутом. Первое волнение прошло, и сейчас он себя чувствовал спокойнее, хотя ноги казались все еще слишком тяжелыми и неустойчивыми. Он никогда не был трусом, все знали это, но континент — дело серьезное. Такое задание Сюй выполнял впервые. До него еще в школе доходили слухи, что на континенте «стена» — почти невозможно работать. В ушах стоял холодный голос начальника разведшколы: «Вы скроетесь. Вы найдете сообщников, будете опираться на них. Начнете собирать информацию, передавать ее. Если хорошо справитесь с работой, вас ждут деньги. Большие деньги, не в местной валюте. Если что-нибудь будет не так...— начальник сделал паузу,— я не завидую вам».

Старший группы Мао Нин-цзя, самый опытный среди всех, от имени шестерых произнес клятву, обычную в таких случаях...

Постепенно рассвело. Сюй Шэн-ци быстро шел по проселочной дороге. Никто не попался ему навстречу. Около ручья он остановился и, присев на корточки, зачерпнул ладонями воду. Вдруг сзади с пригорка скатился камешек и упал в ручей. Круги разошлись, и Сюй увидел в воде отражение человека. «Конец»,— была первая мысль. Но он заставил себя подождать несколько секунд и затем медленно повернулся. Около него стоял мальчуган лет двенадцати, видимо, пастух. Он серьезно посмотрел на незнакомца и спросил: «Откуда? Куда?»

Сюй ответил давно заготовленной фразой и вынул документы, подтверждающие его личность. Паренек с важностью осмотрел бумаги, кивнул и пошел своей дорогой. А Сюй долго еще ругал себя за то, что растерялся перед простым деревенским мальчишкой и даже показал ему документы.

Скоро Сюй вошел в деревню. Он двигался медленно, спокойно, стараясь не привлекать к себе внимания. Мысленно он отметил, что очень многие дома в деревне новые, а старые тщательно отремонтированы. Он удивился этому: на курсах начальство утверждало, что с 1949 года в Китае не построено ни одного жилого дома, а крестьяне вообще не имеют крыш над головой. И тут же рассердился на себя за эти сомнения.

На одной из изб он увидел большой лист бумаги, исписанный мелкими иероглифами. А сверху крупными было выведено: «Шпионы и диверсанты!»

Он не сразу сообразил, что это обращение к нему. Сюй подошел со скучающим видом и посмотрел. Это была обычная стенная газета. «Шпионы и диверсанты! — прочитал он. — Не совершайте преступлений против народа! Приходите в управление общественной безопасности, безбоязненно рассказывайте о себе все. Вы сможете стать новыми людьми, начать новую жизнь. Народ будет к вам великодушен. Не усугубляйте своих ошибок. Все равно вам не удастся долго скрываться. Народ вас разоблачит. И тогда вы получите наказание, которое заслужили. Поэтому признавайтесь во всем».

Тут же было приклеено несколько фотографий, рассказывающих о жизни и труде одного из бывших гоминдановских шпионов, добровольно сдавшегося властям.

«Не может быть, чтобы они прощали, — подумал Сюй Шэн-ци, — просто пропаганда, за мое перевоспитание взялись. Всех-то они перевоспитывают».

Но тут же он вспомнил разговоры, которые тайно велись на Тайване: коммунисты прощают тех, кто приходит к ним с повинной, или значительно снижают наказание. Может, в этом есть доля правды?

В одной из следующих деревень Сюй купил себе одежду, какую носят обычно кадровые работники на селе. Затем в книжном магазине приобрел тетрадку и два часа просидел в укромном месте, составляя письмо, адресованное в органы общественной безопасности. В письме он рассказывал свою биографию и признавался в шпионских действиях. Если его поймают, он немедленно вручит властям письмо и скажет, что собирался сам придти и во всем сознаться... Затем он взял билет на пароход, который шел в Нинбо, чтобы оттуда добраться до Шанхая. Жить он собирался в семье — у него в Шанхае остались отец, мать и брат. Сюй не видел их с 1949 года, когда солдатом попал на Тайвань.

Сюй ехал на верхней палубе. Возле него сидели на корточках восемь или десять крестьян и две женщины-крестьянки. Сюй не удержался и снова отметил мысленно, что одеты все они аккуратно. Один из них был чуть-чуть навеселе и беспрестанно смеялся, рассказывая про свадьбу своего двоюродного брата, с которой он возвращался. Крестьянин хвастал, что теперь все его родные и двоюродные братья женаты и сам он женился два года назад, хотя раньше и мечтать об этом не мог. Он расхваливал свою жену и жен всех родственников — они хорошие хозяйки, и в доме еды достаточно.

Остальные постепенно вступали в разговор. Сюй внимательно слушал и думал: не иначе как судьба нарочно искушает его — сначала та деревня с новыми домами, потом стенные газеты, и теперь вот эти крестьяне. Каждый из них был членом кооператива, и каждый будто нарочно рассказывал о том, как изменилась жизнь после освобождения. Сюй подумал: «Может, это тоже пропаганда? Может быть, их заставляют говорить о счастливой жизни?» Но сколько ни прислушивался и ни присматривался, он не мог уловить в разговоре ни одной фальшивой нотки.

Все, что говорили эти люди, было для него новым. Он вовсе не этого ждал, направляясь на континент. Минутами ему очень хотелось принять участие в разговоре, быть таким же веселым и свободным, как они. Но тут же он вспоминал о тех, кто его ждет в Шанхае, и мрачнел. Он потрогал руками письмо в кармане и отошел от крестьян. Никогда они не простили бы ему того, что он пришел к ним со злым умыслом. Ничего не поделаешь — надо выполнять приказ. «Но на кого я буду здесь опираться?» — продолжал думать Сюй.— На этого вот веселого, у которого все родственники женаты, или на того пожилого крестьянина, который, оказывается, на старости лет стал учиться в школе?» С этими мрачными мыслями Сюй добрался до Шанхая.

В дом, где жили родители, он пришел во время обеда. Все сидели за столом. Мать вскрикнула от неожиданности, уронила на пол палочки и через секунду бросилась к сыну, которого считала погибшим. Потом подошли отец, брат, жена брата, племянник.

Сюй был голоден и сразу же сел за стол. И опять, сердясь на себя, он отметил, что посуда новая, что в доме много хороших вещей, которых не было раньше, а на столе мясное, хотя день был не праздничный. Отец до сорок девятого года был уличным торговцем, и семья жила тогда впроголодь...

Прошло некоторое время. Условленный день встречи еще не наступил, и Сюй отсиживался дома. Однажды вечером он остался наедине с отцом.

— Слушай, сын,—спросил вдруг отец, — ты пришел с т о й стороны?

Сюй сразу понял, но ответил:

— Не понимаю тебя.

— Понимаешь. Значит, с т о й стороны?

— Почему ты решил? Я работал на северо-западе.

— А почему ты не выходишь из дому, не встречаешься с друзьями, боишься света? И глаза у тебя другие. Вот и сейчас ты их прячешь.

Сюй подумал и решил говорить начистоту. Это был единственный выход, иначе он остался бы без крова. Отец выслушал внимательно и спокойно сказал:

— Ты попал в плохую историю. Завтра же утром пойдешь в управление общественной безопасности и расскажешь обо всем.

Сюй ожидал гнева, ожидал осуждения или страха, чего угодно, но не этого спокойного совета.

— Что ты, отец! Они убьют меня.

— Никогда. Если ты честно во всем признаешься.

— Но меня убьют гоминдановцы, когда вернутся.

— Они не вернутся.

— Как же?! У них сила, с ними американцы.

— Американцы проиграли в Корее. Если никто не захочет, они не придут.

— А ты не хочешь?

— Я? Ты знаешь, как мы жили раньше. Мне не нужны гоминдановцы и американцы.

Потом пришел брат. Он был рабочим, каждую среду занимался политучебой. И от него Сюй узнал много нового.

— Я хочу, чтобы ты сам решился, — закончил отец, — тогда ты сможешь начать жизнь снова.

Еще день Сюй просидел дома, размышляя. Наутро третьего дня вместе с братом он пошел в управление общественной безопасности. Там его внимательно выслушали, подробно записали весь его рассказ и... отпустили.

— Я могу идти?! — удивился Сюй.

— Конечно. Завтра зайдете, мы поговорим о Мао Нин-цзя и оформим вам н а с т о я щ и е документы. Чем бы вы хотели заниматься?

— Если вы меня не расстреляете, то я хотел бы посидеть немного в тюрьме.

Через несколько дней с помощью Сюя работники общественной безопасности взяли остальных. Никто из них не сопротивлялся, даже Мао Нин-цзя. На допросе бывший начальник группы сказал:

— Дело не в Сюе. Мы все попались бы рано или поздно. На континенте работать нельзя.

Эта короткая история записана на основе показаний Сюй Шэн-ци в органах общественной безопасности Шанхая. Он сейчас работает счетоводом в первом сельскохозяйственном производственном кооперативе 3-й деревни, волости Байша, района Чжуанчао, города Нинбо.

Майор Хуан

В Пекине я познакомился с бывшим майором гоминдановской авиации Хуан Ган-цуном.

Copyrighted material

Всего несколько недель назад он перелетел с одного из тайваньских аэродромов на континент.

Хуан Ган-цун вступил в гоминдановскую армию во время антияпонской войны по одной причине: он хотел бороться против иностранных оккупантов.

В 1949 году, выполняя приказ командования, он вместе с семьей эвакуировался на Тайвань и стал там инструктором летной школы в местности Ганшань, между городами Гаосюн и Тайнань.

Он был далек от политики, считал себя только солдатом и беспрекословно подчинялся командованию. Но 7 лет пребывания на Тайване не прошли для него даром. Он увидел, что вернулся к тому, против чего боролся. Он убедился, что фактическим начальником летной школы был не китаец, а один из американских советников по фамилии Уайт. В те редкие дни, когда Хуан приезжал в Тайбэй, он и здесь видел, что американцы держат себя хозяевами. Моряки хулиганят, избивают китайцев, измываются над ними. И в каждом учреждении, военном или гражданском, он знал, сидят такие же советники, как Уайт.

До него доходили слухи о другой жизни на континенте. Радио Пекина было запрещено слушать. За нарушение приказа немедленно увольняли. Но все же иногда тайком, урывками он включал приемник.

Майор не был ни противником, ни сторонником коммунистов. Он не знал их программы, не знал их политики. Но одно он знал прекрасно: Китай при коммунистах стал могучим и независимым, о нем со злобным уважением говорят даже американцы. Никогда этой нотки уважения не было в словах иностранцев, когда они говорили о тайваньском правительстве. Да и сам он, исполнительный служака, которого высшее начальство всегда ставило в пример другим, потерял уважение к гоминдановским властям после того, как на своем самолете перевозил с континента на Тайвань добро, награбленное чанкайшистскими министрами в общественных и государственных организациях.

Впервые он подумал о перелете в народный Китай, когда узнал, что его друг Хуан Те-цзюнь перелетел на самолете на континент. После этого было еще несколько таких случаев — в разных летных школах, в военных частях. Решение его еще более окрепло, когда, слушая украдкой радио, он узнал о политике мирного освобождения Тайваня, провозглашенной китайским правительством. Он почти наизусть помнил слова премьера Чжоу Энь-лая, сказанные на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей в июне этого года.

«Ради сплочения всех патриотических сил, — говорил Чжоу Эньлай,— для скорейшего осуществления полного объединения нашей родины, я хочу еще раз провозгласить здесь, что ко всем патриотам, вне зависимости от того, когда бы они ни вступили в патриотические ряды и как бы тяжки ни были их преступления в прошлом, мы отнесемся в соответствии с принципом «все патриоты — одна семья» и не будем их наказывать за прошлое, мы будем приветствовать их заслуги в деле мирного освобождения Тайваня, по заслугам их вознаграждать и обеспечивать соответствующей работой... Мы надеемся... что усилия к мирному освобождению Тайваня приложат... все гоминдановские военнослужащие и чиновники, находящиеся во всех местах за рубежом. Только таким путем они могут избежать участи презираемых людьми бездомных скитальцев по чужим землям...»

Гоминдановцы приняли все меры, чтобы прекратить участившиеся перелеты на континент. Особенно опасались гоминдановцы за холостых летчиков. Поэтому гоминдановское начальство создало специальный «фонд поощрения женитьбы». Если летчик обзаводился семьей, ему выдавали из этого фонда 6 тысяч тайваньских юаней. А деньги для этого фонда взимали в обязательном порядке с каждого летчика в размере 30 юаней в месяц.

Гоминдановцы ввели сложную систему пропусков, по которой даже инструктор не мог подойти к самолету без специального разрешения.

Хуан Ган-цун (справа) со своим братом Хуан Фын-цуном, майором медицинской службы Народно-освободительной армии Китая в Пекине.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

Поэтому Хуану было очень трудно подготовиться к полету. Он заявил начальству, что в его самолете кое-что неисправно, надо отремонтировать. Но перед ремонтом необходим контрольный полет. В неисправности нужно было уверить и техника, и Хуан применил все свое искусство опытного летчика. Когда разрешение на полет было получено, он поднялся с аэродрома и взял курс на запад. На Тайване у него остались жена и ребенок. Майор знал, как тяжело им будет. Но для майора Хуана теперь речь шла о долге патриота, долге китайца.

Он приземлился в одной из приморских провинций. Крестьяне издали окружили самолет, боясь подойти поближе. Наконец самый смелый приблизился, но ничего не понял из того, что сказал ему Хуан: тот не знал местного диалекта. Постепенно толпа придвинулась ближе. Нашелся человек, умевший изъясняться по-шанхайски. Он выслушал Хуана, перевел его рассказ крестьянам, и тут все переменилось. Крестьяне, державшие себя до сих пор настороже, заулыбались. Через некоторое время он уже был в здании правительства уездного городка. Ему преподнесли цветы, купили все необходимое и отправили в Пекин. По дороге Хуан останавливался во многих городах. Это было для него второе знакомство с родиной, которая горячо приняла его.

В Пекине был устроен митинг, в котором участвовали многие из знакомых летчиков, перелетевших на континент до него. Там же Хуану была вручена награда — 8 тысяч юаней.

— Что вы будете делать теперь? — спросил я летчика.

— Я буду делать все, что считает полезным правительство, но особенно мне хочется отдать силы для мирного освобождения Тайваня. Я думаю, что перелет — это только первый шаг в моей работе.

Эти две судьбы, во многом различные, имеют общую черту — два человека вновь обрели родину. Они пришли к этому различными, но в обоих случаях трудными путями.

Сейчас очень многие гоминдановские военнослужащие и чиновники, в свое время бежавшие на Тайвань, видят единственный выход для себя только в осуществлении мирного объединения родины.

Семь тысяч писем из Польши

В дни месячника польско-советской дружбы московское радио провело среди своих радиослушателей в Польской Народной Республике конкурс на тему «Что вы знаете о восточном соседе своей родины — Советском Союзе?». В течение трех недель беспрерывным потоком в редакцию шли конверты с почтовыми штемпелями Варшавы и Кракова, Познани и Лодзи, сотен других городов и сел Польской Народной Республики. Семь тысяч польских радиослушателей пожелали принять участие в конкурсе. Вероятно, не так-то легко было ответить на 14 вопросов, которые касались и истории, и экономики, и географии, и культуры Советского Союза, и решений XX съезда КПСС. Однако 2 707 участников конкурса ответили правильно на все вопросы. Многие не только ответили, но и прислали оформленные с большой любовью и старанием альбомы, карты, фотографии.

Недавно в Большой студии московского радио состоялось необычное для радиостудии мероприятие — розыгрыш премий между участниками конкурса.

Пожалуй, и все участники конкурса, которые находились за сотни километров от московской радиостудии, в этот момент слушая репортаж, затаили дыхание. Кто же будет обладателем первой премии — телевизора «Луч»? Интересно, ожидала ли Мария Плевинская из города Быдгоща, что первая премия выпадет именно ей?

Веселая женщина, которую вы видите на снимке, — Данута Кенчинская — редактор одной из самых популярных в Польше радиопередач «Музыка и актуальность». Приехав в Советский Союз, чтобы провести здесь отпуск, Данута не могла не зайти к своим товарищам по профессии. В дружеской беседе и родилась мысль провести во время месячника польско-советской дружбы конкурс среди польских радиослушателей. Семь тысяч писем из Польши — лучшее одобрение этой идеи.

Вместе с ответами на вопросы польские радиослушатели присылали теплые, дружеские письма.

«В Советском Союзе я не был, непосредственно с советскими людьми не встречался, но полюбил советский народ,— писал Юзеф Высокинский из села Дзежбы, Варшавского воеводства.— То новое, что появляется у Вас, новые открытия и новые достижения, все, что радует Вас, радует и меня. Радуют меня Ваши великолепные успехи в различных областях жизни. Более всего привлекает меня мирная политика Советского Союза».

«Мы с Вами, нашими естественными союзниками и соседями,—говорилось в письме Ежи Добош из Остроленки.— Желаем Вам самых лучших достижений во всех Ваших гигантских трудах, желаем себе и Вам, чтобы наша дружба развивалась и крепла ради нашего общего блага».

А. ПАНФИЛОВ

Фото Р. Лихач.

Copyrighted material

БУДНИ КОЛКАУ

В. ШУМОВ

Каждое утро заправляется койка дважды Героя Советского Союза генерала армии И. Д. Черняховского.

Фото Я. Табаровского.

Накануне народного праздника — Дня артиллерии — мы были в КОЛКАУ. Так сокращенно именуется Киевское ордена Ленина краснознаменное артиллерийское училище имени С. М. Кирова — старейшая военная школа страны. Тридцать семь ее выпускников — Герои Советского Союза. Если говорить о нынешнем времени, то начальник училища получил сообщение из округа: по выпускным экзаменам училище вышло на первое место.

За узорной оградой и тенистой аллеей — многоэтажное здание. На фронтоне мемориальная доска. Здесь учился дважды Герой Советского Союза генерал армии И. Д. Черняховский. Приказом министра обороны СССР он зачислен навечно в списки курсантов первой батареи. Каждое утро заправляется его койка с личным знаком № 1, на которой никто не спит. При вечерней поверке называется его имя.

День в КОЛКАУ начался, как обычно, с утренней зарядки. Каменные лестницы загудели от топота ног. Вскоре на широком плацу, взмахивая руками, приседали мускулистые парни, обнаженные по пояс.

Время здесь рассчитано по минутам. Несобранному, вяловатому человеку трудно, пожалуй, на первых порах выполнять четкое расписание. Но, видимо, здесь таких мало.

В коридорах стало пусто. Занимаются в аудиториях, в поле, на стрельбище, в спортивном городке.

На стендах наглядных пособий, которыми богато училище, выписаны для памяти лаконичные правила. Вот одно из них: «При работе на приборах не применяй силы». Курсанты, изучающие материальную часть, точными, рассчитанными движениями собирают механизмы. Да, сила здесь не применяется. Но на занятиях орудийного расчета она потребовалась в достаточной мере. Было это так. 122-миллиметровая гаубица стояла в укрытии. Прозвучала команда старшего лейтенанта Чернышева. Командир орудия курсант Александр Тиккер поднял расчет к бою. Надо было выкатить гаубицу на открытую огневую позицию. Лица налились кровью, рывок, другой — и вот уж наводчик курсант Иван Оксентюк доворачивает ствол на заданную цель.

Тиккер и Оксентюк — отличники. Через год они станут лейтенантами и покинут стены училища.

А как себя чувствуют те, кто недавно пришел сюда, избрав в жизни военную профессию? В этом году у них были первые стрельбы, они по очереди командовали огневым взводом, решая, как на войне, неожиданные задачи.

— Когда в первый раз стрелял, немного торопился, угодил правее, пришлось довернуть орудие влево, и три снаряда прошли через щит. В общем, что вспоминать, дело прошлое.— И Юрий Сергеев машет рукой. Ему девятнадцать лет. Учится отлично. У него хорошая подготовка — среднее образование.

Виктор Мережко и Борис Никритин определили свое призвание еще в пятнадцатилетнем возрасте. Они закончили артиллерийское подготовительное училище, получив там же аттестаты зрелости. Оба энтузиасты артиллерийской науки.

— Будете писать, а юнцы прочтут, так пусть зарубят себе на носу: кто к нам хочет попасть, пусть математикой займется. Математику надо знать,— басит Мережко.

— А также физику,— сказал Никритин и рассмеялся.— В общем, много надо знать, если хочешь стать артиллеристом.

Курсант Геннадий Политыкин, несмотря на молодость — ему двадцать один год,— человек бывалый. После школы работал токарем на харьковском заводе «Свет шахтера», затем был призван в армию, побывал в Германии, в армии стал вычислителем-артиллеристом, специальность понравилась, решил учиться. Так он попал в КОЛКАУ. Сегодня курсант Политыкин действует как командир огневого взвода на марше: сам принимает решения, отражая «нападение танков», «налет авиации».

Вечером мы заглянули к командиру одного из дивизионов, подполковнику Еременко, человеку, известному многим выпускам курсантов.

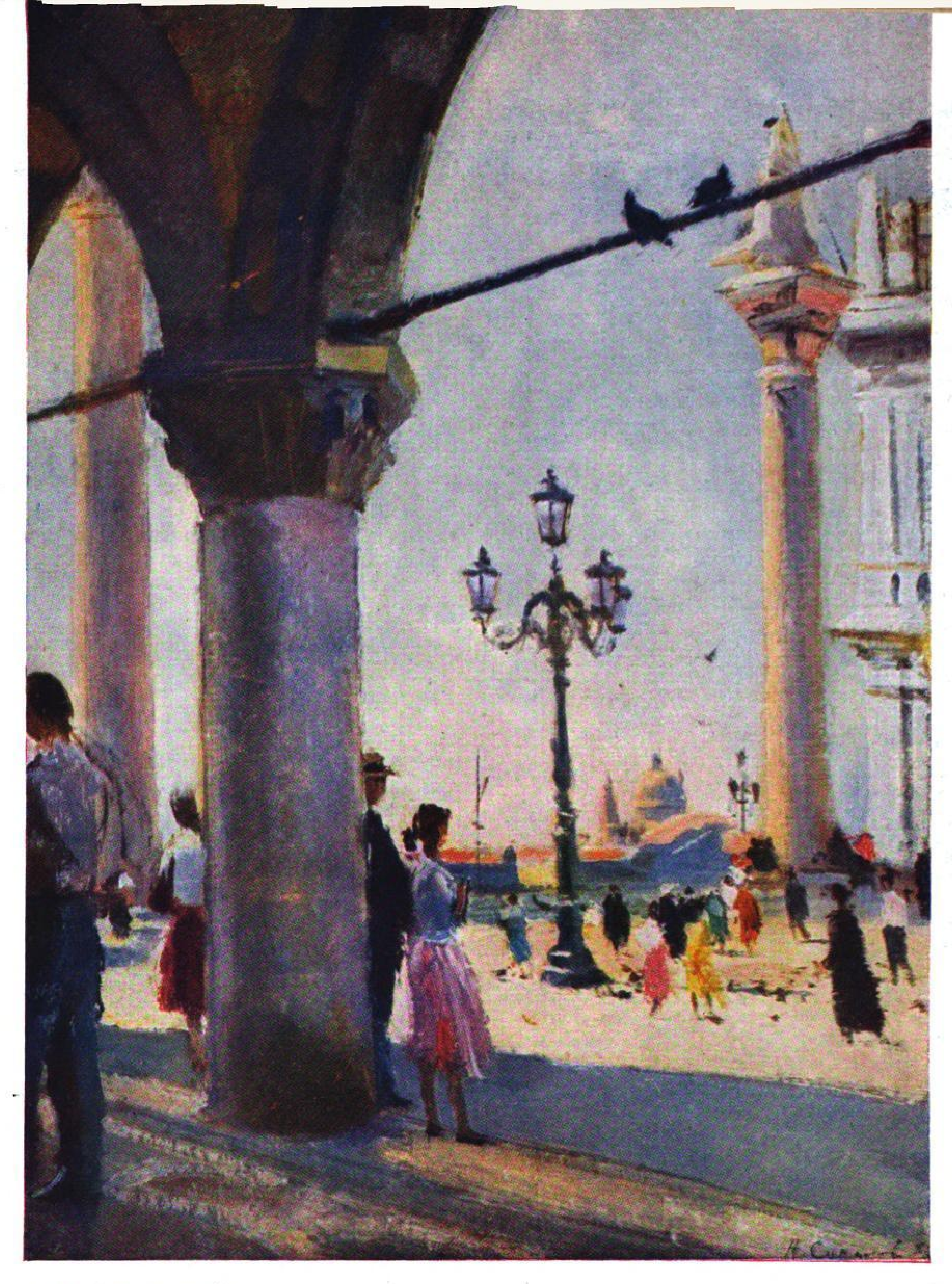
Подполковник сидел, склонившись над книгой. На столе раскрытая карта. Он тоже учится.

Курсант-наводчик И. Оксентюк.

Курсанты на учении.

Фото И. Макаренко.

Copyrighted material

Н. А. Соколов. ВЕНЕЦИЯ.

ПО ГОРОДАМ ИТАЛИИ

Недавно в Венеции закрылась XXVIII международная художественная выставка. Впервые после многолетнего перерыва в выставке приняли участие советские художники. Большая группа советских художников — участников выставки — посетила летом нынешнего года Венецию и другие города Италии. Мы помещаем несколько этюдов и набросков участников этой поездки.

Орест ВЕРЕЙСКИЙ

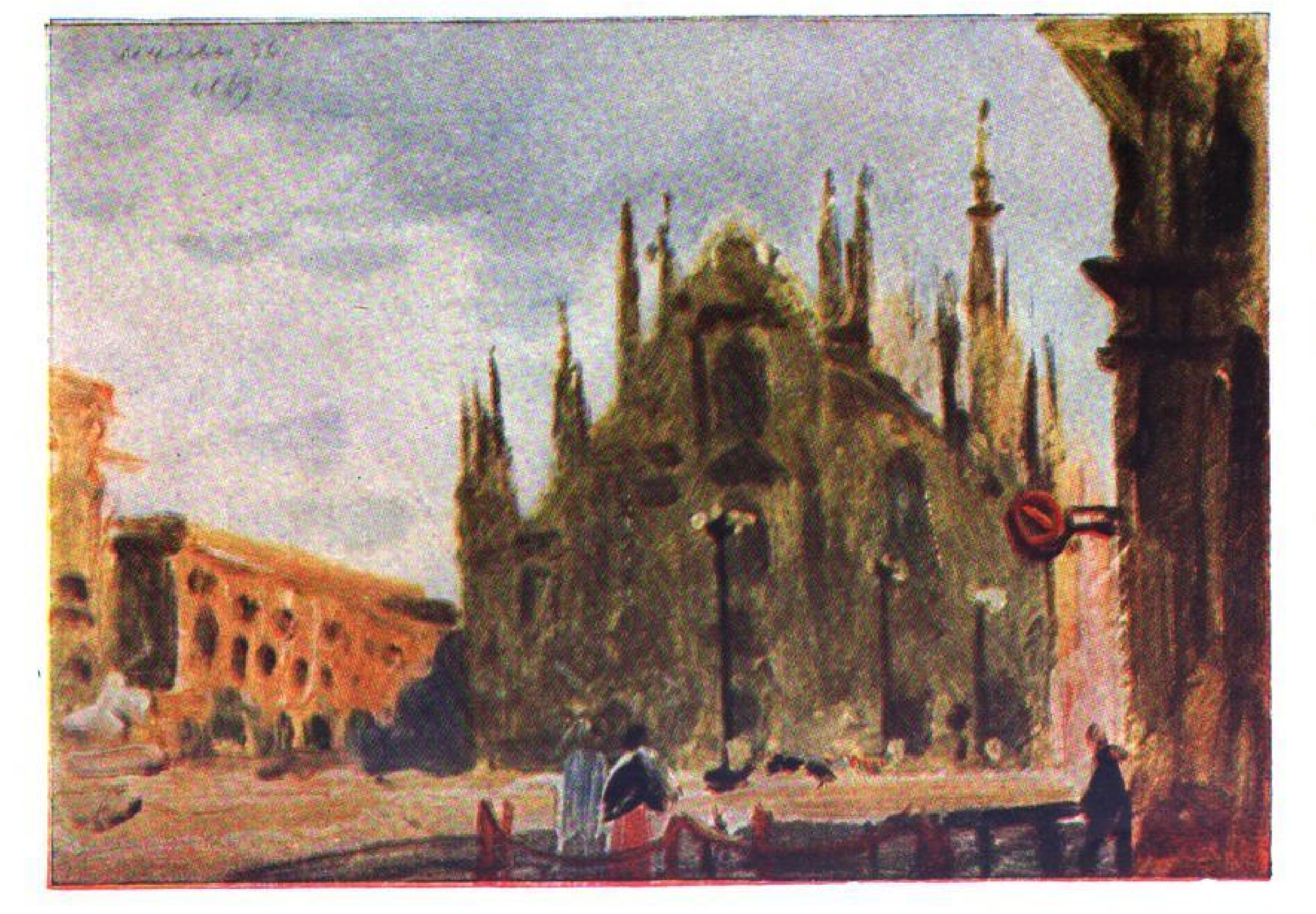
На площади св. Марка в Венеции высятся три колонны-флагштока. Широкие ступени их пьедестала — излюбленное место отдыха венецианцев и туристов в вечерние часы, когда спадает зной.

Разноплеменные туристы обязательно здесь заканчивают свой утомительный день. Влюбленные сговариваются о встрече, пожилые пары приходят подышать свежим воздухом — она с вязанием, он с пачкой газет.

Среди тесно сидящих на ступенях людей я увидел молодого художника. Стиснутый людьми, он рисовал, зажав между ног коробку с акварелью. Я подошел, чтобы увидеть рисунок. На мокрой бумаге были намечены плиты мосто-

Copyrighted material

П. Н. Крылов. НЕАПОЛЬ. САНТА-ЛЮЧИЯ.

вой, голуби, человеческие фигуры. Над людьми смыкались резные своды палаццо Дожей.

Я подивился: юноша рисовал, сидя спиной к палаццо! Я несколько минут наблюдал за ним. Он ни разу не оглянулся и почти не отрывал глаз от бумаги. Потом я понял, что его рисунок — свободная импровизация, навеянная красотой Венеции, а не каким-либо определенным местом площади.

Венеция действительно так прекрасна, что художнику хочется писать все, что он видит, ни на минуту не выпуская из рук кисти или карандаша. Венеция — город поразительно ярких красок. Но эта яркость так гармонична, что ни один цвет, как бы резок он ни был, не вырывается, не мешает глазу, а как-то сразу входит в

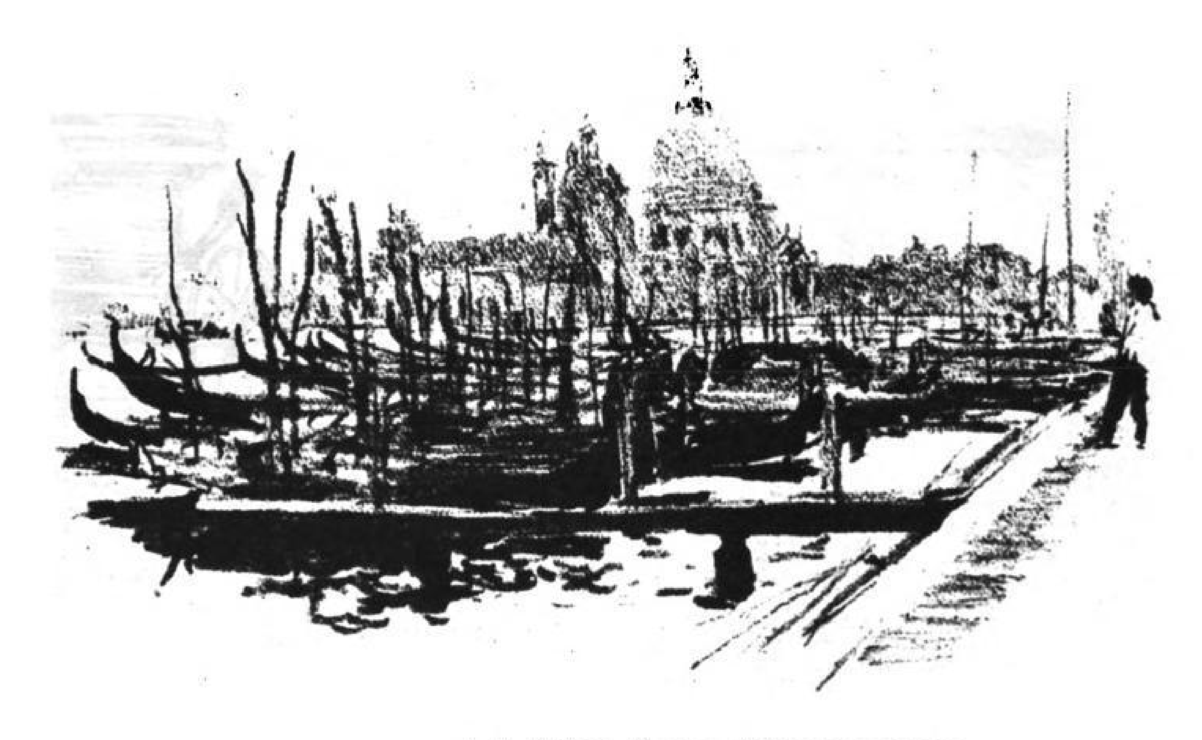
В. С. Иванов. МИЛАНСКИЙ СОБОР.

Copyrighted material

стройный цветовой ритм неповторимого венецианского пейзажа.

Красота Венеции не только в пышности дворцов, в прозрачно-зеленом просторе лагуны, в поэтичности мостиков, переброшенных через каналы, но и в уголках города, которые не принято воспроизводить на открытках для туристов. Темные улочки-ущелья, по дну которых протекают каналы с не всегда привлекательными запахами, имеют свою особую прелесть. На поверхности каналов здесь не скользят лакированные гондолы с нарядными гондольерами. Гондолы и лодки перевозят грузы, через улицу протянуты веревки с бельем, на площадках над водой деловито завтракают гондольеры под веселую перебранку своих жен. Неповторимый, ни на что не похожий город!

Как понятно становится итальянское искусство, когда познаешь его в среде, породившей его. Мы все восторгаемся конной статуей кондотьера Коллеони—превосходной копией творения Верроккьо, стоящей в московском Музее изобразительных искусств имени Пушкина. Но видеть оригинал на маленькой площади св. Джованни и Паоло, да еще в оранжевых лучах вечернего солнца,— это значит увидеть статую по-новому, по-другому, это радость первого свидания с шедевром искусства.

Е. А. Кибрик. Венеция. Набережная лагуны.

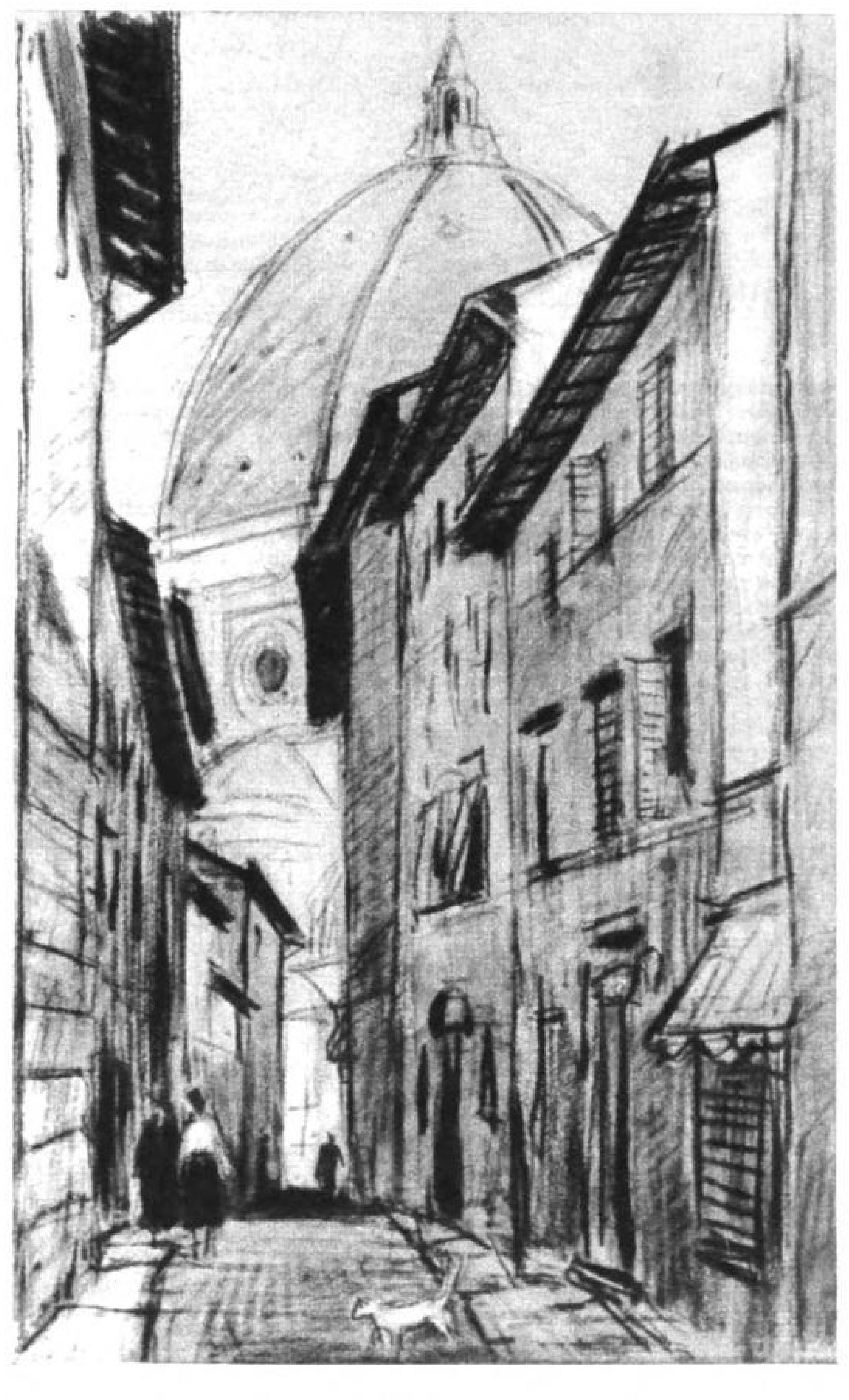

А. В. Кокорин. Гондольеры в Венеции.

Совсем по-особому воспринимаются картины Джентиле Беллини и Карпаччо, когда видишь их непосредственно после прогулки по местам, изображенным на полотнах четыре с лишним века тому назад.

В стремительности короткой экскурсии учишься распознавать отличительные признаки разных городов Италии. После пышности Венеции красота Флоренции кажется лирической и скромной. Сдержанная гамма серого и желтого камня, плиты улиц и площадей, отшлифованные до блеска всеми видами обуви многих поколений флорентийцев и туристов...

И, наконец, Рим. Здесь поражают гигантские масштабы зданий, таких гармоничных по своим пропорциям, что их размеры постигаются не сразу. Собор св. Петра, внутренность которого равна размерам площади перед ним, громада замка св. Ангела, руины Капитолия, поразительная архитектура Колизея... Среди сутолоки шумных улиц, среди современных магазинов, на фоне крикливой рек-

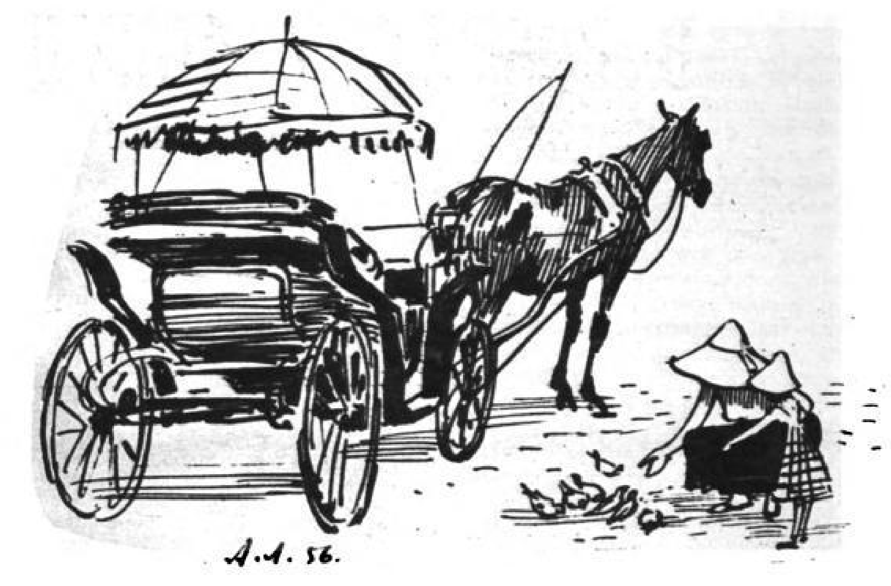

Д. А. Шмаринов. Улочка в Флоренции.

Copyrighted material

Н. Н. Жуков. Подруги (Флоренция).

А. М. Лаптев. На площади Синьории (Флоренция).

ламы возникают на каждом шагу допрекрасные памятники древнеримской архитектуры, статуи, фонтаны, развалины храмов. Приезжим, наверно, странно видеть, как спокойно и деловито, не оглядываясь, проходят сегодняшние римляне мимо чудес древнего города. Но на самом деле жители Рима страстно любят свой город.

...Провожавший нас на вокзале писатель Джанни Родари спросил, какой из городов Италии понравился нам больше всего. И, не дожидаясь ответа, быстро добавил: «Лучше Рима на свете города нет».

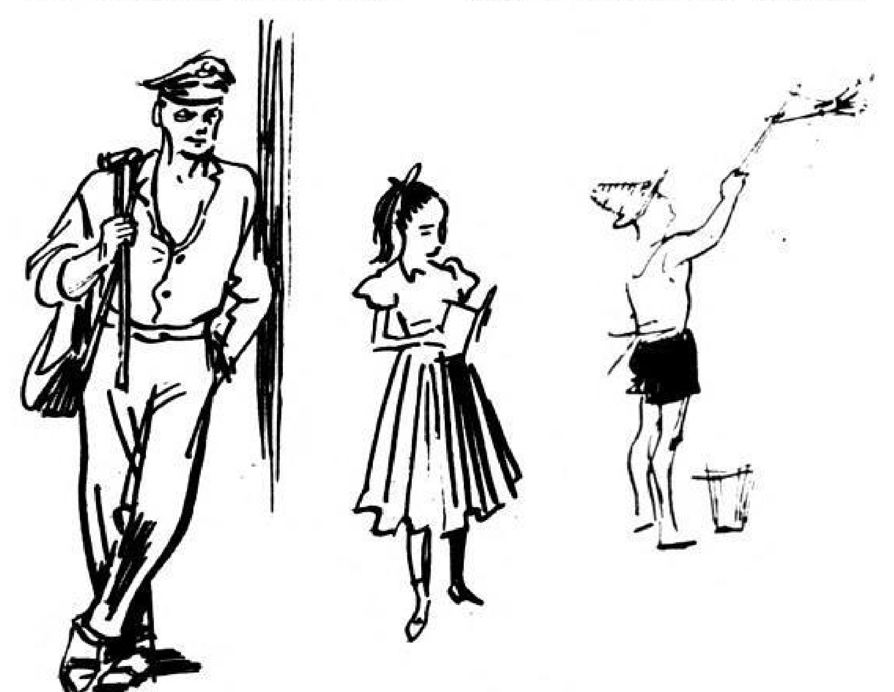
Мы были и в Милане, промышленном городе, с множеством зданий современной архитектуры, которые совсем оттеснили старые постройки.

Чем-то неуловимо отличаются друг от друга жители разных итальянских городов. За недостатком времени мы чаще всего знакомились и беседовали с итальянцами в тесноте поездов. Контакт возникал обычно сразу, как только выяснялось, что мы советские люди. Если незнание языка затрудняло разговор, находились другие формы общения. Художник Н. Жуков, преодолевая вагонную качку, рисовал то, что хотел бы выразить словами. Художник А. Лаптев пел итальянские песни, а молодые солдаты и бойкие черноволосые девушки радостно подхватывали припев.

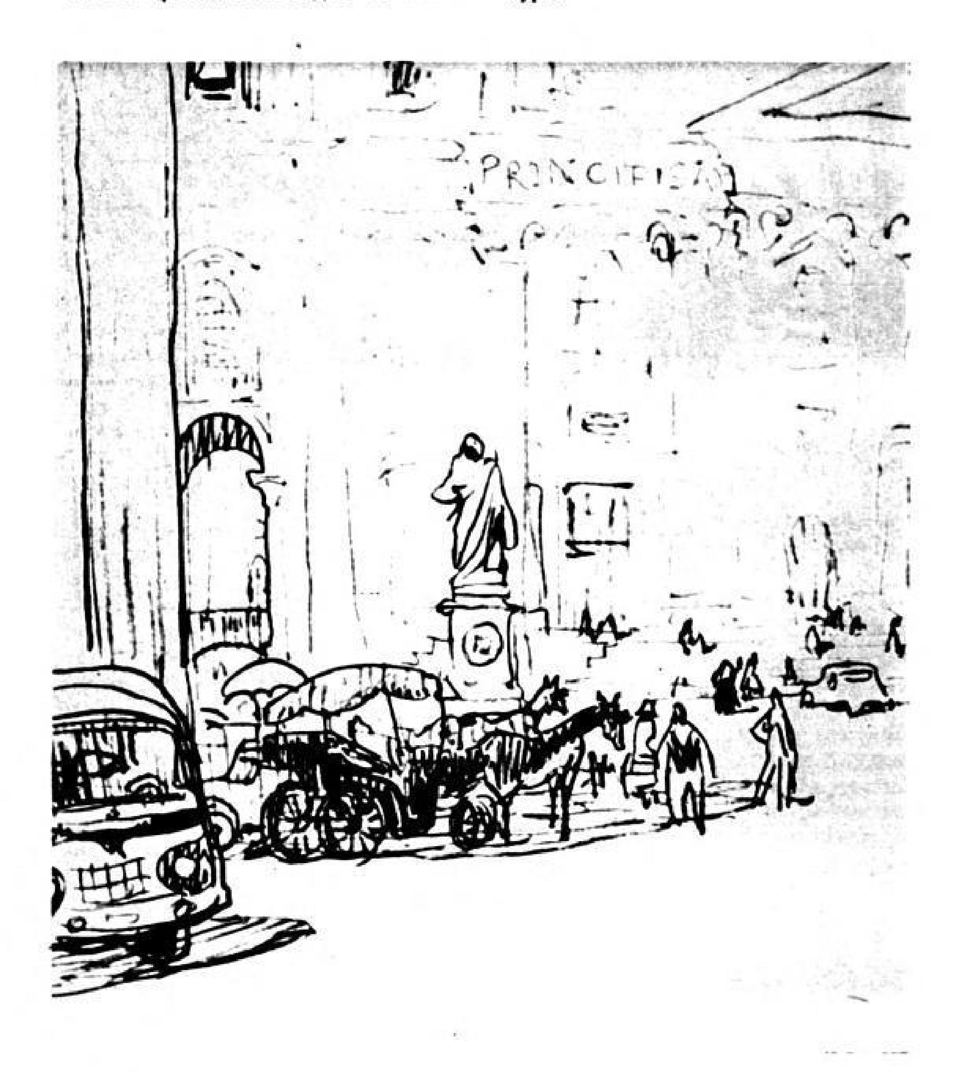
А за широкими стеклами вагона проносилась панорама виноградников, каменных зданий, прилепившихся к скалам, селений с яркими черепичными крышами-пейзажами, так знакомых нам по полотнам художников Возрождения.

Наше время в поездке по Италии было невероятно уплотнено. Трудно теперь поверить, сколько было увидено нами за короткий срок. Надо было пересмотреть все гигантское наследие Тинторетто, Тициана, Микельанджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Донателло, Верроккьо, античную скульптуру, бесчисленные музеи, церкви, монастыри, не говоря уже о павильонах международной выставки в Венеции.

И все же нашим художникам удалось привезти из Италии большое количество этюдов и рисунков. Кроме законченных работ, я видел в альбомах своих коллег и попутчиков множество беглых набросков и зарисовок. Они помогут создать новые композиции в живописи, графике и скульптуре.

А. М. Лаптев. Наброски из альбома.

А. В. Кокорин. Рим. У собора св. Петра.

Copyrighted material

В ГОСТЯХ У ДОБУДЬКО

Глава из повести «Далеко-далёко»

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

В выходной день Иван Сыч и Петенька Рябов собрались опять навестить Селивана. Старшина Добудько, оформлявший на них увольнительную записку, сунул в руку Петеньке литровую бутылку.

— Скажете, от моих чукчат.

— Молоко? Настоящее? Не сухое? — дивился Петенька, вертя бутылку и глядя на Добудько, как на мага-волшебника.— Откуда это тут, на краю света?.. А может, оленье?..

— Обыкновенное, коровье. Утреннее, самое, как уверяет жинка, сладкое,— говорил старшина с превеликой гордостью.— Приходьте сегодня до мене. И вас угощу, тогда и расскажете, как здоровье Громоздкина. Договорились? Добре. Адрес я вам зараз напишу...

— Спасибо, товарищ старшина! — поблагодарил растроганный Петенька.— Обязательно зайдем на обратном пути!..

Громоздкин поправлялся. Обрадованный приходом друзей и подарком старшины Добудько, он с жадностью, удивившей Сыча и Петеньку, расспрашивал о ротных и полковых делах, в том числе и о таких мелочах, которые Петеньке и Ивану Сычу даже в голову не приходили.

— А Шелушенков-то жив и невредим! — сообщил вдруг Сыч и испугался, не зная, правильно ли сделал, что заговорил сейчас об этом.

Но Громоздкин уже знал, что с Шелушенковым ничего страшного не случилось.

— А вы знаете, ребята... Он ведь ко мне сюда приходил...

— Кто? Шелушенков?

— Угу... И принес вот это...— Селиван наклонился и достал из тумбочки книгу.

— «Повесть о настоящем человеке»,— прочел Петенька на обложке.— Здорово! Я слышал об этой книге, но не читал. Дашь прочесть, Селиван?

— Дам.

— Спасибо... А о чем вы с ним разговаривали?

— Да почти что ни о чем. Пожелал скорого выздоровления...

— И все?

— И все. А чего ж еще?

— Ну, может, еще что...— Петенька замялся. О том, что Шелушенков затеял было против Громоздкина «дело», он и Сыч решили не сообщать товарищу, к тому же из этой затеи ничего не вышло: следствие с неопровержимой ясностью показало полную невиновность Громоздкина. Петеньке хотелось только выпытать у Селивана, не говорил ли ему обо всем этом сам Шелушенков.

После третьего предупреждения дежурной сестры они собрались уходить. Селиван вытащил из-под подушки конверт и передал Рябову:

— Отправьте...

— Настеньке?

— Ей.

— Первое? — спросил Рябов.

— Ага.

— С ума сойти!.. А я каждый день отсылаю по одной открытке маме. Если не получит от меня весточки хотя бы в течение недели, она помрет. Я ее знаю!.. А тут — первое! Да ты что, Селиван, сдурел? Как же можно так? Знаешь, что я тебе скажу... Если Настенька выйдет за кого-нибудь замуж, она будет права...

— Типун тебе на язык! — Темные глаза Селивана заблестели. Узнав, что Петенька и Сыч собираются зайти к старшине, он горячо сказал: — Передайте ему большой, большой привет. И благодарность! Нет, постойте, я лучше сам напишу...

Громоздкин опять наклонился к тумбочке, достал карандаш, бумагу. Голова у него кружилась. Он с трудом написал:

«Дорогой товарищ старшина!

Простите меня за то, что плохо думал о вас поначалу. Думал, сухарь вы, придира... а вы вон какой душевный человек. Стыдно мне очень. Так что простите. И спасибо вам, дорогой товарищ старшина, за ваши передачи! До свидания!

Через неделю обещали выписать. Так что скоро увидимся.

С. Громоздкин».

Последние слова Селиван написал, чувствуя, что теряет силы. Он упал на подушку в полном изнеможении.

Рябов и Сыч тихо вышли.

* * *

Старшина Добудько жил не в офицерском общежитии, а в рыбачьем поселке, на берегу моря, в трех — четырех километрах от расположения полка. Здесь большей частью жили чукчи. Поэтому старшина сравнительно быстро научился разговаривать по-чукотски и теперь довольно бойко изъяснялся с охотниками, рыбаками и оленеводами, а своим однополчанам рассказывал, что он «отнимает хлеб» у местных шаманов.

— Однажды так заспорил с одним шаманюкой,— хвастался Добудько перед полковыми товарищами,— шо припер его до стенки. А он разозлился и давай есть мухомор! Наелся так, шо очи на лоб повылезали. Испугался я, палец ему в рот засунул, чтобы полегчало... А то бы богу душу отдал!..

— Это ты, случаем, не о тесте своем сказки сказываешь? — подзадоривали Добудько однополчане, которые всегда с великой охотой слушали побасенки старшины.

— Ни! — отвечал Добудько с важностью.— Мой тесть — потомственный охотник на песцов. Его я давно перевоспитал, сам зараз с шаманами воюет, аж клочья от них летят!

Иван Сыч и Петенька Рябов без труда нашли хату своего старшины, так как Добудько начертил для них подробный план. Во дворе солдаты увидели трех малышей, как две капли воды, похожих один на другого и различающихся только ростом. Шапки у них были сшиты из шкур молодых оленей, а на ногах что-то похожее на унты; потом уж Добудько пояснил, что это не унты, а плекоты — так местные жители называют обувь из нерпичьей шкуры. Дети беспечно кувыркались в снегу, не замечая вошедших. Наконец старший увидел, что-то крикнул братьям, и все трое, вмиг прекратив возню, уставились узкими горячими глазами на незнакомых солдат. Несколько секунд длилось это немое изучение детьми неведомых пришельцев. Потом старший осмелился и спросил:

— Солдаты, вы к папе?

— Да, солдат, к папе! — радостно сказал Петенька, любуясь детьми и удивляясь, что чернявые «чукчата» умеют говорить по-русски, в то время как этот язык и для их батьки не всегда по силам.— Он нас просил зайти. Он дома?

— Дома, дома! — закричали все вместе ребятишки и помчались в хату.— Папа, папа! К тебе пришли!.. Солдаты!..

Добудько встретил гостей в коридоре и зашумел:

— Оце добре! Заходь, хлопцы. Жинка, встречай!..

Петенька был посмелее и юркнул в избу первым.

— Ба, теленок! — закричал он что есть мочи и страшно смутился оттого, что, увидев теленка, забыл поздороваться с вышедшей ему навстречу улыбающейся женщиной.— Здравствуйте, извините, что я так...

— Знакомьтесь, хлопцы,— выручил Петеньку хозяин.— Це моя дружина... жинка моя. Точно! А оце, Маруся, мои солдаты — оце Рябов, а оце... оце Ваня,— сказал Добудько, запнувшись: он не захотел называть Сыча по фамилии.— Сидайте, хлопцы!

Солдаты присели на стулья и принялись бесцеремонно рассматривать хозяйку. Это была маленькая смуглая женщина, похожая на девочку-подростка, с такими же узкими и горячими, как у ее детей, глазами, и было странно слышать применительно к этому крохотному шустроокому существу слово «дружина». Еще более странным казалось то, что резвящиеся сейчас во дворе мальчишки и то, что кряхтело и посапывало в подвешенной к потолку зыбке, были ее дети, что она была матерью четырех сыновей. Удивило солдат, что чукчанка, так же, как и ее дети, разговаривала на русском языке без малейшего акцента.

— Вот что, хлопцы. Вы побудьте немного одни. А мы скоро вернемся,— с этими словами Добудько и его удивительная жинка вышли на улицу.

Петенька Рябов и Сыч немедленно перевели свои взоры на теленка, стоявшего в углу на привязи и глядевшего на них своими глупыми, ласковыми глазами. Теленок для солдат был сущим чудом в этом краю. Пораженные столь неожиданным явлением, они в первые минуты даже не подумали, что теленок не мог свалиться с луны, что где-то еще должна быть корова.

Иван Сыч, пользуясь отсутствием хозяев, подошел к телку, взял в руки его длинные оттопыренные уши и, наклонившись, чмокнул

Copyrighted material

в белые скользкие ноздри. Затем стал гладить бархатную шею. В том, что это был настоящий теленок, а не привидение, Сыч смог убедиться уже через минуту, когда животное освоилось и, подцепив шершавым языком угол шинели, с упоением принялось жевать.

Иван масляными глазами блаженно смотрел на теленка, не решаясь лишить его этого удовольствия. Однако теленок забирал все больше и больше. Сыч испугался, что за испорченную шинель ему влетит, и не от когонибудь, а от самого же Добудько, и выдернул обслюнявленный угол полы. Это, повидимому, не понравилось теленку, и он, взмыкнув, сильно боднул Сыча в живот. Не ожидавший такого нападения, солдат потерял равновесие и полетел вверх тормашками под заливистый хохот счастливейшего Петеньки. Смеялся и Сыч, радуясь, что «ЧП» произошло без хозяев и что его конфуза не могла видеть добудькина «дружина».

Насмеявшись досыта, солдаты начали внутренний осмотр комнаты.

У каждой стены стояло по одной кровати. Большая, двуспальная,— супружеская. И три маленькие — детские. На стене висели фотографии в самодельных рамках. Причем на каждом снимке можно было обнаружить самого Добудько в том или ином виде. Приглядевшись, солдаты заметили, что по фотографиям можно прочесть всю несложную биографию старшины.

Вот украинская хата, беленькая, с единственным оконцем; под насупленной соломенной кровлей ее, на лавочке, хлопчик лет шести — семи; ни глаз, ни носа, ни волос не видать: все слилось в одно белое пятно,— ясно, что снимок сделан не ахти каким великим мастером; владелец снимка не без основания беспокоился, что посторонний человек едва ли сможет определить, кто на нем изображен, и поэтому снабдил его подписью... А вот другое: широкоплечий мужчина с грустными глазами, лысый, вислоусый, напоминающий Тараса Шевченко, держит на своем плече того самого мальца, но только уж с чуть обозначенной физиономией. А с третьего снимка смотрит на мир божий стройный парубок в расшитой украинской рубахе, неловко положив руку на плечо какой-то дивчины с длинными заплетенными косами, перекинутыми из-за спины на грудь; у девушки в ясных ее очах выражение спокойной радости. На следующем фото те же лица, но только еще более счастливые: вероятно, оттого, что у одного из них на коленях сидела «дытына» с круглыми куклячьими глазенятами... Потом — первый военный снимок, как бы открывающий новую страницу в биографии старшины: Добудько — красноармеец, и дата — 1938 год. С этого момента уже все фотографии военные. Вот и фронтовые: Добудько с белой перевязанной головой; он же среди товарищей-фронтовиков; опять однополчане, и опять среди них Добудько. А вот и победные — мост через Влтаву, повозка, увитая цветами, на ней — старшина в гимнастерке, увешанной орденами и медалями... Ну, а это что?.. Развалины... Печная труба, черная, длинная, жутко одинокая... И на страшном ее фоне такая же одинокая фигура человека в погонах старшины. В руке — скомканная пилотка. И все... А где же та, с длинными косами и ясными очами?.. Где она?..

Солдаты долго всматриваются в снимки, но нет... нет нигде больше той дивчины... Поглядели друг на друга понимающе, вздохнули, ничего не сказав.

А вот, наконец, и чукчаночка, черный, узкоглазый, смешной ребенок... Далеко же, товарищ старшина, отыскал ты новую свою долю!.. Ну что ж! Пусть будет так! Пусть будет навеки благословенна земля, вернувшая осиротевшему солдату утраченное им счастье и великую радость человеческого бытия!..

Петенька заморгал покрасневшими веками, отвернулся от Сыча и глубоко, прерывисто вздохнул. Иван удивленно посмотрел на его маленькую, съежившуюся фигурку.

— Ты чего, Петушок?..

— Ничего,— почему-то сердито ответил Петенька и еще больше взъерошил на спине куцую шинелишку.

Вернулись хозяева дома и, увидев, что гости еще не разделись, торопливо поснимали с них шинели и повесили на деревянные гвозди у входной двери.

— А теперь прошу к столу, хлопцы! — И они с женой начали ставить разные закуски: ломтики свежей оленины, шпроты, селедку, творожники и еще что-то, и, конечно, крабы. Засим старшина запустил руку в карман — и перед глазами гостей белой молнией вспыхнула пол-литровая бутылка, сразу же очутившись посреди стола.

— Московская, особая! — крякнул Добудько.

Петенька посмотрел на этот сосуд с тревожным недоумением. Иван же, напротив, не смог удержать счастливого глотательного движения. Круглые зеленые глаза его блеснули.

Перехватив петенькин взгляд, Добудько сказал:

— Не бойся, Рябов, ведь со мной пьешь. Мы — по самой малой...

Он взял опять бутылку, повертел ее зачемто перед веселыми глазами и вдруг, как новорожденное дитя, от которого добиваются, чтоб оно подало голос, звонко шлепнул широченной ладонью по бутылочному дну. «Пах!» — и пробка вместе с вылетевшей вслед за нею прозрачной каплей первой чокнулась с потолком.

— Добре! — радостно и шумно выдохнул Добудько и стал важно и степенно, как он делал все свои дела, разливать водку в граненые стаканчики.

— А почему...— Иван Сыч, видя, что старшина наполнил лишь три рюмки, хотел спросить, почему он не наливает четвертой, для своей жены. Но Добудько хорошо понял его и тут же все объяснил:

— Жинке неможно... Малый у нее. Грудь сосет. Молоко еще испортишь... Правда, Маруся?

Старшина говорил так громко, что лежавший в зыбке «малый» проснулся, залившись звонким, захлебывающимся плачем. Добудько, чувствуя свою вину, выскочил из-за стола, отдернул занавеску, наклонился, и ребята увидели в его ладонях темный комочек с двумя узкими, заплывшими полосками вместо глаз и крохотной пуговкой вместо носа. Оказавшись в теплых руках отца, ребенок тотчас же умолк, потом засопел, а потом и засмеялся, то есть часто и громко заикал, облив большой палец Добудько.

Петенька Рябов глядел на этот железный старшинский палец со страхом: Добудько не раз проводил им по петенькиному животу, проверяя, достаточно ли туго солдат затянул поясной ремень...

Но малыш, повидимому, чувствовал себя в этих руках великолепно, потому что опять заревел, когда отец хотел положить его в люльку. Чукчанка взяла ребенка из рук мужа и ушла с ним в дальний угол. Там, отвернувшись, дала ему грудь.

Порядок, таким образом, восстановился, и можно было начинать.

— Ну, за что же выпьем, ребята, а? — поднял руку Добудько.— За службу, что ли, матушку?.. Или за здоровье вашего товарища?.. Хороший вин хлопец, ваш Громоздкин!..— Рюмка в руках Добудько дрогнула, из нее выплеснулось несколько капель. И он заторопился: — Выпьем разом за то и за другое!..

Чокнулись.

Старшина и Сыч выпили одним духом — только что-то уркнуло у них в горле. А Петенька, мученически тараща глаза и страшно морщась, отпивал маленькими глотками, как горячий чай. Добудько и Сыч, уже успевшие проглотить какую-то закуску, следили за ним с пренебрежением опытных «выпивох». Вздох великого облегчения вырвался из их душ, когда Петенька, с ненавистью отшвырнув от себя стаканчик, прямо рукой схватил что-то с ближайшей тарелки — ему уж было не до этикета! — и, обливаясь слезами, жадно заработал челюстями.

— Ну, ничего, научишься,— успокоил его снисходительно хозяин.

— Конечно, научится,— солидно подтвердил Сыч.

— А коли не научится, и того лучше,— добавил все-таки старшина профилактики ради.

Жаркий пламень разлился по всем внутренностям Петеньки, и он почувствовал, что глохнет. Испугавшись, заговорил громко и часто — больше для того, чтобы убедиться, не оглох ли в самом деле.

— В ушах звенит что-то. И по вискам барабанит... И кто только выдумал этакую мерзость?.. Увидела б моя мама, ох, и задала б она мне перцу!.. Товарищи, вы меня слышите?..

— Слышим очень даже хорошо. Ты потише балакай, Рябов, мы все слышим...

— А я нет...

Но Добудько и тут его успокоил:

— Это бывает. Пройдет!..

Действительно, через некоторое время в ушах Рябова словно бы что-то лопнуло, и комната сейчас же наполнилась шумом и стала светлой и уютной, хотя в ней все было попрежнему. Петенька воспрянул духом, засмеялся без видимой причины и вообще обрел молодецкий вид. Обнаружив такое дело, Добудько немедленно предложил выпить по второй,— «чтобы дома не журылысь». Но Петенька отказался, и оставшуюся водку старшине и Сычу пришлось «усидеть» вдвоем, что они и сделали без особенных трудов.

— Жинка! — позвал раскрасневшийся от выпивки и доброго расположения духа хозяин.— А подбрось-ка нам по кружечке холодного молочка. Зараз весь хмель як рукой снимет!..— Старшина говорил и не сразу заметил отчаянные знаки, которые делала ему жена: случилось так, что он забыл предупредить ее о приходе гостей, и весь сегодняшний удой чукчанка отнесла, по обыкновению, в санчасть полка, а вчерашнее молоко споила теленку.

Когда Добудько наконец сообразил, в чем дело, весь хмель вылетел из него вон и без помощи холодного молока. Он сконфузился и виновато поглядел на гостей, не находя, что сказать им в свое оправдание. «Оскандалился, дуралей!» — думал он, отчитывая себя.

Наступила неловкая пауза, и по ней-то догадливый Петенька понял, что их гостеприимный хозяин попал в затруднительное положение и что его надо выручать.

— Да какое там еще молоко! — замахал он на Добудько руками.— Что вы, товарищ старшина? Кто после водки пьет молоко?.. Сразу смутит! — Петенька подмигивал Сычу, чтобы и он подавал свой голос в том же духе, но Иван глядел на него и непонимающе моргал.

— Что ж, хлопцы, извиняйте. Неувязка получилась!.. Придется другой раз! — сказал Добудько, благодарный Рябову за его поддержку.

— Да что вы, товарищ старшина! — закричал опять Петенька, больно ущипнув за бок молчавшего Сыча.— Спасибо вам за угощение!..

Неловкость окончательно исчезла, когда сконфуженная и растерявшаяся было в первые минуты хозяйка подала на стол три стакана густого кислого молока, подернутого сверху румяной сливочной пленкой.

— Ряженка? Ей-богу, ряженка!!! — торжествующе ахнул Добудько.— Жинка, да ты у

Copyrighted material

меня гений!.. Точно говорю, гений!.. Так це ж краще простого молока! — Радость старшины, повидимому, плеснулась через край, и он при гостях трижды поцеловал жену.

Ряженку съели и долго наперебой хвалили. От водки уже не чувствовалось никаких последствий, кроме доброй, ласковой теплоты в теле и хорошего настроения вообще.

Опять принялись рассматривать фотографии. Теперь уже вместе с Добудько, который у них был вроде экскурсовода.

Внимание солдат привлек один снимок — портрет усатого сержанта с двумя орденами Славы на гимнастерке.

— Полный кавалер! — сказал о нем Добудько и добавил с гордостью: — Друг мой. Славный был вояка!..

— Почему «был»? Он что, разве...— Петенька умолк, перехватив печальный взгляд старшины.

— Мина фрицовская... а то б износу не было человеку. Богатырь!..

Не так скоро солдаты снова заговорили о себе, о своих делах, о Селиване, о полковых и ротных новостях. Петенька уже давно что-то очень пристально присматривался к Добудько. И вот только теперь вдруг спросил:

— Гляжу я на вас, товарищ старшина, и думаю...— он покраснел,— не примите только это за подхалимаж!.. Гляжу и думаю... давно бы вам, по справедливости, быть офицером, а вы все старшина... Отчего это? Простите, если вопрос не совсем... скромный.

— Почему? Вопрос как вопрос.— Добудько задумался.— У вас мать кто? Врач, кажется, по профессии?

— Врач,— подтвердил Петенька.

— Сколько лет она работает врачом?

— О, годов уже двадцать!..

— Вот видишь,— ухмыльнулся Добудько.— А я старшиной пятнадцать лет роблю. Есть, товарищ Рябов, вечные профессии... ну, как бы вам сказать?.. Без лесенок, что ли. Врач, учитель, садовод, скажем. Опять же хлебороб, ну и другие — мало ли! Вот и у меня такая профессия. Старшина-сверхсрочник. Стало быть, для меня не определено срока, моя должность завсегда требуется. Это уж точно!.. Поняли, хлопцы?

— Поняли,— сказал Петенька, а сам все смотрел и смотрел на Добудько, будто видел его впервые.

— Вы что же, товарищ старшина, вечно думаете жить в этом краю али как? — полюбопытствовал Сыч.

— Пока не помру,— коротко пробасил Добудько.

— А ежели полк переведут в другое место? — спросил Петенька.

— Поеду с полком,— спокойно ответил старшина.

— А ежели его расформируют? — допытывался Рябов.

— Его никогда не расформируют,— сказал Добудько твердо и убежденно.— Таких полков, мабудь, во всей Советской Армии не отыщешь. Видали, сколько у него орденов на гвардейском знамени?! А вы говорите: расформируют!.. Надо голову потерять, чтобы такой полк ликвидировать...

— А все-таки, ну, к примеру? — настаивал на своем Петенька.

— Не годится твой пример, Рябов,— осерчал Добудько, но все же добавил: — Коли случится такое, уйду в запас и останусь на далеком Севере навечно... У меня тут семья и вообще...

— И не надоело вам сухими овощами питаться?

— Ничего! Колысь научимся и свежие выращивать. Вот парников понастроемо,— тогда нам и горя мало!.. А потом, хлопцы, вот я шо вам скажу: не одной картохой сыт человек! В здешнем краю есть кое-что поценнее вашей картошки!.. Вот он какой, наш холодный и далекий край!..— Добудько развел руками и могуче и шумно вдохнул в себя воздух.— Я еще, хлопцы, дождусь того дня, когда сюда к нам тьма народу понаедет со всех концов страны; может, и молодые мои земляки, винничане, сюда двинут!.. Не может того быть, чтобы такой богатейший край пустовав без людей!.. Не может, ось побачите колысь!.. Ну, а зараз, товарищи, пошли со мною в музей! — вдруг объявил старшина и первым поднялся из-за стола.

— В какой музей? — удивился Рябов, быстро натягивая шинелишку, к которой уже из-за перегородки тянулась слюнявая белоноздрая морда теленка.

— Сейчас побачим! — таинственно проговорил Добудько и, пропустив мимо себя гостей, вышел вслед за ними во двор, где попрежнему играли ребята.

— А кровь-то ваша, товарищ старшина, послабее жинкиной. Хлопцы-то все чернявые — в нее,— не удержался ядовитый на язык Петенька. Однако Добудько нисколечко не обиделся.

— Внешностью в жинку. Это точно! А разумом в меня и в нее,— заявил он с гордой убежденностью.— Пошли за мной! — скомандовал старшина и подвел солдат к какому-то снежному кургану, вершина которого курилась, как Ключевская сопка. Добудько зашел с противоположной стороны и открыл небольшую дверь, обитую старым одеялом. Из дверей на морозный воздух рванулся запах тепла, навоза, парного молока и еще чего-то такого, что не назовешь, но что сразу же обличает коровье жилище.

В темном и теплом хлеву стояла, преспокойно жуя серку, обыкновенная буренка. Это и был главный экспонат добудькиного «музея». Старшина рассказал Рябову и Сычу, что по воскресным дням солдаты специально берут увольнительную, чтобы придти сюда и посмотреть на живую корову. Три года назад ее в числе других рогатых привезли сюда на убой. Но в пути коровенка так отощала, что резать ее не было никакого смысла, к тому же она оказалась стельной, в ту пору еще первым телком. Старшина выходил ее, построил теплый хлев, заготовил кое-каких кормов, и корова прижилась. Зимой она отелилась. Того теленка старшина отдал в соседний поселок, где содержалось первое на Чукотке опытное стадо голов в тридцать. Там, в этом стаде, находился и племенной бык.

— Вот теперь ваши чукчата с молоком! — сказал Петенька, выслушав до конца историю добудькиной коровы.

— И хлопцы мои с молоком, и больным солдатам в санчасть жинка моя носит. Она у нас

председателем полкового женсовета была,— сказал Добудько, посветлев лицом.— Зараз, правда, немного оторвалась от общественной работы. Дытына мешае...

Свое пребывание в гостях у ротного старшины Рябов и Сыч завершили выходом на берег моря, где они долго любовались сменой красок на далеком горизонте. Откуда-то, казалось, вон из того алого ледяного царства, возвращались на радостно лающих лохматых собаках охотники. Они что-то отрывисто кричали, бежали рядом с легкими упряжками, на которых чернело что-то длинное, привязанное веревками. Им навстречу из всех жилищ бежали к берегу женщины и дети и тоже кричали. Были среди них и добудькины ребятишки.

Над белой пустыней моря пролетели, располыхнув острыми, загнутыми назад крыльями косой солнечный луч, два реактивных истребителя, оставив после себя звонкий, режущий ухо свист...

Всю дорогу до расположения полка Петенька Рябов думал об одной важной задаче, которую он сегодня решил для себя: хорошо жить в любом краю, коли рядом с тобой живут другие хорошие люди, такие вот, как старшина Добудько, как его маленькая черноглазая жинка и озорные чукчата, как веселые охотники, которых они только что видели на берегу, как вон те летчики, которым, наверное, холодно и жутковато на их страшной высоте, но они не жалуются и спокойно делают свое дело, потому что так нужно людям...

От таких размышлений на душе у Петеньки стало как-то по-домашнему тепло и уютно и уже не страшило более расстояние, отделявшее его от дома, где жила мать, где жили с детства знакомые и близкие ему люди. Он вспомнил о Селиване и подумал, что хорошо, если б и в его голову пришли такие же добрые мысли,— от них, наверное, он поправился бы скорее.

А петенькин спутник подумал о другом. Сыч вспомнил, что они позабыли передать старшине селиванову записку, и очень жалел об этом. На одно мгновение у него даже мелькнула мысль, что, не сделай они такой оплошности, Добудько был бы еще более хлебосолен и приветлив со своими гостями и, глядишь, дело не ограничилось бы одной поллитровкой. Однако пришедшая в его голову мысль показалась самому Сычу столь грешной, что, опасаясь, как бы она не сорвалась с его языка, он наглухо захлопнул рот да так, молча, не отверзая уст, и прошагал всю дорогу. Петенька несколько раз пытался втянуть его в беседу, но безуспешно. В конце концов разозлился и спросил:

— Ты что, глухонемой? Почему не разговариваешь, Сычина?

Но и этот вопрос был оставлен без ответа.

Тогда Рябов безнадежно махнул рукой:

— Ну и недотепа! Что со стеной говорить, что с тобой — все едино!

Copyrighted material

В ТОКИО

Рассказ о полете в Японию

А. СОФРОНОВ

Фото автора.

Газетные новости

Вот мы и снова в Токио. Если в первый раз нам предстояло пробыть в столице Японии несколько часов, то за десять дней можно будет познакомиться с городом более подробно.

Как всегда в далеком путешествии, набрасываешься на газеты, ищешь в них новости о своей стране. Прочитаны московские газеты. Знакомимся с токийскими. Что же они сообщают? Взгляд останавливается на заголовке: **«Первая «тихая столица» красных».** О, да это речь идет о том, что в Москве запрещено водителям автотранспорта подавать звуковые сигналы! Как же это все выглядит?

«Москва. 22 августа. Московским водителям машин, привыкшим пробивать себе дорогу сквозь плотные толпы пешеходов с помощью гудков, было сказано: «Больше не гудеть». Это делает Москву первой «тихой столицей» в коммунистическом мире. Однако существует много сомнений, что это явится практически применимым планом для Советского Союза».

Зарубежные корреспонденты, оказывается, специально брали «интервью» у безыменного водителя такси, и тот будто бы им сказал: «Там (в Европе.— **А. С.**) народ ведет себя лучше и люди культурнее. Не то, что здесь, где каждый переходит улицу, где заблагорассудится, не разбираясь в красном свете».

См. «Огонек» №№ 42, 43, 44, 46.

Читая эту заметку, я вспомнил беседы с московскими шоферами, которые начали «привыкать» к бесшумному движению еще за месяц до его введения. Когда вступило в действие решение Моссовета, шоферы уже бесшумно въехали в этот «новый этап» их трудовой жизни в столице. Вызвала улыбку и фраза в японской газете о том, что московские жители «не разбираются в красном свете». Думается, что за последнее сорокалетие они прекрасно стали разбираться в красном свете.

Но что же еще в токийских газетах? Что нового выносят на поверхность бурного житейского моря газетные волны?

«Гора Омине снова оказалась закрытой для женщин-альпинисток». Читаем: «Вчера пятеро альпинистов (в их числе были и женщины) предприняли попытку взойти на гору, но были остановлены около горного прохода № 5». Кто же задержал альпинистов? Члены местной организации юношей, туристской ассоциации и... пожарники, организовавшие на маршруте восхождения... пикеты. В заметке есть и объяснение: «По религиозным причинам эта гора закрыта для женщин в течение 1 300 лет». И все! Так сказать, последних 1 300 лет!

Листаем газеты: учителя требуют повышения заработной платы. Налоговые чиновники в 1955 финансовом году 488 раз оказались уличенными во взяточничестве и растратах. За год обнаружено растрат на 20 миллионов иен. Как сообщает газета, «40% растраченных денег было израсходовано на скачках, на спиртные напитки и другие удовольствия. 10% пошло на покрытие семейных финансовых трудностей».

Листаем газету «Асахи ивнинг ньюс». Броский заголовок: **«Полиция подслушивает» — обвиняют красные в Саппоро».** Что же это за «красные в Саппоро»? Местное бюро коммунистической партии в Саппоро на Хоккайдо обвинило полицию в том, что та установила радиоаппарат для подслушивания в стенах здания, где помещается бюро. Аппарат был обнаружен. Полиция Саппоро отрицает, что она знала об аппарате, который мог передавать радиоволны на расстояние двух с половиной миль. Судя по заявлению полиции, аппарат появился в стене самолично...

Нас интересует все, что может создать более всестороннее впечатление о стране. Как живет народ, те самые люди, с которыми нам не раз приходилось встречаться, но не всегда, к сожалению, удавалось поговорить откровенно и глубоко? Листаем газету. Статья некоего Хесселя Тилмана. **«Как процветает «процветающая» Япония!»** (кавычки не наши.— **А. С.**). Вот что написано в статье: «Половина всех рабочих, занятых в промышленности, зарабатывает в месяц до 12 тысяч иен; вдовы, работающие более продолжительное время в ресторанах и барах, получают от 7 до 8 тысяч иен... Даже среди служащих крупных компаний и актеров существует мнение, что жизненный уровень еще ниже, чем до войны».

И дальше автор говорит о том, что плата за жилье в новых домах, строительство которых субсидировано государством,— 4 тысячи иен в месяц. Это дорого для тех, кто содержит жену и троих детей, зарабатывая в месяц 12 тысяч иен.

«Эта цифра,— пишет автор,— не низка по японским стандартам: 660 тысяч семей нуждаются в правительственной помощи, чтобы довести свой доход до стандартного уровня в 11—12 тысяч иен, что, по официальным расчетам, необходимо для содержания семьи из пяти человек, живущей в большом городе». Автор делает вывод, что в Японии «много миллионов людей находится еще в плохих экономических условиях».

Пушки или лотосы

Июль считается в Японии жарким месяцем. Август еще жарче. Все, кто имеет возможность выехать в курортные места или просто в деревню, без колебания покидают города. Те же, кто такой возможности не имеет, относительную прохладу получают от вентиляторов. Но если и вентилятор недоступен, в доме развешивают мокрые ткани. Мало заметная, но все же прохлада. В августе цветет лотос. Говорят, что когда в утренней тишине раскрывается бутон лотоса, раздается ни на что не похожий звук.

— Что он напоминает? — спросил я, упустив время расцвета лотоса.

— Ни с чем сравнить нельзя. Лотос есть лотос,— ответил наш друг Вада.

Пришлось ограничиться созерцанием плантаций этого действительно красивого цветка, очень почитаемого в Японии. В конце августа в честь лотоса устраиваются народные гуляния.

Однажды друзья спросили:

Copyrighted material

— Что вы думаете о Камакуре?

Я ничего не думал о Камакуре, так как не знал, что это такое. Но, боясь обидеть собеседника своим невежеством, пробормотал:

— Это, да... Это очень хорошо.

— А не желаете ли вы туда съездить в воскресенье?

— А почему именно в воскресенье?

— Там больше народу.

Не решившись больше задавать вопросы, я согласился. Потом осторожно узнал, что же такое Камакура. Небольшой городок на берегу Тихого океана, расположенный километрах в 80 от Токио, любимое место отдыха жителей Токио и других близлежащих городов.

Ранним воскресным утром мы выехали в Камакуру. Шумный в будние дни, Токио был почти пустынен. Только одинокие автомашины на предельной скорости проносились по гулким мостовым. Пожалуй, именно в это утро, когда улицы оказались почти безлюдными, я почувствовал, как велик Токио. Маленькие домики, тесно приткнутые друг к другу, переходили из улицы в улицу. Было солнечно, но не душно. На выезде из города шофер резко притормозил. Справа от нас растянулась артиллерийская воинская часть. Возле пушек, видимо, по команде «вольно», расположились низкорослые солдаты в еще не обношенной и потому неуклюжей форме.

— Что это?

— Японская кадровая армия. Вы смотрите на форму? Не ошиблись, она заимствована у американской армии. Оружие тоже американское. Нажим, под которым создана армия,— из того же источника...

Выехав за пределы Токио, мы увидели на горизонте лес труб. Несмотря на воскресный день, многие из них дымили.

— Пригород Кавасаки, промышленный район. Здесь производятся знаменитые небольшие рыболовецкие суда, называемые кавасаки. Кстати, Япония сейчас — одна из самых мощных в мире судостроительных стран... И не только по легким судам, но и по большегрузным.

Машина въехала в небольшой, тоже безлюдный в утренний час городок.

— Иокогама. Хотите в порт?

— Конечно!

По гулкому молу выехали к заливу. Вдали виднелся маяк. Застывшие подъемные краны. Несколько пароходов. Далекие берега расплывались в туманном мареве. Один из спутников, указывая на видневшиеся у берега океана зеленые деревья, сказал:

— Видите сад? Это парк города Иокогама. Очень красивое место. Жители города очень его любят. Парк этот сейчас закрыт. В нем американцы строят для своих солдат и офицеров клуб.

...Неширокой красивой дорогой едем берегом Тихого океана. Замелькали пестрые купальные костюмы. Небольшие деревянные лавки с висящими разноцветными кругами для плавания...

— Камакура, — сказал мой спутник, разглядывая широкий берег, сплошь покрытый гирляндами водорослей иодисто-ржавого цвета.— Тайфун и эту часть зацепил; как берег покоробило!

Купающихся было еще не очень много. По берегу носились стайки ребятишек, украшавших себя водорослями. Девочки строили из мокрого песка домики, дворцы, замысловатые башни.

— Может быть, возьмем парусную лодку и отправимся в океан?

— Отправимся.

Захватив два арбуза на случай, если захочется пить, мы наняли небольшую яхту, управлять которой взялся подросток лет пятнадцати, побросали в яхту одежду и оттолкнулись от берега. Ветром надуло паруса. Лодка раза два резко накренилась, затем выровнялась, и мы заскользили над водой. Отсюда, с воды, берег был особенно красив. Простенькие, но ярких цветов купальные костюмы, широкие цветные зонты, трепещущие на ветру пестрые полотнища превращали берег в ярмарку красок. Над берегом, колеблемая ветром, колыхалась какая-то огромная фигура.

— Что это?

— Реклама нового американского фильма «Запрещенная планета»... Что-то о полете людей на Марс или какую-то другую планету в 2000 году.

Качающийся на длинной веревке урод казался осколком какого-то кошмарного сновидения.

Мы проплывали мимо рыбачьих лодок, стоящих на приколе со спущенными в океан сетями. Мимо нас, качаясь на волнах, плыли большие резиновые лодки. В лодках царило веселье: юноши и девушки сталкивали друг друга в воду, что-то кричали нам вслед. Наш молодой штурман лениво шевелил концами, еле заметным движением поворачивая руль. Всем своим видом он показывал, что для такого заправского моряка эта посудина — лишь случайный эпизод в его жизни. Но вдруг лодка закачалась и заскрежетала, как автомобиль со спущенными скатами. Мы оказались на мели. Дунул ветер, лодка черпнула воды. Кое-как мы выровняли лодку. Испуганное выражение лица рулевого стало снова снисходительно-небрежным. Провожая взглядом проплывающую мимо резиновую лодку, он сказал:

— Неважная посудина. Недавно здесь на такой лодке поплыли восемь девушек. К ним подкрался один парень и ножом пропорол резину... В общем, отделались легко... Только две из восьми потонули...

...Мы катались часа два. За это время берег заполнился людьми. Тысячи людей, с семьями, с детьми, пожилые и молодые, выбрались к берегу океана. Знойно светило солнце. Слышались удары ладоней о мяч. Трепетали под ветром пестрые флаги. Разноголосый шум стоял над берегом. Здесь было весело и интересно. Скучающих не было. Только все так же болтался в знойном воздухе посторонний здесь марсианин, напоминая больного водянкой пьяницу.

Мне к трем часам нужно было вернуться в Токио. С сожалением я покинул веселый пляж Камакуры. Машина неслась по асфальтовой дороге. Почти на том самом месте, где утром мы встретили колонну японских артиллеристов, шла процессия. Участники ее были одеты в кимоно. В руках у всех были шесты с цветами и яркими лентами. Люди дружно пели звучную песню.

Я не знаю, была ли это процессия в честь цветка лотоса,— цветов было много, но лица участников были одухотворенные, веселые, совсем не такие, какие нам довелось увидеть утром у японских солдат, стоявших у полевых орудий.

Встречи не проходят бесследно

Еще недавно мы принимали японских литераторов, художников и актеров в Москве, а сейчас сами сидели на тонких подушечках за низким столом и, орудуя палочками, уплетали деликатесы вроде сырой рыбы с острым соусом, какое-то блюдо из сырых каштанов, запивая все это отличным местным пивом. Стол обслуживали несколько официанток в пестрых кимоно. Каждая из них потчевала гостей, бесшумно поднося маленькие пиалы все с новыми и новыми кушаньями.

Напротив меня сидел плотный человек с крупным, мужественным лицом. Это был писатель Исикава. По дороге в Советский Союз он заменил заболевшего лидера делегации. Улыбаясь, Исикава вспоминал первые дни своего пребывания в СССР, когда он относился ко всему недоверчиво и предпочел отсиживаться в номере ленинградской гостиницы «Астория», отказываясь от осмотра города и встреч с людьми. Потом лед растаял. Исикава заинтересовался советской жизнью. Сейчас этот известный в Японии романист выступает в журналах и газетах со статьями о Советском Союзе, говоря о том, что советские люди свободны от безработицы и необеспеченной старости.

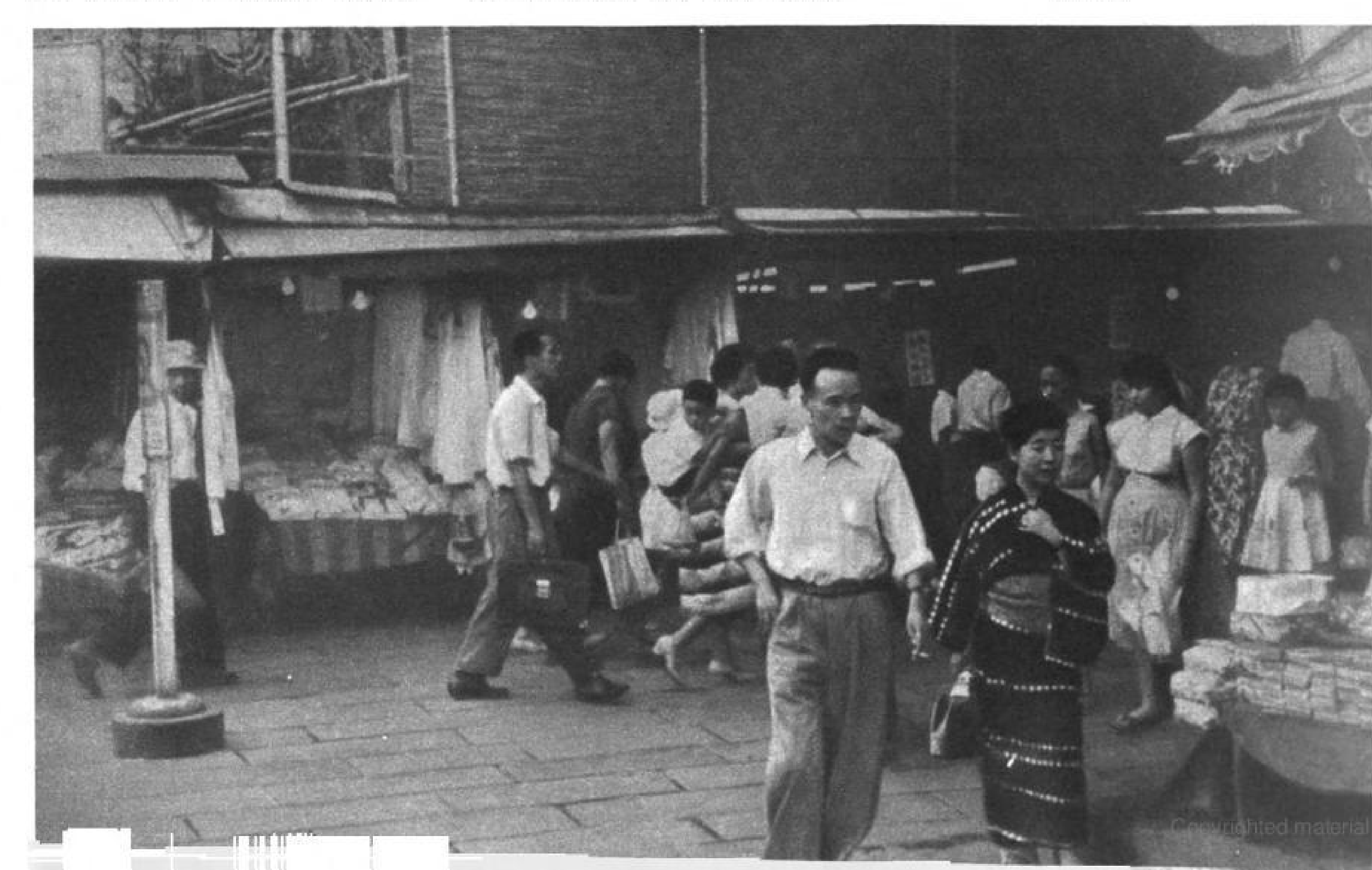
За столом не утихал разговор. Произносились знакомые фамилии, названия городов, театры. Хозяев интересовало, что произошло со времени их отъезда в Москве. Все они пришли на встречу со свертками. Это были подарки: маленькие куклы, пепельницы... Подарков было значительно больше, чем членов нашей делегации. Мы только вздыхали, вспоминая о новых килограммах багажа от Токио до Москвы. А нас все просили передать подарки в Москву писателям, артистам, общественным деятелям...

Уже, как говорится, совсем под занавес талантливейший японский танцор и балетмейстер Ханаяги, проделавший все путешествие в СССР с киноаппаратом в руках, растянул на стене небольшую белую скатерть и погасил свет. К плеску фонтана за окном прибавилось ровное стрекотание киноаппарата. На экране замелькали кадры Москвы... Вот Кремль... Вот те, кто сейчас сидел с нами за столом. Художественное качество этого своеобразного репортажа было далеко от совершенства, но официантки, забыв о своих обязанностях, замерли, боясь пропустить хотя бы один кадр, мелькавший на полотне. Казалось, что фильм был озвучен: каждый эпизод сопровождался короткими репликами и смехом.

Мы побывали на собрании членов общества «Япония — Советский Союз». Говорила молодая женщина, журналистка по профессии:

— Советская женщина имеет равные права с мужчиной. Почти все советские студенты получают стипендию — девяносто семь из ста в среднем. В Советском Союзе широкая сеть яслей и детских садов, около двух тысяч дворцов

Рынок.

Copyrighted material

пионеров. Я была в пионерском лагере, где находилось в это время шестьсот школьников. Дети там живут в очень хороших условиях...

Мы сидели в зрительном зале и слушали эти простые слова, лишенные каких-либо особых ораторских украшений. И вдруг в зале раздался громкий смех. Я спросил переводчика, в чем дело.

— Она сказала, что Советское правительство сначала заботится о детях, потом о женщинах, а потом лишь о мужчинах. Тут есть неравенство...— смеясь, сказал переводчик.

Молодая женщина продолжала:

— Оказывается, советские матери так же, как и мы, плачут, когда их дети получают в школе двойки. А когда мы бывали в театрах, то видели, что женщины в Москве такие же, как в Токио. Они с таким же любопытством рассматривают наряды друг у друга...

Можно бы перечислить еще немало встреч в Токио. Каждая из них была не похожа на другую. Но было в них одно общее: надо ездить друг к другу, встречаться, разговаривать, чаще видеться, знакомиться с искусством, с литературой. Это помогает одному народу узнать другой народ. Встречи не проходят бесследно.

Японская актриса Симидзу на одном из вечеров говорила:

— Вот уже месяц, как я вернулась из Советского Союза. Мне каждую ночь снятся сны. Я должна признаться, две трети этих сновидений — о Советском Союзе. Мои домашние смеются, говорят о том, что я очень хитрая, так как увеличила срок поездки в Советский Союз вдвое.

Домой с покупками.

У вдовы профессора Ояма

Во время одной из встреч с активом общества дружбы «Япония —Советский Союз» слово взяла небольшая седая женщина с добрыми черными глазами. Она говорила тихим голосом:

— Мне немножко больно и трудно сегодня говорить. Я вижу тех, кто еще недавно принимал у себя меня и моего мужа. Для меня поездка в Москву останется памятной на всю жизнь. Мы там нашли искреннее слово привета. Видя вас, я вспоминаю все и особенно остро чувствую близость наших душ. Вы сделали такой большой путь для того, чтобы выполнить общечеловеческий долг. Вместе с вами мы должны сделать еще большие усилия, чтобы зло на земле не победило.

Это была вдова недавно умершего профессора Ояма. Что-то удивительно симпатичное было в этой седой женщине с лучистыми печальными глазами. Когда мы расставались, она сказала:

— Я была бы рада видеть вас у себя в доме.

...Сыпал мелкий дождь. Люди раскрывали зонтики.

Мы ехали по улицам Токио. На одной из улиц возле колючей проволоки толпились люди. За проволокой виднелось несколько вертолетов. Возле них, широко расставив ноги, в тяжелых ботинках и высоко заломленных фуражках, стояли американские офицеры с секундомерами в руках. Один из них что-то кричал, стараясь перекрыть рокот моторов. Здесь обучали американских солдат.

Двери домика открыла госпожа Ояма.

Маленькие комнаты, сплошь увешанные картинами. Очень много портретов. Живопись скорее европейской манеры. Госпожа Ояма провела нас из гостиной в спальню, где рядом с ее кроватью стояла урна. Над урной на стене висел портрет одного из мудрых людей Японии, всю свою жизнь посвятившего борьбе за мир. Горели свечи. Мы положили цветы возле урны.

В комнату вошла молодая женщина. На руках она держала совсем маленького ребенка. Это была жена сына профессора Ояма. Она протянула нам ребенка.

— Мой первый внук,— сказала госпожа Ояма.— Он родился в памятный день, 6 августа, в годовщину взрыва бомбы в Хиросиме. Ему еще нет двадцати дней.

В кабинете профессора около небольшого столика мягкое кресло. На столе лежит зеленый козырек. Профессор Ояма надевал его, оберегая глаза от солнца. Из кабинета — узкая дверь в садик. Он тоже маленький. Десять шагов в длину, три — четыре в ширину. Профессор, дни и ночи проводивший за письменным столом, иногда поднимался, потягивался и выходил в садик и ходил — десять шагов в одну сторону, десять — в другую.

Сейчас пишется биография профессора Ояма, скоро она будет издана. Готовится собрание сочинений ученого. Сторонники мира Японии предполагают построить в Токио большой зал имени профессора Ояма для встреч тех, кто борется за мир.

Мы выходим на улицу. Все так же сыплет мелкий дождик. На деревьях висят клочья тумана. Госпожа Ояма раскрывает черный зонтик, берет под руку члена нашей делегации Ольгу Колобову и провожает нас к такси.

— Приезжайте еще к нам, обязательно приезжайте, мы любим вашу страну,— говорит она нам.

В памяти остаются ее прекрасные печальные лучистые глаза.

Пешком и в метро

— А не считаете ли вы себя в долгу перед городом Токио? — спросил однажды утром наш неизменный друг и провожатый Вада.

— Мы готовы платить все долги.

— Тогда готовьтесь к путешествию. Нельзя же все время заседать, устраивать встречи, беседы, пресс-конференции. Надо гулять, друзья, надо дышать воздухом.

— Мы всегда готовы.

— Только уговор: путешествие пешком. Если ездить — только в метро.

— Лучшее из путешествий — путешествие пешком,— соглашаемся мы.

И все же путешествие наше началось в метро. В токийском метро не заботились об излишних украшениях. Серые стены с водяными потеками, рекламы кинофильмов, пестрые плакаты торговых фирм. В вагоне метро больше, чем в других местах, вы видите, что люди живут нелегко, им трудно, они обременены большими семьями. Здесь спят, читают газеты, сонными глазами рассматривают окружающих. Студенты готовятся к экзаменам. Здесь вы не увидите ни дорогих тканей, ни последних моделей обуви. Женщины в темных юбках и белых скромных кофтах, мужчины — в темных брюках и белых рубашках. У потолка чуть слышный рокот вентиляторов. И все же в метро очень душно.

Мы проехали несколько станций. Вада сказал:

— Выйдем.

Он произнес это слово загадочно, с явным намерением удивить нас. И удивил. Станция называлась Сирокия. Мы спокойно поднимались по ступенькам, рассчитывая выйти на улицу. Но на улицу не попали. Выход из станции метро вел в магазин. На первом этаже был расположен гастрономический отдел. На открытых прилавках лежали мясо, булки, конфеты, консервы, рыба. Все расфасовано. И все-таки здесь было тесно. Толпы людей стояли у прилавков.

— В магазине шесть этажей. Вы можете здесь купить все, что пожелаете. Все, вплоть до лекарств, приготовленных из змеиного яда. — Вада указал на рекламный плакат, предлагающий лекарства.— Может быть, вы хотите посмотреть картины?

— Какие картины?

— Художественные.

— О, конечно!

— Прошу к лифту.

У лифта стояла большая толпа. Открылась дверь, толпа внесла нас и притерла к стенкам лифта. Хрупкая лифтерша говорила:

— Извините, господа, что в лифте много народу, извините, что здесь душно.

Вада улыбался.

— Не удивляйтесь ее вежливости,— говорил он,— это ее работа.

На шестом этаже, рядом с магазином, в маленьком помещении действительно была расположена выставка.

Вада серьезно говорил:

— Знаете, простой расчет: человек хочет смотреть японскую классику и современные картины. Благородное желание. Но прежде чем он попадет на шестой этаж, ему приходится миновать несколько отделов универмага. Может быть, он вспомнит по дороге о какой-либо покупке.

Картины на выставке были хорошие, но рассмотреть их было трудно. Нас буквально пронесли мимо стен, на которых висели картины.

Спускаясь, мы слушали лифтершу.

— Извините, что в лифте тесно. Извините, что в лифте душно. Благодарю вас за то, что вы воспользовались лифтом,— говорила она.

Вада, словно оправдывая ее, сказал:

— Если она не будет говорить, она потеряет место в этом магазине. Вежливость — преимущество нашей нации.

Самой богатой и шумной улицей в Токио считается Гинза. На ней расположены лучшие магазины, банки, кинотеатры, гостиницы и рестораны.

— Здесь каждый квадратный метр земли на вес золота,— сказал Вада.

В районе Гинзы расположены небольшие магазинчики, в которых продаются копии знаменитых картин японских художников. Каждый турист обычно не минует их.

— Вам нравится этот район? — спросил Вада.

— Да. Красивая улица.

— Может быть, теперь отправимся в район Асакуса? Но для этого придется воспользоваться метро. Туда ехать минут тридцать.

Мы снова оказались под землей. Чем ближе подъезжали к району Асакуса, тем меньше оставалось в вагоне пассажиров. Выйдя из метро, мы попали словно в другой город.

Возле входа в большой рынок стояли два инвалида. Один был без ноги, другой без руки. Оба просили милостыню.

— Этот район не очень спокойный для тех гостей, которые не умеют себя вести,— сказал Вада.— Недавно японцы и корейцы, проживающие здесь, несколько испортили физиономии двум американцам, приставашим к девушкам. Но вообще, конечно, народ здесь живет мирный.

Мы вошли в рынок. На открытых прилавках лежали дешевые сумки, зеркала, аляповатые картины, пестрые игрушки, одежда. Смеясь, Вада показал на брюки.

— Эти брюки стоят тысячу иен. Вас может удивить, что их никто не покупает. Не удивляйтесь, они дешевы потому, что срок их носки короче жизни бабочки.

Да, это не был центр Токио. Здесь с корзинами за спиной ходили оборванные старики. Они подбирали мусор, закуривали поднятыми с дороги остатками сигарет.

Мы вернулись в центр. На этот раз оказались у «Осака-отель».

У гостиницы рядом с такси сидят возле своих колясок рикши.

— Почему же именно около этой гостиницы стоянка рикш?

Вада невинно посмотрел на нас.

— Вы обязательно хотите, что-

Copyrighted material

Крестьяне с острова Сикоку.

Японские школьники.

Американские солдаты
на улицах Токио.

Copyrighted material

На пляже в Камакуре.

Студентка Юко Ясуи.

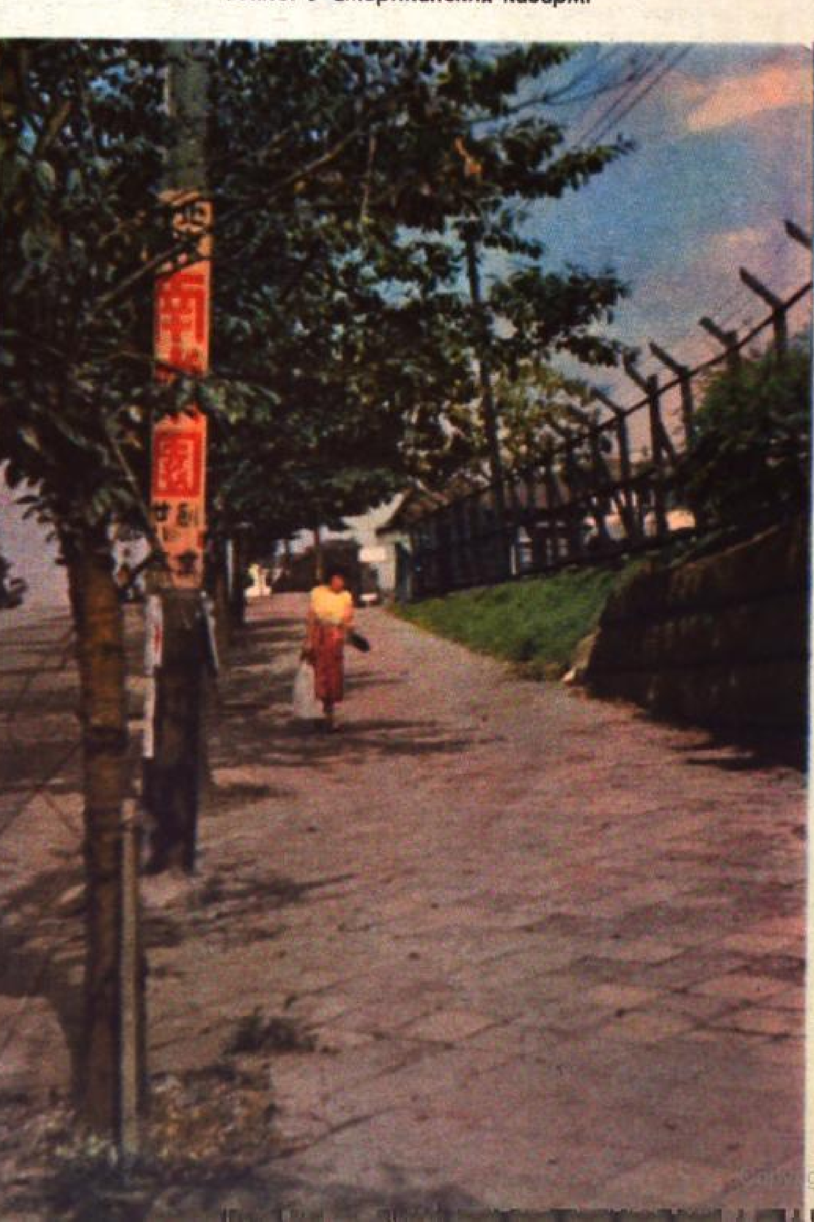
У пристани.

Copyrighted material

На улицах города Осака.

Чистильщик обуви.

Токио. У американских казарм.

Copyrighted material

бы я ответил на ваш вопрос? Или вы сами догадаетесь? — Он показал на вывеску гостиницы, где сообщалось о том, что она занята американскими военными.

Пока мы рассматривали вывеску, мимо нас в маленьком фаэтончике, запряженном рикшей, проехали два солдата.

Позже один из наших знакомых говорил:

— Американская военщина — наш бич. Немало японок стали их временными подругами. Солдаты меняются, уезжают, им на смену появляются другие, жизнь таких девушек идет под откос, они переходят из рук в руки.

Наш собеседник был прав. И в кино и в легких эстрадных театрах мы видели американских солдат и офицеров с японками. В поезде Нагасаки—Хиросима я запомнил вошедшего в вагон американского офицера, слоноподобного, в прозрачной рубашке, сквозь которую виднелась невероятных сюжетов красная и синяя татуировка, словно это был не человек, а реклама фирмы, торгующей цветной тушью. За американцем шла маленькая японка в пестрых шелковых брюках до колен и короткой курточке. Пока они в поисках места пересекали вагон из конца в конец, все головы пассажиров словно по команде поворачивались им вслед. Сидевшие рядом с нами японки покраснели. Одна из них сказала:

— Это наш позор. Эти люди все покупают на деньги. Товары, политических деятелей и... любовь.

По вечерам на Гинзе и других центральных улицах зажигаются яркие неоновые огни.

Вы можете долго стоять, следя за игрой электрических огней, буйно расплескавших по вечернему городу разноцветные буквы. Вы бы, возможно, стояли еще дольше, если бы к вам не подошел человек с тонкими усиками и не сказал, протягивая что-то похожее на визитную карточку:

— Вы имеете возможность за недорогую плату увидеть представление в частном доме, а также получить там все, что положено взрослому европейцу.

Вы с недоумением смотрите на этого человека, но он, видимо, считая, что вы неизвестно отчего скромничаете, слово в слово повторяет тысячи раз произносимую фразу. Тогда вы продолжаете свой путь, тщетно пытаясь объединить все впечатления от знакомства с пестрыми вечерними улицами Токио.

Тетя Зина из Харбина

Проходя по одной из улиц, мы вдруг с удивлением остановились, прочтя на вывеске маленького ресторанчика по-латыни написанное слово «Березка».

«Березка» в Токио?

Как же можно было не зайти в это заведение?

Навстречу нам вышла, поблескивая золотым зубом, еще нестарая женщина. Узнав, что мы русские, она представилась:

— Тетя Зина. Могу предложить вам пельмени, селедочку с лучком, соленые огурцы.

Можно ли было отказаться от этих недосягаемых для нас в Японии прелестей? И мы отведали и пельменей по две порции, и селедочки с лучком, и соленых огурцов... Пока мы ели, наблюдая за маленьким ресторанчиком, где на буфетной стойке стоял частокол из пустых шкаликов, тетя Зина завела радиолу. Ресторан заполнился хрипловатыми цыганскими голосами: «Ах, эти черные глаза...».

Над радиолой висел групповой портрет ансамбля «донских казаков» с дарственной надписью.

— В прошлом году приезжали они сюда из Америки, вот подарили нам фотографию. Они выступали в Токио,— сказала тетя Зина.

— И вы их тоже угощали пельменями?

— Конечно!

В ресторане, кроме нас, никого не было. Тетя Зина разговорилась.

— Я из Харбина,— сказала она, отвечая на наши вопросы.— Но вот пришлось переехать сюда... по семейным обстоятельствам. Семья моя разделилась. Дочь вышла замуж за вашего военного...— Тетя Зина сказала: за «вашего» и запнулась, но не поправилась.

— А где же ваша дочь?

— На целине.

— На целине?!

— Да, в Казахстане. Часто пишет письма. Они живут там с мужем. Он работает, тракторами командует...

— Что же пишет дочь?

— Что пишет? «Мама, не верь газетам, если они плохо говорят о нашей стране. Верь только моим письмам. Мне живется хорошо. Мы живем дружно. Я счастлива, что обрела свою родину». Вот что пишет она.

— А что же вы?

— Моя жизнь уже на конце второй половины. Я за дочку рада,— ответила уклончиво тетя Зина.

— Это ваш ресторан?

— Что вы! Я служу здесь шеф-поваром.

Она провожала нас до порога. Мы предложили ей сфотографироваться с нами.

— Я на работе. Мне нельзя,— сказала тетя Зина чуть испуганно.

Мы не настаивали.

Кабуки

Так шла наша жизнь в Токио. Однажды профессор Ясуи сказал:

— Вы должны посмотреть театр Кабуки. Это наша национальная гордость.

Приглашение Ясуи совпало с нашими желаниями.

В воскресный день мы отправились на дневной спектакль в театр Кабуки. Зал бы набит до отказа. Многие зрители одеты в кимоно, в том числе и наш друг Ясуи, его жена и дочь Юко — студентка Токийского университета.

Открылся занавес.

На сцене шла пьеса «Змеиная страсть», инсценировка повести писателя Уэда Акинари, написанной в 1768 году. Содержание пьесы необычное: змея, превратившаяся в женщину, совратила молодого впечатлительного человека. Буддисты боролись за его душу и победили.

Несмотря на условное содержание, спектакль поставлен с реалистическими подробностями, отлично оформлен. Декорации написаны тонкими, мягкими красками, с той подкупающей простотой, когда перестаешь замечать их условность, а главное — условность действия. В театре Кабуки все роли играют мужчины. Роль женщины-змеи бесподобно играет один из самых талантливейших современных актеров Японии, артист Синдзяку.

Во второй половине спектакля была показана написанная в 1703 году Такамацу Мондзаэмоном «Гибель двух влюбленных в Саледзане». Это история трагической любви молодого человека Токубе и японской гейши. Занавес закрывается в тот момент, когда Токубе и любимая им гейша осуществляют принятое ими решение покончить с собой. Роль гейши исполняет Синдзяку, а роль Токубе — отец Синдзяку, талантливый Гандзиро Накамура.

Во время спектакля в самых трагических местах в зрительном зале раздавались резкие гортанные выкрики. Вначале мы вздрагивали, потом привыкли. Ясуи сказал:

— Так надо. Это помогает актерам.

И верно, после выкриков зал словно наэлектризовывался, зрители замирали. Что-то было в спектакле такое, что глубоко волновало и заставляло, не отрываясь, следить за развитием действия.

В антракте между «Змеиной страстью» и «Гибелью двух влюбленных» Ясуи повел нас за кулисы. Синдзяку и Гандзиро Накамура располагались в одной комнате. Синдзяку в сложной женской прическе сидел перед зеркалом и пудрился, готовясь к следующей пьесе. Мы познакомились. Но магическое впечатление, полученное во время спектакля, настолько действовало, что и там, за кулисами, во время короткой встречи, и после спектакля казалось, что разговаривали мы не с мужчиной, а с женщиной.

Вдова профессора Ояма с внуком и член советской делегации Ольга Колобова.

Закончился спектакль, улицу возле театра на короткий срок заполнили зрители. Мы стояли у подъезда, ожидая задержавшегося Ясуи. Но вот появился и он. Подойдя к нам, Ясуи тревожно спросил:

— Вам не очень было скучно?

Мы ответили несколько торжественно:

— Дорогой друг, конечно же, нет! Мы испытали большое наслаждение. Все, что мы видели,— это настоящее искусство.

Мы не кривили душой. Сохранивший все особенности и традиции национального искусства театр Кабуки не случайно так любим японскими зрителями и вызывает не только любопытство, но и искренние восторги людей, воспитанных на реалистическом искусстве.

* * *

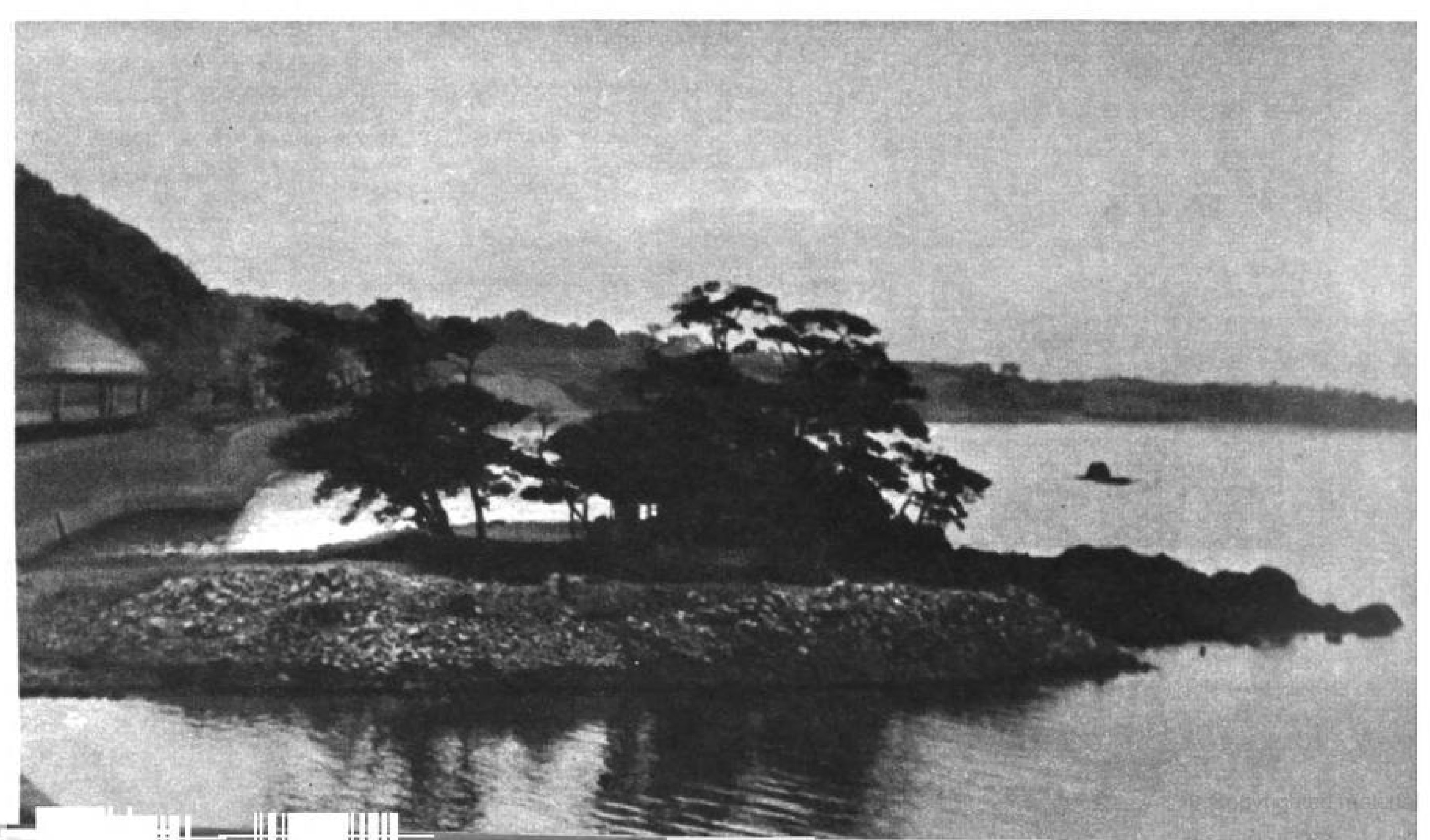
Срок нашего пребывания в Японии подходил к концу. Многого мы не увидели, многого не узнали. Но и те двадцать дней, которые прожили мы в Японии, открыли много в нашем понимании жизни японского народа.

...Улетали мы из Токио в полночь. Улетали как друзья, сопровождаемые друзьями.

Юко Ясуи, заглядывая в учебник русского языка, говорила:

— Я еще хотел видал вас в Токио.

Последние рукопожатия, поцелуи, дружеские улыбки, и самолет поднимается в черное звездное небо. Исчезают голубые огни Японии. Под нами Тихий океан.

В Сингапуре

Изабелла БЛЮМ,
член Всемирного Совета Мира

В руках у меня с десяток экземпляров деклараций и резолюций, принятых на 2-й Международной конференции по запрещению атомного и водородного оружия в Нагасаки. Вокруг провожающие меня друзья. Мне предстоит, пользуясь этими резолюциями как путеводителем, совершить путешествие по Азии, убеждая всюду людей, что нет сейчас более гуманной задачи, чем бороться за прекращение испытаний атомных и водородных бомб, испытаний, несущих с собой тяжелый вред не только для нас, но и для наших детей и последующих поколений. Мне предстоит убеждать всех, кто радуется солнечному свету, что жизнь станет прекрасной, если народы научатся договариваться, вместо того чтобы уничтожать друг друга.

Путешествие будет длительное и в одиночку. Но я знаю, что в каждом аэропорту меня будут встречать с яркими цветами и вселяющими бодрость улыбками друзья мира, те, кто готов бороться рука об руку за одно и то же великое дело.

...Посадка в Сингапуре. Я не знаю здесь никого и ничего. Хочется познакомиться с городом. Я совершаю прогулку вдоль набережных и по территории порта, заполненного джонками и большими судами, которые увозят отсюда в далекие страны кокосовые орехи для маслобойных заводов.

Пейзаж города неоднороден. Как во многих других местах Азии, здесь существует особый китайский квартал, особый индийский. Вверх по откосу холма взбегают малайские домики, они стоят скученно, прячась в пышной тропической растительности. Новых зданий немного. Я узнаю, что домики сдаются внаймы за пятьдесят малайских долларов в месяц при средней заработной плате рабочего в 190—200 долларов.

Эти сведения мне сообщает шофер такси — малаец. Говорит он по-английски довольно плохо, но каждый раз, когда мы в городе проезжаем мимо комфортабельного дома, он не упускает случая сообщить, что этот дом «занимает английская полиция». И точно так же, когда уже за городом нам попадается по пути здание, своим богатым видом резко выделяющееся среди других домов, он произносит без всяких комментариев: «Дом английского резидента».

Я говорю шоферу, что малайские домики на сваях, утопающие в зелени, мне очень нравятся. Рот у него растягивается в улыбке до ушей. Но стоит мне после того, как он указывает на очередной встретившийся полицейский участок, робко заметить: «Я полагала, что у вас независимость»,— как он сжимает губы, и мой английский язык мгновенно становится для него непонятным.

Я прошу шофера совершить со мной по городу еще один круг. Мне хочется все же удостовериться, что у меня не произошло, как говорят у нас в Боринаже, «помрачения зрения» и что все эти бесконечные полицейские участки мне не приснились. И вот мы вновь объезжаем деловую часть города. Как и в Гонконге, который я только что покинула, здесь сгрудились отделения всех европейских банков. Один из них занимает нижний этаж самого высокого, восемнадцатиэтажного здания в Сингапуре. На набережной — знакомые рекламы важнейших авиационных линий, обслуживающих Азию. Рекламы эти заслоняют вывески старых пароходных компаний, которые все еще надеются, что время их не миновало.

Невдалеке — здание английской

администрации, длинное, белое, со множеством дорических и коринфских колонн. У меня от этого зрелища спирает дыхание. То, что англичане сочли возможным сооружать здесь плохие копии греческих храмов для своих меняльных контор и коммунальных учреждений,— это дело их вкуса или безвкусицы, но они хотят этот свой вкус укоренить навсегда в чужих странах, и это вызывает глубокое возмущение. Да, колониализм ничего не щадит. Во имя барышей он превращает все в предмет экспорта, все, включая и свое неуважение к людям, быту и обычаям любой другой цивилизации. Впрочем, чего можно ждать от общественного строя, ставящего ни во что человеческую жизнь и человеческое достоинство? И хотя этот нелепый неоклассицизм под здешним ярким солнцем выглядит несколько менее безобразно, чем среди пыли и дыма городов Англии, это мало утешает.

У меня есть свободное время, и я брожу по городу в экваториальной жаре, которую не способны смягчить частые дожди. Наблюдая изобилие полицейских и читая в местных газетах отталкивающую похвальбу по поводу того, что в джунглях убит еще один борец, как не придти к выводу о неизбежном конце колониальных империй!

...На верхушках мачт больших судов и рыбачьих лодок зажигаются огоньки. Прибрежные островки словно перекликаются этими огоньками. Набережные заполняются гуляющими людьми, и во мне пробуждаются мысли о нашей борьбе за мир. Мне страстно хочется, чтобы и здесь, в этом дальнем уголке земного шара, вместо полицейского режима угнетения, на который наталкиваешься на каждом шагу, восторжествовали бы принципы равенства и мирного сосуществования, принципы, ставшие теперь знаменем всего человечества. Каучук, кокосовые орехи и все подобные им вещи — это ведь не более, как товары, они продаются и покупаются; обмениваясь ими, люди обмениваются своим трудом. Почему же нужно убивать людей? Чтобы получать эти товары по дешевой цене или попросту бесплатно? Если бы те, кто распоряжается богатствами британской империи, могли понять, что силой в наши дни уже ничего не сохранить! На место одного борца, убитого в джунглях, становятся десятки других. Полиция и армия не могут помешать освобождению угнетенных народов.

Мирное сосуществование, договоры о дружбе и сотрудничестве, торговые и иные соглашения, заключенные на основе равенства и взаимной выгоды, широкий обмен культурными богатствами между всеми народами — в этом будущее человечества!

Сегодняшние огни Сингапура заставили меня еще раз укрепиться в этом мнении. Завтра я уеду отсюда дальше, хотя и «одиночкой», но с еще большей бодростью и верой. Я уеду отсюда в Индонезию, которую знаю по литературе, по стихам Пабло Неруды и в особенности по славной борьбе индонезийского народа за свою независимость.

Сингапур.

Отец

Михаил ГОДЕНКО

Год двадцать третий помню.
Люди
Толпились молча у двора.
Запряженным в арбу
верблюдам
Морковь кидала детвора.

Мы этажерку выносили
И кашемировую шаль.
И мать в сенях заголосила:
Ей хаты жаль,
Коровы жаль.

Верблюды шли совсем
непрытко,
Покачивались два горба.
В коммуну
Скудные пожитки
Везла скрипучая арба.

Отец подводой правил властно,
Набивши трубочку свою.
Казалось, к будущему счастью
Прокладывает колею.

У самой речки,
На изломе,
Где плодородные места,
В купеческом просторном доме
Селилась густо беднота.
На взгорье,
Разместившись ловко,
Кидая в небо медный крик,
Шумела мельница-вальцовка,
Пыхтел веселый паровик.

Туда обед мы приносили,
В тот краснокаменный дворец.
Средь грохота и белой пыли
Встречал нас радостно отец,

Мирошник,
Рослый, молодой,
Но от муки,
Что лунь, седой.

Он брал нас запросто в охапку,
Троих сынков,
Своих галчат.
Мы трогали усы и шапку,
Болтали шумно,
Невпопад.

Порой бывал он хмурым,
строгим, —
Не подходи
И не зови...
Однажды заполночь
К порогу
Приполз измазанный в крови:
Его впотьмах остановили
У каменных больших ворот,
Отполированные вилы
С размаху двинули в живот.

Лежал на топчане у печи
Селянской бедноты вожак,
Стонал от боли,
Рвал пиджак.
У матери дрожали плечи,
Мы замирали под рядном.
Бесился ветер за окном...

Попозже встретились мы сами
В упор с врагами-кулаками.
Поймали нас они у става
И повалили на отаву,
Топтали злобно сапогами,
Полосовали батогами...

В тот вечер
На соломе в клуне
Отец сказал в ночной тиши:
— Не легок шлях к родной
коммуне,
Он стоит крови,
Малыши!

Он дал сынам закал хороший,
И силу дал,
И сердца жар,
Седой отец,
Простой мирошник,
Тех дней далеких коммунар.

Copyrighted material

Широко и просторно

...Живет на свете мальчишка. Растет. И никого у него нет ближе и роднее, чем мать. Но вот он вырос, стал студентом, а потом геологом. И появился около него еще один человек — «курносое существо», что добродушно смотрит с фотографии, на которой написано: «Дорогому и навек любимому Пете от Веры».

А мать? У нее попрежнему нет никого ближе и роднее, чем ее мальчишка. Для него ей ничего не жалко.

Вот, собственно, и все. Эту незатейливую и вечную историю поведал Борис Зубавин в своем рассказе «Часы». При чем тут часы? А это подарок матери своему Пете. Ведь ему в пустыне нельзя без часов, а его прежние — тоже подарок матери — раздавил верблюд Федька. Так написал сын. И, как ни трудно было матери собрать деньги на часы, все-таки скоро в пустыню Чрта-Гюль была отправлена посылка с объявленной ценностью. А через некоторое время Петя уже открывал ящичек и извлекал

часы на металлической браслетке. «Непромокаемые», как говорит мама. А клочок бумаги с коротенькими и старательными строчками, написанными рукой матери, жжет ему пальцы, словно знойное пустынное солнце: ведь старые его часы целы, а забавную историю с верблюдом Федькой он просто придумал, чтобы мать посмеялась, и еще потому, что решительно не знал, что ей написать...

Такова история с часами. Она не очень интересна в пересказе, но когда читаешь рассказ Зубавина, строчки жгут, словно знойное пустынное солнце. Скупо, сдержанно, без лишних слов — такова манера писателя. Пишет Зубавин не по случаю, не потому, что подвернулась интересная ситуация, а потому, что не может не рассказать об этом. Здесь и простые, честные записки офицера под общим заглавием «Ожидание», и очень грустный и чистый, как первый снег, рассказ «Ты едешь в Осташков», и взволнованная повесть о мальчугане «Где у мальчишки дом?».

О разных людях пишет Зубавин. У них разные характеры, но одно большое роднит их и делает близкими читателю: советский человек во всем его многообразии, с достоинствами и недостатками живет в рассказах и маленьких повестях Бориса Зубавина. И жизнь этих людей широка и просторна, как и та земля, на которой они живут.

Г. ЕРЕТНОВ

Борис Зубавин. На широком просторе. Повести и рассказы. «Молодая гвардия». 1956. 318 стр.

Стихи Ингер Хагеруп

Издана небольшая книжечка стихов Ингер Хагеруп. Это — первое знакомство советского читателя с современной норвежской поэтессой, не считая нескольких стихотворений, промелькнувших на страницах журналов. И читатель не разочарован. Стихи Хагеруп взяты из разных сборников, начиная с первых шагов поэтессы в конце 30-х годов до произведения, написанного в 50-е годы. Свидетельствуют эти стихи о разнообразии интересов поэтессы, о большой заинтересованности в судьбе человека.

Глубоко волнует Хагеруп главная проблема современности — сохранение мира. Призыв к миру звучит во многих стихотворениях книги.

Любовью к своей родине, болью за ее судьбу и верой в ее будущее проникнуты стихи, написанные в период оккупации Норвегии:

Поругана, обнажена
И в траур убрана она,
Та, что звалась землей
норвежской.
...Разве ж грусть
в грядущих днях,
Чтоб величаво реял флаг,
Норвежский флаг в своей
отчизне.

Остается пожалеть, что в эту книжечку не вошло одно из лучших стихотворений этого периода — «Они сожгли наши дома». Своей ненавистью к фашизму, боевым духом это стихотворение, распространявшееся в Норвегии нелегально, звучало как набат в темные годы оккупации, вселяя веру в победу.

Прекрасно стихотворение, посвященное поэту-борцу Нурдалю Григу, чью поэтическую традицию продолжает в своем творчестве Ингер Хагеруп.

Искренность и задушевность присущи лирической поэзии Хагеруп. Стихи этого цикла щедро представлены в книге. Норвежская критика оценивает их как столбовые вехи в национальной лирике.

Несомненной удачей поэтессы являются стихи для детей. Лишенные какой-либо нарочитости, слащавости, они выразительны, образны, несут глубокие мысли.

Стихи книжки удачно подобраны и в большинстве своем хорошо переведены.

В. МОРОЗОВА

Ингер Хагеруп. Стихотворения. Гослитиздат. Москва. 1956. 71 стр.

Портрет поэта

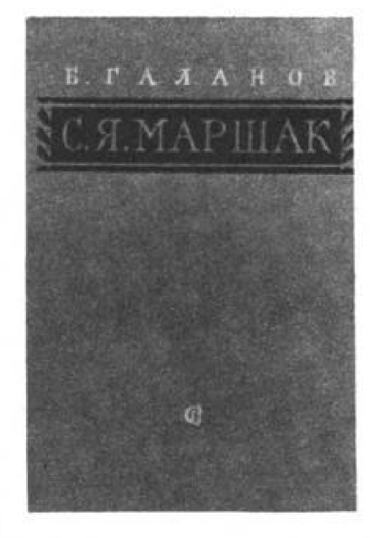
Кто не знает в нашей стране славного имени Самуила Маршака...

Многие из нас в раннем детстве узнавали себя в его бойком «Мастере-ломастере», начинали странствовать по свету с его «Почтой», учились видеть «Вчера и сегодня» в окружающем быту, уважать простого рабочего человека, создателя всех вещей и покорителя природы, смеялись над «Рассеянным с улицы Бассейной» и незадачливой барынькой с ее багажом, презирали надменного человеконенавистника мистера Твистера и, гордясь своим героическим народом, ненавидели потерявшего человеческое обличье фашиста, изображенного поэтом.

Миллионам советских ребят Маршак и сегодня помогает расти настоящими людьми, воспитывает у них художественный вкус, прививает им любовь к поэтическому слову, к меткой народной речи.

Странно теперь читать в книге о поэте, какую борьбу за подлинную поэзию для детей пришлось вести три десятка лет назад Маршаку и его товарищам, зачинателям советской детской литературы. Талант Маршака раскрывался в поэтической сказке, остроумной шутке и стихотворной повести для детей, в лирике, полной раздумий над жизнью, и в сатире, метко бьющей по врагу, в мастерских переводах. Сонеты Шекспира и поэзия Бернса, так же как и произведения многих других зарубежных поэтов, в переводе Маршака стали такими же явлениями русской поэзии, как и поэтические переводы наших классиков.

Книга Галанова широко освещает творческий путь Маршака, мастера стиха и общественного деятеля. Ее страницы показывают, как

советская действительность, борьба народа за торжество социализма подсказывали поэту живые образы, идеи. В творческом портрете Маршака, созданном Галановым, уловлено своеобразие стиха поэта, стиха мускулистого, сочного, полного движения, освещенного умным юмором. Поэтическое творчество раскрыто в книге как взыскательный каждодневный труд, полный настойчивых поисков простой и ясной композиции, выразительного ритма, точного эпитета. Особенно интересны главы о работе, росте и творческом своеобразии Маршака — сатирика и переводчика.

Книга Б. Галанова — хорошая книга о поэте, творчество которого знает и любит наш народ.

Н. ВЕНГРОВ

Б. Галанов. С. Я. Маршак. Очерк жизни и творчества. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1956. 186 стр.

Корейская классическая поэзия

«Неувядаемые слова страны зеленых гор» — так называлась одна из антологий древней корейской поэзии. Это название как нельзя лучше подходит к первому на русском языке сборнику корейской классической поэзии, изданному Гослитиздатом в переводах А. Ахматовой. Стихи сборника — это в основном поэтические миниатюры, в которых с удивительной простотой и яркостью выражены большие человеческие чувства, патриотические идеи и такие близкие нам мечты о мире. В сборнике произведения раннего средневековья, близкие к народной поэзии, позднего средневековья (XV—XVIII вв.). Эта изящно изданная книга может служить образцом того, как надо издавать поэтические сборники.

Исследование о малых народах Севера

Издательство Академии наук СССР выпустило в свет большое исследование М. А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера», посвященное истории, экономике и этнографии 26 малых народов Севера в дореволюционный период и в период после революции, вплоть до нашего времени.

Автор поставил своей задачей исследование интересной теоретической и важной практической проблемы перехода к социализму отсталых народов, не прошедших стадии промышленного капитализма.

В первой части книги автор подробно характеризует культуру малых народов Севера в дореволюционный период, давая читателю яркое, изложенное в доступной форме и в то же время строго научное описание хозяйства, быта, социально-экономических отношений и форм идеологии малых народностей Севера.

Вторая часть книги посвящена истории национального строительства у малых народов Севера в годы Советской власти. Наибольший интерес здесь представляют главы, посвященные первым мероприятиям Советского правительства, деятельности Комитета Севера при ВЦИК. Автор подробно освещает все стороны жизни народов Севера и в III части показывает результаты плодотворной деятельности Советской власти, обеспечившей расцвет культуры ранее отсталых, обреченных на прозябание и даже вымирание народов, показывает приобщение их к жизни всего советского народа.

Книга Сергеева интересна тем, что автор исследует этот сложный процесс в его своеобразии, показывает различные формы возрождения малых народов и освещает пути их дальнейшего развития.

История развития малых народов Севера разоблачает всю несостоятельность всякого рода теорий о «неполноценных» и «неисторических» народах. Практическое разрешение в Советском Союзе проблемы некапиталистического пути развития народов может оказать существенную помощь в разрешении национально-колониального вопроса в других частях мира.

Книга М. А. Сергеева посвящена мало изученному вопросу. Она будет с интересом прочитана не только специалистами-этнографами, историками, но и работниками Советского Севера. Книга окажет большую помощь преподавателям-географам.

Тихон СЕМУШКИН

М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. Издательство Академии наук СССР. Москва — Ленинград. 1955. 569 стр.

Copyrighted material

РАДИСТ С «АЛЬБАТРОСА»

Рассказ

Виктор СТАРИКОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

В вахтенном журнале катера «Альбатрос» 16 июля 195.. года было записано, что трехчасовое опоздание с выходом в рейс произошло из-за неисправности баллона со сжатым воздухом для запуска мотора. На самом деле отвалку катера задержало опоздание помощника капитана Шурова. Ему долго подавали позывные гудки, пустили в ход даже мощную сирену, которой пользовались только в исключительных случаях, но Шуров не появлялся. Матрос, посланный капитаном на розыски, вернулся ни с чем.

Был пятый час дня, когда на берегу появился высокий, худой, с нездоровым цветом лица, испещренного многочисленными синими прожилками, в фуражке, надвинутой низко на лоб, помощник капитана Шуров. Не очень твердо ступая, он дошел до пирса и остановился. Возле его ног уселась безобидная черная собака Котлета.

Воспаленно-мутными глазами Шуров мрачно оглядел всех и ударил собаку ногой под брюхо. Взвизгнув, собака упала в воду. Спустя несколько секунд вынырнула, закрутилась, как волчок, и, высунув из воды красноватый нос, часто перебирая лапами, поплыла к берегу.

Криво усмехнувшись, Шуров шагнул через борт на палубу катера и прошел сквозь толпу пассажиров, заставляя всех расступиться.

Проходя мимо студента Толи Рожкова, одетого в пеструю спортивную рубашку, в легкие летние брюки и тапочки, Шуров услышал, как тот пренебрежительно и громко сказал соседу:

— Тоже богатырство — собаку сбросить...

Помощник капитана чуть замедлил шаги, покосился угрюмо и увидел потемневшие глаза Толи, но ничего не сказал и прошел в рубку.

Три раза над поселком пронесся гудок отплытия, загремела якорная цепь и зашумела за кормой голубая вода.

В рубке Шуров пробыл недолго. Свидетелей его разговора с капитаном Толченовым не было, но, несомненно, Шурову и в этот раз сошло с рук нарушение дисциплины, ибо тут же радист Яша Горин получил приказ от капитана сделать ложную запись в вахтенном журнале о причине опоздания выхода в рейс. Это приказание он выполнил без возражения.

«Альбатрос» шел на дальний промысел в северной части Байкала, загрузив трюм солью, снастями и продуктами для рыбаков. Весь рейс рассчитывали проделать за неделю.

Щеголеватый молодой капитан, с военной выправкой, в ловко сидящем, словно только сшитом форменном кителе, строго взыскивающий с команды за чистоту на судне, прикидывал, как бы покрыть опоздание с выходом в рейс из-за этого непутевого Сашки Шурова.

Студент Толя Рожков всматривался в скалистые берега Байкала. Через месяц он вернется со своей первой практики в Иркутск. Привезет множество рассказов о жизни моряков и рыбаков, о бурятах-скотоводах. Немногие из его товарищей бывали в таких малообжитых местах. Всегда, когда запоют при нем «Славное море, священный Байкал...», он будет вспоминать свои поездки на катерах, восходы и закаты, красивые и суровые берега моря-озера.

В малиновую, как вино, воду уходил раскаленный солнечный диск. Тени деревьев и скал на берегу вытянулись, щетка лесов погустела. Посвежело, и Толя накинул на плечи ватник.

Шуров после неприятного разговора с капитаном прошелся по катеру. На носу просторно расположилась, словно на берегу у костра, рыбацкая семья: бородатый отец лет шестидесяти, с зеленовато-насмешливыми глазами, двое добродушных сыновей-великанов, оба в новых хромовых сапогах, и шустрая, разбитная дочь с яркими полными губами и тяжелой черной косой. На корме Шуров опять увидел светловолосого студента в пестрой спортивной рубашке. Он читал книгу, но часто отрывался от нее и подолгу смотрел на проплывающий мимо берег.

Шуров вспомнил пренебрежительную фразу студента в свой адрес, и его охватил прилив злобы против пассажиров. «Расселись,— подумал он.— Ишь, как на пароходе...»

Не найдя, к чему придраться, Шуров все в том же мрачно-подавленном настроении спустился в кубрик и лег на койку.

Через несколько минут он вызвал к себе радиста Горина и приказал собрать с пассажиров деньги за проезд. Такие случаи, когда пассажиры-попутчики расплачивались с командой за проезд деньгами или рыбой, бывали. Эти деньги команда принимала молчаливо, с некоторой долей стыда, и матросы старались не говорить о них между собой.

Но никогда такое приказание не отдавалось так откровенно и категорически.

Радист замялся.

— Ну? — односложно спросил Шуров.

— Капитану доложить?

— Толченову известно,— буркнул Шуров.— Топай!

Яша Горин, самый молодой член экипажа, первый год плавал на Байкале. Жизнь среди моряков, да еще на таком известном озере, увлекала радиста. Независимо насвистывая, Горин поднялся на палубу, прошелся с озабоченным лицом, придумывая первую внушительную фразу о деньгах, и остановился возле рыбачьей семьи.

Старик поднял голову и, посмеиваясь в бороду, сказал благодушно, показав на пустую бутылку и новые сапоги сыновей:

— Покупки обмывали... Чтобы, значит, носить без протирки. Ну-ка, сынок, к рыбацкому столу! Ребята, дайте место...

— Спасибо, — буркнул Яша, несколько сбитый с толку.

— А чего спасибо? — низковатым задорным голосом возразила девушка. — Вы вот попробуйте нашего омуля, а потом спасибо говорите.— И она потеснилась к братьям, освобождая место возле себя.

Яша потерянно молчал. Рыбачка, лукаво посматривая на смущенного юношу, быстрым движением руки перекинула за спину косу и сказала:

— А я вас знаю. Вы к нам в Песчанку зимой на коньках прибегали. Садитесь...

Уши у Горина начали наливаться пунцовым цветом.

— Некогда,— с трудом произнес он.— На вахте...

Круто повернувшись, радист пошел на корму, с усилием отрывая от палубы тяжелые ноги. Решимость разом покинула его. Девушка напомнила Яше зимние вылазки с товарищами в рыбачий поселок. Надев коньки, они мчались по гладкому льду озера за двадцать километров посмотреть в клубе кинокартину, потанцевать с бойкими рыбачками. Весело проходили эти вечера!

Почему он не помнит этой девушки? Она-то его приметила.

Толя Рожков стоял на корме, облокотившись о поручни. Он кинул кусок хлеба, и чайка молнией упала на воду. Казалось, что она потанцевала на стеклянном гребне волны, едва касаясь его тонкими лапами, подхватила кривым клювом хлеб и несколькими взмахами крыльев поднялась в воздух.

На берегу среди зелени, подступившей к воде, белели три домика с красными черепичными кровлями и чернели тонкие мачты антенны.

— Это что там? — спросил Толя.

— Станция Академии наук. Ученые Байкал изучают,— ответил Яша.

— Сколько тут интересного! Хорошая у вас жизнь, много видите. Давно плаваете?

— Да уж пришлось,— солгал для солидности Яша.

— И все на этом катере?

— Моряки без нужды судно не меняют.

— Чего помощник сегодня такой хмурый?

— Нездоровится ему.

— Скажите, он хороший человек? — проверяя свои впечатления, спросил Толя.

Яша не ответил. Да и не мог бы ответить честно: противоречиво и сложно было его отношение к помощнику капитана. Временами Яше казалось, что капитан Толченов слишком потворствует Шурову, смотрит сквозь пальцы на его проступки, вредит этим службе. По рассказам матросов он знал, что еще в прошлом году Толченов плавал у Шурова помощником, очень многим ему обязан. Шуров, опытный капитан, знал все фарватеры, бухты и заливы Байкала. Позволяя себе всякие поблажки, нарушения дисциплины, убежденный, что место на капитанском мостике за ним сохраняется прочно, он не особенно огорчался многочисленными взысканиями. Весною его неожиданно отстранили от должности. Толченов занял место Шурова. Наверное, старая дружба мешала Толченову быть требовательным к помощнику.

Радист и студент постояли немного молча рядом, всматриваясь в быстро бегущую пенистую воду: Яша отошел, полный тревог и сомнений. Пускай Шуров ругается, но он не будет собирать деньги с пассажиров. Яша решительно направился в кубрик.

Шуров лежал, закинув руки за шею, вытянувшись во всю длину койки.

— Не собрал? — холодно спросил он, чуть скосив на Горина глаза.

— Не платят...

— Эх ты, малек! — брезгливо процедил Шуров.— Не можешь научиться разговаривать. Позови Кошелева. От него не отделаются.

Матрос Кошелев, рослый, рыжеволосый и добродушный парень, быстро сбежал по трапу к помощнику капитана и так же быстро появился снова на палубе.

Яша Горин в своей радиорубке услышал громкий и грубоватый голос:

— Эй, пассажиры! Готовьте деньги за проезд. Доставайте бумажники!

Яша надел наушники и, соединившись с диспетчерской, передал сообщение, что они проходят мыс Сторожевой.

Закончив передачу и сделав отметку в журнале, радист снял наушники и прислушался. На палубе раздавался шум многих голосов, но громче других кричал Кошелев:

— Ты это брось! Привыкли на дармовщину кататься! А ну, гони монету!

Яша приоткрыл дверь и выглянул из рубки.

Copyrighted material

Друг против друга стояли со злыми лицами Кошелев и старый рыбак.

— Ах ты, падло! — гневно говорил бородач.— Ты с кого это, несчастная душа, деньги требуешь? Какие мы тебе пассажиры? Своих рыбаков обираете? Есть у меня деньги, но шиш от меня получишь!

Внезапно между ними встал рослый старший сын, взял могучими руками за плечи матроса и легко заставил отступить.

— Отойди! — с угрозой приказал рыбак.— И ближе, чем за три шага, не подходи. Худо может быть! Память, например, могу отшибить. Понял? Себе закажи да и всем матросам передай: на нашей тоне не появляйтесь. Ишь, ловкачи, что придумали!..

Вокруг собралась толпа. Униженный публичным оскорблением, Кошелев оглянулся. Пассажиры расходились по своим местам. Матрос схватил за рукав телогрейки молодую женщину.

— Бесплатно не повезем, клади деньги.

Яша вышел из рубки и увидел Толю Рожкова. С побледневшим от волнения лицом студент стоял перед наглым Кошелевым и что-то торопливо говорил ему. Явно издеваясь, матрос презрительно смотрел на студента и упрямо повторял:

— Ничего не знаю... Сел на катер — плати. Вам на проезд деньги выдают — командировочные.

— Радист! — крикнул Горину Толя.— Что же ваши товарищи делают? Нет у меня сейчас денег.

Яша нагнул голову и быстро шмыгнул мимо. Ему было стыдно за все, что происходило на палубе, но и вмешаться он не смел. «Неужели капитан не слышит?» — подумал он.

— Разве так могут поступать настоящие моряки? — гневно сказал студент.— Вы пираты!

Кошелев захохотал.

Шуров стоял на носу, всматриваясь в приближающийся берег, уже окутываемый вечерней темнотой, с первыми яркими огоньками в рассыпанных по угорью домам, вслушиваясь в шум перебранки на корме. Катер подходил к Харанцам — небольшой пристани возле рыбачьего поселка.

Мотор перестал работать, загремела якорная цепь, и «Альбатрос», покачиваясь, встал. Последние волны побежали к берегу. Оттуда доносилась песня.

— Спускай подъездок! — послышалась команда Шурова.— Сажать тех, кто уплатил деньги.

Матросы подвели лодку к трапу. Помощник капитана стоял возле него вместе с Кошелевым. Первыми подошли рыбак с сыновьями и дочерью.

— Эти отказываются,— злорадно сообщил Кошелев и чуть-чуть отодвинулся от трапа.

Шуров, нахмурившись, посторонился, молча пропустил их. Девушка оглянулась на матросов, увидела Горина и громко, раздельно, чтобы все слышали, крикнула:

— Яша, получите с меня, если своих денег не хватает! — И кинула скомканную пятерку.— Выпей за свое здоровье! — Ловко перекинула ноги через борт и быстро по трапу спустилась в лодку.

Бумажка упала к ногам радиста.

— Подбери! — бросил Шуров, но Яша круто повернулся и пошел к себе в рубку.

— Тоже мне! — презрительно протянул Кошелев и подобрал деньги.

Помощник капитана пропустил всех пассажиров, сходивших на этой пристани, не считая, взял у Кошелева собранные деньги и тоже сошел в подъездок.

— Собирай с остальных! — громко распорядился он.— Кто откажется платить, здесь высадим.

— Есть! — готовно отозвался матрос.

Толя Рожков видел все, что произошло у трапа. Он прошел на свое место на корме, подавленный этой историей. Утром, узнав о выходе в рейс «Альбатроса», Толя принял это за удачу. Не придется, как было в последний раз, скучать на берегу двое суток в ожидании рейсового пассажирского парохода. Раз в неделю он приезжал за почтой в этот рыбачий поселок и не первый раз возвращался с попутными катерами. Никогда еще матросы не требовали денег. Поэтому сегодня, надеясь на попутный рейс с «Альбатросом», Толя на оставшиеся у него деньги накупил товарищам подарки, и в кармане осталась только трешка.

Рядом с ним сидел болезненного вида молодой рыбак, ехавший домой после месячного лечения в больнице.

— Что же это такое? — сказал ему Толя.

— Дурят парни...

Кошелев уже опять обходил пассажиров.

— Будешь платить? — спросил он у Толи.

— Нет...

— Тогда пеняй на себя,— пригрозил Кошелев.— Помощник капитана сейчас вернется. На берег ссадим.

— Не пугай!

Шуров появился минут через сорок, и «Альбатрос», выбрав якорь, простившись гудком с поселком, тронулся в дальнейший путь.

Толя Рожков решил, что на этом все закончилось.

Началась вахта Шурова. Капитан Толченов сошел в кубрик, где к ужину собралась вся команда.

Вскоре спустился и Шуров, угодив к горячему спору.

— Катер государственный,— говорил возбужденно Яша.— А мы, как частники, действуем.

Капитан Толченов молчал, сожалея, что не вмешался, не запретил сбора денег. Но теперь ему не хотелось ронять авторитета помощника. И так в команде отношение к нему плохое.

— Скажи смелее, по-пиратски! — громко и вызывающе сказал Шуров, выходя на свет.— Ладно, митинги будешь проводить на берегу! — грубо оборвал он радиста и сел к столу.— Пассажиров пожалел, разорили мы их? А что они нам палубу загадили, команда за ними убирать должна, этого не видишь? Мы пассажиров возить не обязаны: на это есть пароходы.

Он обвел глазами матросов, ожидая одобрения.

Радист молча вылез из-за стола.

Ужин прошел в тягостном молчании, и все, не задерживаясь в кубрике, разошлись. Ушел в каюту и капитан, отложив серьезный разговор с помощником на утро.

Яша Горин стоял на темной палубе. Мимо прошли Шуров и Кошелев.

— Отказывается студент платить? — спросил Шуров.— На пиратское судно попал? Ладно, придется ему кое-что хлебнуть. Пусть с Байкалом познакомится.

Яша, встревоженный, прошел за ними, но больше ничего не услышал.

Пятеро оставшихся пассажиров сидели на корме, укрывшись от пронзительного ночного ветра за стеной рубки, о чем-то тихо разговаривали. «Альбатрос» шел в темноте, в вышине слабо светили звезды.

Яша постоял немного, поеживаясь от холодного ветра, прислушиваясь к тихим голосам пассажиров.

— Товарищи пассажиры! — позвал он.— Замерзнете на палубе. Идите в кубрик.

Но едва они спустились в тесный матросский кубрик, не успев и разместиться в нем, как появился Шуров, очевидно, следивший за всем.

— Это что такое? — притворно удивился он.— Уже в кубрик переползли. И ты тут? — угрожающе двинулся он к Толе Рожкову.— Все на палубу! Марш! Очистить служебное помещение!

— Пассажиры не самовольничают,— решительно вступился Яша.— Я их пригласил. Холодно на палубе.

Шуров быстро повернулся к радисту.

— Ты пригласил, я отменил. Ясно?

— Оставьте хоть его,— вдруг вмешался Толя и показал на молодого, с бледным лицом рыбака.— Из больницы...

— Всем наверх! — непреклонно приказал Шуров.

На катере спали, когда «Альбатрос» остановился на рейде пристани Сорочья. В темноте на берегу светил одинокий, словно глаз большой птицы, желтый огонек в окне, на горе через равные промежутки времени мигал маяк. По сильному прибою угадывался высокий берег.

Здесь «Альбатрос» покидали последние пассажиры.

Вспыхнувший на катере луч прожектора осветил каменистый берег, длинные деревянные сходни и приземистые рыбные лабазы. Потом свет переместился к трапу, у которого появилась мрачная фигура Шурова в резиновом плаще. Надвинув на лоб фуражку, он молча пропускал пассажиров. Толю Рожкова коротко спросил:

— Платить будешь?

— У меня нет денег.

— Поплывешь дальше.

— Куда это дальше?

— Кататься любишь — вот и покатаем. Отчаливай! — приказал он.

Свет прожектора потух, и лодка с пассажирами пропала в темноте. Слышались только всплески весел и поскрипывание уключин.

Толя все еще стоял возле трапа, не очень поверив в реальность угрозы помощника капитана. Решил испугать, рассчитывает на слабые нервы.

Послышались всплески весел возвращающейся лодки.

В темноте студент не заметил, что Кошелев поднялся на катер через корму и прошел по другому борту в капитанскую рубку. Вдруг зашумела под винтом вода, и желтый птичий глаз на берегу стал медленно тускнеть и удаляться.

«Альбатрос» отвалил от пристани Сорочья.

— Рожков! — закричали с берега.— Не бойтесь! Выручим!

Он узнал голос молодого больного рыбака, подбежал к капитанской рубке и рванул дверь.

— Что же вы хулиганите? — крикнул он.— Остановите катер! Высадите на берег!

— Закрой дверь, не мешай! — бросил равнодушно Шуров.— Кошелев, проследи за ним!

Матрос двинулся на Толю, оттесняя его от рубки.

...Часа через два, когда уже рассвело и над Байкалом струился легкий, как пар, светлый туман, радист вышел на палубу, готовый заступить на вахту, и увидел, что катер стоит в бухте Теплая, и очень этому удивился: им незачем было сюда заходить.

В глубине бухты виднелся одинокий дом. К берегу приближалась лодка.

— Это кто поплыл? — спросил Яша.

— Шуров забавляется,— ответил сонный вахтенный.— Студента наказывают.

— Как наказывают?

— Не хотел деньги отдать, вот и завезли его в Теплую.

Лодка толкнулась в песок, и на берег сошел единственный пассажир — студент Толя Рожков.

Copyrighted material

Радисту представился драматизм положения студента, высаженного в этом глухом месте. Отсюда по горам не пройти: тайга не пропустит; берегом тоже нет пути: обрывистые скалы отвесно выступают из воды. Пароходы в Теплую не заходят, редко-редко, в случаях крайней нужды, заглядывают рыбаки. Неизвестно, когда студент выберется отсюда.

Рывком Яша распахнул дверь капитанской рубки.

— Остановите катер! Не смейте бросать пассажира!

Шуров смерил радиста презрительным взглядом и молча с силой захлопнул дверь.

«Альбатрос» уже шел полным ходом, огибая скалистый мыс, и бухта с одиноким пассажиром, медленно шагавшим к дому, исчезла.

Яша сбежал по трапу и кулаком застучал в дверь капитанской каюты.

— Что там? — послышался встревоженный голос капитана.

— Откройте! — страшным голосом крикнул Яша.

Дверь распахнулась.

Яша торопливо сообщил о происшедшем.

— Выдумал! — не поверил Толченов, быстро натягивая рубашку.— Не мог Саша так поступить. Разыграли, наверное, тебя.

Они вместе поднялись на палубу и прошли в рубку.

Шуров, ведя катер, мельком посмотрел на них.

— Зачем заходил в Теплую? — резко спросил Толченов.

— Пассажира высаживали.

— Ты, Сашка, сдурел?

— Этот нажаловался? — Шуров скосил глаза на радиста и неожиданно беспечно рассмеялся.— Он же ничего не знает. Студент ночью попросил забросить его в Теплую: у них тут какое-то хозяйство. Зря шум подняли, товарищ радист! Лучше заступайте на вахту и хорошенько выполняйте свои обязанности. Вот выдумал! Что мы себе, враги? В такое дело ввязываться?

— Это неправда! — возразил Яша.— Я сейчас передам радиограмму диспетчеру.

— Только попробуй! — угрожающе произнес Шуров.

— Подожди,— остановил его Толченов.— О чем ты передашь радиограмму? Он тебе сказал, что пассажира высадили по его просьбе.

— Это неправда!..

— Никаких радиограмм без меня! Запиши в журнал о заходе в Теплую и высадке пассажира. Вернемся — все проверим.

— Зачем записывать? — возразил Шуров.— Ты мне не веришь?

— Запиши!— повторил свой приказ капитан.

Спускаясь к себе, Толченов с тревогой думал, что нет на катере настоящей дисциплины. Не он командует, а помощник. Напрасно так много спускает Шурову. Вносит помощник разлад в жизнь команды, портит экипаж. Зачем он допустил этот побор с пассажиров? Хорошо, если все сойдет благополучно...

Толченов вызвал радиста.

— Передал радиограмму?— спросил он.

— Сейчас буду передавать.

— Вот что,— равнодушно, просматривая какие-то бумаги, сказал Толченов,— эту радиограмму не передавай.

Толченов посмотрел на насупленное лицо радиста.

— Шуров с нами в последнем рейсе. Вернемся — подам рапорт обо всем начальству. А нам, всей команде, честью судна дорожить надо. Понятно, почему не надо передавать радиограммы?

— Напрасно мы сделали ложную запись в журнале насчет причины опоздания с отвалом,— напомнил радист.

— Да, напрасно,— согласился Толченов.— Придется объяснить.

— Ну, а заход в Теплую без вашего разрешения? Эту запись делать?

— Не нужно,— решительно подтвердил Толченов.

Яша вышел на палубу. Катер шел вдали от берегов, покачиваясь на спокойной зыби. Три чайки летели за ним.

Разговор с Толченовым не рассеял тяжелого чувства. Он выполнял приказы, но разве надо подчиняться неправильным приказам? Теперь все оборачивается против него.

Погрозить капитану своей радиограммой оказалось легче, чем отправить ее. Радист сидел перед раскрытым журналом, вписав с точностью до минуты отправку очередной радиограммы, и мучительно думал...

Нарушая приказ Толченова, Горин все же передал радиограмму о заходе в бухту Теплая и высадке в ней пассажира-студента. «Выгонят меня с «Альбатроса»,— с горечью думал Яша, заканчивая передачу.

В дальнем рейсе, когда исправный катер ходко режет спокойную воду, наступают для команды часы, заполненные пустячными делами. Одни валяются на койке, держа перед собой книгу, другие играют в шахматы, кто-то сладко похрапывает, раскинув могучие руки, любители солнца загорают на палубе.

Яше Горину было тревожно. Он стоял на палубе и думал, как легко мелкими нарушениями долга испортить жизнь. Какими хорошими были первые дни жизни на катере! Все относились к нему тепло и сердечно. Но теперь не вернется былое доверие друг к другу. Этот рейс для всех останется памятным надолго. А ему, конечно, придется покинуть «Альбатрос».

В шесть часов вечера Яша пошел в рубку передавать обычные сведения в диспетчерскую. Передав радиограмму, Яша перешел на прием. Он изменился в лице, оглянулся, словно опасаясь увидеть кого-нибудь рядом. Закончив прием, некоторое время сидел неподвижно за столом, вчитываясь в каждое слово радиограммы и представляя, какая сейчас поднимется буря.

Капитан Толченов стоял на носу. Радист подошел к нему и протянул журнал.

— Радиограмма от директора завода. Просят срочно ответить.

Толченов тревожно взглянул на радиста и взял журнал. Он прочитал радиограмму и испытующе спросил:

— Ты сообщил?

В рубке возле штурвала стоял Шуров.

— Полюбуйся,— сухо предложил капитан, протягивая журнал.

Помощник капитана прочитал и резко повернулся к радисту.

— Накляузничал? — прошипел он.— Тебе же сказали, что он сам просил высадить в Теплой.

— Об этом он не просил,— возразил Горин.

— Откуда ты знаешь? Он тебе говорил?

— Слышал ночью ваш разговор с Кошелевым. Собирались проучить его... Вахтенный сказал, что вы студента наказываете.

— Пойдем,— позвал помощника Толченов,— составим ответ.

Они вышли из рубки. Яша понял, что капитан не хочет при нем составлять ответную радиограмму, держит совет с глазу на глаз с помощником.

Не меньше их, хоть и не подал вида, встревожился полученной радиограммой Горин. В ней было:

«Катер «Альбатрос». Капитану Толченову. Немедленно сообщите о судьбе студента Анатолия Васильевича Рожкова, которого вы отказались высадить на пристани Сорочья и завезли в бухту Теплая. Дайте подробные объяснения. Директор рыбзавода Першин».

Ведь он фамилии, имени, отчества студента не передавал. Откуда директору завода они известны?

Минут через пятнадцать приоткрылась дверь радиорубки, и капитан молча бросил листок на стол. Горин прочел: «Директору рыбзавода Першину. Сообщение радиста неправильное. По заявлению помощника капитана Шурова, студент Рожков высажен по собственной просьбе в бухте Теплая. Капитан «Альбатроса» Толченов».

— Такой радиограммы я передавать не буду,— смело смотря в глаза капитану, сказал Горин.

— Нет, передашь! — резко бросил Толченов.— Кто командует катером?

— Хорошо!.. Но я пошлю и другую радиограмму.

Капитан вспылил:

— Выполняй мой приказ! Ты уж и так удружил всей команде. Спасибо!

Вспомнив холодный, мстительный взгляд Шурова, радист понял, что теперь на «Альбатросе» все для него кончено, решительно вызвал диспетчерскую и попросил ее перейти на прием.

Получив подтверждение, что обе радиограммы приняты, он захлопнул журнал и вышел на палубу. Спокойный блеск многочисленных звезд, мягкость ночного воздуха не могли успокоить радиста. Как скверно все сложилось!.. Ему так хотелось быть настоящим моряком. В первые дни все такими ему и казались на «Альбатросе», только теперь он начал разбираться в людях.

Через час Горин опять вызвал диспетчерскую. Ему приказали перейти на прием.

Горин записал: «Катер «Альбатрос». Капитану Толченову. Ваше сообщение опровергается двумя радиограммами: радиста Горина и пассажира Лысова. Немедленно вернитесь в бухту Теплая, возьмите на борт пассажира Рожкова. Доложите о выполнении приказа. В бухте Теплая получите указания о дальнейшем рейсе. Директор рыбзавода Першин».

Капитан и помощник стояли на мостике, когда Горин принес им журнал. Толченов прочитал и передал журнал Шурову.

— Посмотри...

Шуров присвистнул:

— Черт-те что!

Они не глядели на радиста.

— Иди! — грубо сказал Шуров.

— Расписаться надо,— напомнил радист.— И ответить.

Лицо Толченова словно окаменело. Морщинки резко пересекали лоб. Но он казался очень спокойным. Рядом с ним стоял Шуров. Глаза помощника были тусклы, рот плотно сжат. В лице, казалось, не осталось и кровинки, только выделялись многочисленные лиловые прожилки.

— Ну, будем отвечать вместе,— сказал Толченов.— Записывай, Горин: «Приказание принял. Идем в бухту Теплая. Толченов».

— Капитан Толченов,— поправил Горин.

— Какой я теперь капитан?— с горькой безнадежностью отмахнулся Толченов.— Просто Толченов.

Copyrighted material

ВЫСШЕЕ ПРИЗВАНИЕ ХУДОЖНИКА

Георгий МЕЛИХОВ,
заслуженный деятель искусств УССР

В эти дни каждый из нас, художников, где бы он ни был — в своей ли мастерской за мольбертом, в творческой ли командировке на заводе, в колхозе, на необозримых полях целинного совхоза или в туристской поездке за рубежом,— много думает о советском искусстве, о пути, им пройденном, о своем творчестве, о задачах, которые еще предстоит решить. Эти мысли глубоко волнуют не только потому, что близится большое событие в жизни советской культуры — съезд художников СССР. Окружающая действительность, огромные сдвиги, происходящие в ней, заставляют задуматься о многом, коечто пересмотреть и переоценить или, наоборот, утвердиться в своих давних убеждениях.

Исторические решения XX съезда партии подняли в нашем народе могучую волну творчества. Во всех областях народного хозяйства, культуры, науки видим мы этот радостный и многообещающий подъем. Известное оживление наблюдается и в изобразительном искусстве: съезд партии открыл новые, широкие возможности для его расцвета.

Особенно большую роль сыграет, несомненно, преодоление культа личности, который в последние 15—20 лет нанес советскому искусству серьезный ущерб. Ни для кого не секрет, что значительные творческие силы советского искусства отвлекались на создание картин, единственное назначение которых состояло в том, чтобы возвеличить отдельную личность. В этих антиисторических произведениях народу — подлинному творцу и единственному герою истории — отводилась чаще лишь роль безликой «толпы». Перед нашими глазами прошел и поток картин, в которых вместо глубокого образного раскрытия явлений советской действительности, то есть полноценной реалистической живописи, мы видели плоское иллюстрирование готовых положений. А бывало и так, что живая, развивающаяся действительность подвергалась безудержной лакировке.

Сковывающая атмосфера, при которой эстетические симпатии или антипатии одного человека нередко превращались в «руководящие идеи», мешала свободному развитию художественных индивидуальностей, которыми так богато советское искусство. А это, естественно, приводило к известному нивелированию творческого лица многих художников и отрицательно сказалось на художественной критике и искусствознании. Глубоко укоренились догматизм и начетничество, узкое, упрощенное понимание творческого метода социалистического реализма. Некоторым крупным советским художникам порой вовсе отказывали в принадлежности к искусству социалистического реализма только потому, что произведения этих мастеров не всегда укладывались в разработанную иными критиками примитивную схему.

Все это хорошо известно теперь и понято всеми нами. Но в том-то и задача, чтобы мы, советские художники, до конца вскрыли эти недостатки, обнажили причины, породившие их. Иначе мы не сможем двинуть вперед наше искусство.

Но, говоря обо всем этом, мы глубоко убеждены, что основное направление развития советского изобразительного искусства всегда было правильным, здоровым и плодотворным. Иначе и быть не могло! Сама социалистическая действительность, героическая борьба советского народа за коммунизм, ленинские идеи и мудрая политика партии, высокие традиции русской художественной культуры и художественных культур других братских народов нашей страны оказывали решающее влияние на советское искусство, определяли пути его развития.

Ведь даже в послевоенные годы, когда и в украинском советском искусстве особенно сильно сказалось отрицательное влияние культа личности, украинская живопись дала такие хорошие и разные произведения, как «Хлеб» и «Весна» Т. Яблонской, «Возвращение» В. Костецкого, «Хозяева земли» А. Максименко, «Лесорубы» Г. Глюка, «Отличница Светлана Шипунова» М. Божия, «В Петроград» А. Лопухова, «Их имена бессмертны» В. Задорожного или как яркие и оригинальные портреты деятелей украинской культуры кисти А. Шовкуненко, как пейзажи И. Бокшая, Н. Глущенко, А. Кашшая и другие. Аналогичные примеры во множестве могут привести и русские художники и художники других братских народов Союза.

В последние годы советские люди имели возможность значительно расширить свои представления о классическом и современном западноевропейском искусстве. Перед нами раскрылись сокровища Дрезденской картинной галереи, мы увидели выставки французского и английского искусства из собраний советских музеев, познакомились с выставкой французской живописи из коллекций Лувра и других музеев Франции.

Поистине непреходяще значение мирового художественного классического наследия! Но и нам, советским людям, есть чем гордиться и прежде всего — великой русской реалистической классикой!

Помню, летом прошлого года, после одного из очередных посещений выставки картин Дрезденской галереи, я направился в милую сердцу каждого из нас «Третьяковку». И хотя совсем свежо еще было впечатление от только что увиденных шедевров Веласкеса — «Портрет пожилого мужчины с крестом ордена Сант-Яго» и «Портрет Хуана Матеоса»,— как-то особенно взволновали меня на этот раз репинские портреты, перед которыми я остановился. Все так же поражал великий Репин силой правды, глубиной проникновения во внутренний мир человека, мощью своей кисти, благородством колорита.

То же чувство не покидало меня, когда в Венеции, Риме, Флоренции, Милане, потрясенный, стоял я перед творениями Микельанджело, Леонардо да Винчи, Тинторетто, Веронезе, Тициана, когда в Вене любовался портретами Веласкеса. Снова и снова, невольно возвращаясь мыслями к произведениям великих русских художников, я, как никогда, остро чувствовал величие художественных богатств, художественных традиций русской классики. И, переходя из зала в зал, невольно думалось: никого в мировой живописи XIX века не смогли бы мы с таким основанием назвать подлинными продолжателями традиций великих мастеров прошлого, как Александра Иванова, Репина, Сурикова, Серова!

И как страшно, именно страшно, было видеть после этого на 28-й Международной художественной выставке в Венеции жалкие «творения» так называемых абстрактивистов! Ни малейшего намека на мысль, на живое чувство, на национальное своеобразие нет в этих «произведениях», есть лишь одно — желание во что бы то ни стало удивить, и не глубиной мысли, не красотой художественной формы, а уродством, дикостью. Поразить и... продаться повыгоднее торговцам искусством, которые поддерживают это направле-

А. Лопухов. В ПЕТРОГРАД.

ние за якобы особую «утонченность».

Тем радостнее было на этой же выставке видеть произведения прогрессивных художников, смело отстаивающих принципы реалистического, демократического искусства. Глубоко взволнованы были зрители произведениями таких итальянских художников, как живописцы Ренато Гуттузо и Карло Леви, молодой Альберто Сугги, талантливый Ансельмо Буччи, превосходные скульпторы Мессина и Маццакурати, тонкий график Анна Сальваторе. Мы видели большие успехи на этой выставке художников стран народной демократии, в частности Румынии, обладающей такими сильными мастерами, как Корнелиу Баба. Тем с большей гордостью мы снова и снова убеждались, что будущее за этим прогрессивным искусством, верным традициям правды и народности.

Несколько слов о нашей художественной критике. В последнее время, в ходе предсъездовских дискуссий, приходилось сталкиваться с мнениями, готовыми вообще отрицать значение для советского искусства творчества таких мастеров, как И. Бродский, Н. Самокиш. Находятся искусствоведы, которые, справедливо критикуя некоторые произведения А. Герасимова, склонны обойти молчанием такие его картины, как «В. И. Ленин на трибуне», «Групповой портрет художников» и другие. В свое время такие же любители критической дубинки третировали прекрасных художников М. Сарьяна, С. Герасимова, А. Пластова, П. Кончаловского. Вряд ли мы заинтересованы в таких «критиках»!

Теперь, как никогда, нужен серьезный разговор об искусстве, ведущийся с достоинством, в требовательных, но благожелательных тонах. Нужно по-хозяйски разобраться в состоянии творчества советских художников.

В наших спорах о советском изобразительном искусстве, о путях его развития активное участие принимают последнее время и писатели. Это хорошо. Будем считать, что возрождается замечательная традиция активного вмешательства литературы в судьбы изобразительного искусства, традиция, которой придерживались великие русские писатели от Пушкина до Горького. Но, искренне приветствуя участие писателей в обсуждении актуальных вопросов развития советской живописи, скульптуры, графики, мы хотим, чтобы они глубже вникали в специфику нашего творчества, чтобы разбирались в волнующих нас проблемах так же глубоко, как разбирались в вопросах творчества современных им художников Пушкин, Салтыков-Щедрин, Гаршин, Горький, Иван Франко. Это позволит нашим друзьям писателям избегнуть ошибочных, неверных суждений, с которыми нередко приходится еще сталкиваться.

Советские художники, как никогда, чувствуют теперь свою органическую связь с народом, сознают свою огромную ответственность перед ним. С сознанием этой ответственности и идем мы навстречу предстоящим художественным выставкам, посвященным 40-летию Великого Октября.

Жить одной жизнью со своим народом, творить для него — высшее призвание художника!

А. Н. Солнцева проводит очередную процедуру.

КОСМЕТИКА, МАССАЖ, ПЛАСТИКА...

В центре Москвы, на улице Горького, находится Институт врачебной косметики. Учреждение это основано недавно, но уже сумело завоевать популярность: сюда съезжаются пациенты из разных городов Советского Союза.

В институте три отделения: косметическое, физиотерапевтическое и хирургическое.

Пройдемся по комфортабельным комнатам института. Здесь все оборудовано на широкую ногу — мягкая мебель и красивые люстры в приемной, кабинеты, оснащенные по последнему слову техники.

Самое обширное отделение — косметическое. Здесь пациентов — и главным образом пациенток,— пожалуй, больше всего.

Не стоит очень внимательно всматриваться в них во время процедур... Желтые, черные, белые маски, напряженные глаза и застывшие позы... Чтобы быть красивой, можно и пострадать!

Но дело не только в красоте. В Институте косметики преимущественно лечат. Лечат от различных кожных заболеваний.

В каждом отделении принимают врачи — квалифицированные, опытные. Консультируют видные профессора: В. Д. Чаклин, В. А. Краков и другие.

На приеме у В. А. Тимофеевой, заведующей косметическим отделением, актриса. Частые употребления грима испортили кожу, на лице появились преждевременные морщинки. Курс массажей, витаминные и парафиновые маски, несомненно, помогут ей.

В сторонке сидит мрачный бритоголовый толстяк. Он старается переждать всех женщин. С большим трудом это ему удается.

— Лезут волосы,— конфиденциально сообщает он врачу.

— Напрасно вы бреетесь,— говорит Тимофеева,— это только расшатывает, а не укрепляет корни волос. Нет, там, где лысина, волосы не вырастут. Но мы постараемся остановить выпадение.

В экспериментальном кабинете ведется научная работа по изысканию новых средств для лечения кожи и волос. В лаборатории изготовляют различные косметические средства, а также испытывают фабричные. Бывает так, что их бракуют, и часто фабрике подсказывают новые рецепты.

Для того, чтобы лицо как можно дольше оставалось молодым, нужно употреблять хорошие кремы, мыло, питательные маски. О том, как ухаживать за кожей, какие соблюдать правила гигиены, врачи рассказывают на лекциях для пациентов. Посмотрите на сотрудниц косметического отделения: их лица — живая реклама!

Физиотерапевтическое отделение хорошо оснащено лечебной аппаратурой. Здесь и УВЧ и аппарат Букки. Применяется он главным образом при лечении рубцов, оставшихся от ожогов, ранений, после операций.

Диатермический аппарат устраняет доброкачественные опухоли, родинки.

Молодая женщина неудачно проколола уши, чтобы носить серьги. Образовалась фиброма. Легкие искорки, шипение — аппарат включен,— и на месте опухоли остается ранка, она заживет в течение десяти дней. Операция, видимо, безболезненная: пациентка тут же справляется, может ли она носить сережки...

Шахтер попал в обвал. Лицо засорилось угольной пылью — остались некрасивые, черные пятна. При помощи того же диатермического аппарата эти пятна удалили, на их месте образовались розовые ожоги, которые скоро заживут.

В кабинет входит высокий плотный парень, судя по походке, моряк. Он заметно конфузится.

— Вот... Протестует жена.

Грудь, спина, руки и даже пальцы у парня разукрашены замысловатой татуировкой. Здесь и цветы, и рыбы, и женский профиль, даже «Привет, Шуня!». Жена, пожалуй, права!

Процедура будет долгой и сложной. Но пациент идет на все. Малозаметные рубцы не будут его стеснять.

Но бывает и так, что тяжелые увечья или время оставили на лице неизгладимые следы — ни массажи, ни УВЧ, ни диатермический аппарат помочь уже не могут. Тогда вмешивается хирург.

Хирургический кабинет института находился под наблюдением профессора Ф. М. Хитрова. Однако за время существования института здесь выросли и свои хирурги. Все основные операции сейчас проводит Глеб Ильич Пакович.

Доктору Паковичу в «Книге жалоб и предложений» выражены сотни благодарностей в прозе и даже в стихах.

Многие последствия тяжелых травм сумел ликвидировать Глеб Ильич. Операция носа, сложная и тонкая, делается им искусно и, как правило, без всяких неприятных последствий.

— Римский или греческий? — шутит он, а пациент не верит, что через восемь — десять дней будет здоровым человеком с нормальным носом.

Тяжелое ранение лица во время Отечественной войны, а затем неудачная операция в полевых условиях принесли осложнение — образовался большой костяной нарост. Пакович оперировал больного — сейчас даже придирчивый взгляд не обнаружит швов и рубцов.

Делают здесь и пластические операции лица и тела. После операции даже очень морщинистое лицо разглаживается и становится моложе.

Пациентов в институте с каждым годом все больше и больше. Ведь институт один на весь Советский Союз. И, конечно, он не вмещает всех желающих: помещение хотя и красивое, но тесноватое!

А. СЕРГЕЕВ,
Т. ТРОИЦКАЯ

Чтобы быть красивой, можно и пострадать... На переднем плане массажистка Н. А. Щепкина.

Фото О. Кнорринга.

Н. И. Осенев. ВЕНЕЦИЯ. МОСТ РИАЛЬТО. →

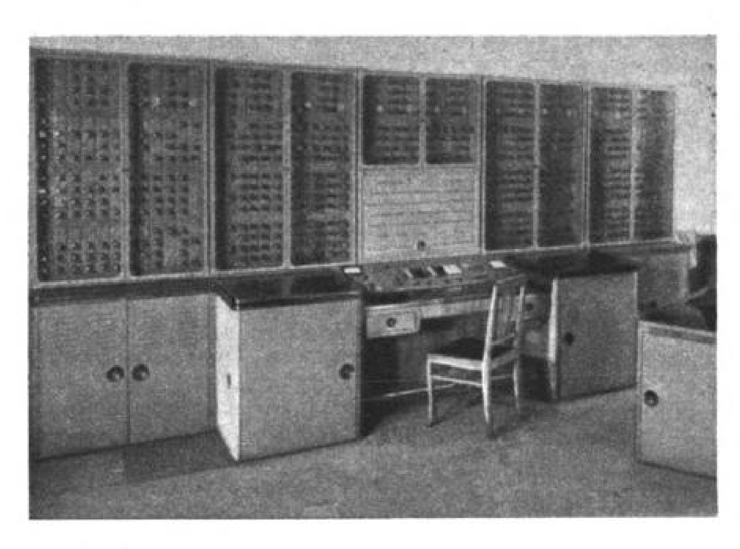

Copyrighted mate

М. В. Куприянов. УТРО В ВЕНЕЦИИ.

В. Н. Горяев. РИМ. ВЕЧЕРОМ НА БУЛЬВАРЕ.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

«Урал» решает задачи

«Урал» — так называется универсальная автоматическая цифровая вычислительная машина. Она может заниматься переводом с языка на язык, может играть в шашки, шахматы, домино и, главное, решает математические задачи. «Урал» родился недавно и сейчас проходит испытания. Человек за пультом управления — оператор — заглядывает в книгу и, выбрав одну из контрольных задач, нажимает на кнопки. Через четыре с половиной секунды электричество просигналит о том, что упражнение выполнено.

А сейчас «Уралу» предстоит решить сложную систему дифференциальных уравнений с несколькими неизвестными. Условия задачи — толстый том. Набирать такую задачу на пульте — долгая история. Потому ряд механизмов, расставленных на столах в разных концах зала, имеет к машине самое непосредственное отношение. Оператор превращается в машинистку, и специальный аппарат записывает задачу на ленту. Ее закладывают в машину.

— Включаю!

Вспыхнули сигналы, затрещал небольшой механизм, печатая на бумажной ленте колонки цифр — первые ответы. Теперь оператор наблюдает, контролирует работу автоматов. В секунду «Урал» перемножает или складывает сто чисел. Часы на пульте отсчитывают четыре часа, и на ленте будут зафиксированы последние ответы. Потом столько же времени машина проверяет себя.

Сто операций в секунду — совсем небольшая скорость для электронных машин: быстродействующая счетная машина (БЭСМ или «Стрела») производит в секунду несколько тысяч операций.

Главный конструктор проекта Б. И. Рамеев объясняет:

— «Урал» можно назвать «инженерной машиной». Ее создала группа молодых инженеров, и она предназначена для решения инженерных задач. Конечно, сравнение с БЭСМ для «Урала» невыгодно. Но БЭСМ одна, и, как она быстро ни считает, ей не справиться с заданиями многочисленных заказчиков. А «Урал» скоро можно будет встретить в научно-исследовательских институтах, в конструкторских бюро заводов. Сейчас на пензенском машиностроительном заводе изготовляется первая партия таких машин.

Е. СЕРАФИМОВ

Хлопок под током

На столе светлый аккуратный ящичек с двумя шкалами на передней наклонной плоскости. Он легок и совсем не велик: в два раза меньше спортивного чемодана,— и его без труда можно перенести в любое место: в лабораторию, на заготовительный пункт по приему хлопка или в поле.

Обращаться с этим ящичком также легко и просто: Любой грамотный человек может работать с ним, хотя внутреннее его устройство далеко не такое уж простое. Если разобрать ящичек, то внутри можно увидеть и небольшой высокочастотный генератор, и электрическую батарею, и конденсатор, и миллиамперметр, и другие элементы электрической цепи, соединенные проводами.

Кандидат физико-математических наук Е. Е. Петушков у прибора.
Фото Г. Графкина.

Для чего они?

Рядом с прибором возвышается гора белой пушистой ваты. Но это не та очищенная и вымытая, обработанная машинами вата, которая легко разбирается на слоистые пряди. Состоит гора из отдельных небольших комочков с твердыми, ощутимыми на ощупь семенами. Это хлопок-сырец. Кандидат физико-математических наук Е. Е. Петушков берет горсть комочков и закладывает их в бункерок прибора.

— Вот сейчас мы выясним, сколько в них влаги,— говорит он.

Поворот рукоятки шкалы влажности. Еще. Вот острие стрелы легло на нужную черту. Стоп! Влажность хлопка — восемь процентов. Норма не превышена.

Вся операция по установлению влажности длилась несколько секунд, а пока на всех заготовительных пунктах на это же самое уходит... полчаса. Обычно это делается самым примитивным образом, на ощупь. Если возникает спор, хлопок подвергают анализу. Его взвешивают, сушат и снова взвешивают. А чтобы быстро просушить, кладут между двумя раскаленными плитами и ручным насосом откачивают воздух,— словом, все это делается по-кустарному.

Почему же этот маленький портативный прибор не был изобретен до сих пор? Дело в том, что хлопок-сырец — очень сложный материал. Каждый комочек его — это шарик из пушистых волокон, окружающих семя. А волокна и семя состоят из разных органических и неорганических веществ — клетчатки, белков, жиров, минеральных солей, воздуха и, конечно, воды. Как найти способ, чтоб из всех этих веществ быстро определить содержание только одного — воды? Причем так, чтобы другие примеси совсем почти не оказывали влияния?

В разных странах, производящих хлопок, было сделано много попыток создать электрический прибор, определяющий влажность хлопка. Но все эти приборы были недостаточно точными.

За конструирование отечественных приборов взялись три города: Киев, Москва и Ташкент. В этом своеобразном соревновании победили ташкентцы, вернее, лаборатория физики хлопка Физико-технического института Узбекской академии наук. Путь к победе был нелегкий. Е. Е Петушков, заведующий этой лабораторией, показывает целую батарею серых, неказистых ящичков. Шесть штук. Это первые образцы, сделанные несколько лет назад. Сотрудники лаборатории установили, что вода, содержащаяся в этом сложном растительном сырье, сильно влияет на емкость конденсатора, включенного в электрическую цепь. И это свойство его легло в основу устройства прибора.

В течение нескольких лет ташкентский электровлагомер испытывался в пяти республиках страны — Азербайджане, Казахстане, Туркмении, Таджикистане и самом Узбекистане. И вот сегодня прибор, одетый в красивый полированный футляр, стоит в институте. Теперь доказано, что точнее и быстрее всего влажность хлопка можно определить с помощью электрического тока. К сожалению, Таганрогский завод затягивает серийное производство нужного прибора.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Сколько лет руде?

Однажды геологическая партия обнаружила большое месторождение руды. Этот массив был весьма характерен и по составу горных пород и по структуре их залегания. Вскоре геологи нашли точно такой же массив в другом районе. Однако дальнейшая разведка опровергла предыдущие данные. Руды во втором массиве не обнаружили. Порода оказалась пустой.

Почему же ошиблись геологи?

Они не знали, «сколько лет» этому массиву.

— До недавних пор определение возраста геологических формаций было очень трудным делом,— рассказывает председатель президиума Дагестанского филиала Академии наук СССР профессор Х. И. Амирханов.— Ведь за долгое время наши геологи сумели сделать только около ста возрастных определений для образцов геологических пород Украины, Сибири, Прибалтики!

Проф. Х. И. Амирханов (справа) и аспирант С. С. Сардаров возле установки по определению абсолютного возраста геологических формаций.

Один из наиболее эффективных методов определения абсолютного возраста формаций, названный аргоновым методом, предложил советский ученый Э. Герлинг.

В чем его сущность? Породы по происхождению делятся на изверженные, магматические и осадочные. В магматических породах содержатся металлы и среди них изотоп калия — калий 40. Этот элемент обладает радиоактивностью. Распадаясь, он переходит в другой элемент — аргон 40.

Измеряя процентное соотношение между калием в горных породах и продуктом его распада — аргоном 40, зная период полураспада калия, устанавливают абсолютный возраст геологической формации. А чем старше возраст, чем древнее порода, тем больше в ней тяжелых металлов.

Но этот метод возрастных определений требует много времени. Поэтому коллектив научных сотрудников Дагестанского филиала совместно с Отделением геолого-географических наук Академии наук СССР взялся за работу по созданию ускоренного аргонового метода.

Сотрудники Дагестанского филиала С. Сардаров, А. Адамов, В. Бортницкий применили масс-спектрометр—прибор, послуживший в данном случае для нахождения объема аргона. Масс-спектрометрический метод позволил только в течение одного года сделать до 400 возрастных определений.

Дагестанские ученые применили радиоактивный метод измерения и для осадочных пород, главное богатство которых — нефть. На основании работ Северо-Кавказской комплексной нефтяной экспедиции создан генеральный план разведки нефтяных месторождений на ближайшие годы в Северной Осетии, Грозненской области и Дагестане.

В. КЛИМОВА

Новая хирургическая игла

После операции, как правило, накладываются швы. Делается это с помощью хирургической иглы, которая лишь немногим отличается от обычной швейной иголки: она изогнута, а конец ее, так же как и у швейной, слегка утолщен, сюда вдевается нитка.

Даже при безобидных операциях, только когда приходится сшивать верхние покровы кожи, остаются грубые рубцы, которые не скоро рассасываются. Долго не заживают и отверстия. Особенно это чувствительно, когда зашивают такие органы, как почки, селезенку или печень: ведь здесь множество кровеносных сосудов.

Б. Я. Дайховский и Х. М. Переплетчиков предложили новую конструкцию хирургической иглы. Основное ее отличие от обычной заключается в том, что диаметр ее всюду одинаков. И из нее выходит всего одна нитка. Поэтому она причиняет гораздо меньше травм, чем обычная.

На слегка заостренный конец изогнутой иглы надевается колпачок с узкой щелью, в которую вкладывается нитка. Чтобы закрепить нитку, колпачок слегка поворачивается, оставшийся конец нитки обрезается. Нитка в иголке держится крепко, она выдерживает нагрузку в 2 килограмма. Следовательно, во время операции она не может выскочить. Если же нитка кончится, легко вставить в иголку новую.

Это обстоятельство вначале очень смущало хирургических сестер.

— Как это во время операции поворачивать колпачок?! Долго и сложно!

Но зарядить эту хирургическую иглу может легко человек, не имеющий ничего общего с медициной, и даже тот, кто не умеет вдевать нитку в самое обычное игольное ушко.

Новая хирургическая игла антисептична — после операции, сняв колпачок, ее можно хорошо почистить. Поскольку игла перезаряжающаяся, она экономична.

Несколько иголок, изготовленных кустарным способом, испытаны хирургами А. Фрумкиным, Б. Петровым, Б. Розановым и показали хорошие результаты. Сейчас на ленинградском заводе изготовляются опытные партии для последующих испытаний в клиниках.

Т. КОНЮШКОВА

Нитка в иголке держится крепко, она выдерживает значительную нагрузку.

Copyrighted material

Маленькая комнатка, в которой умерла Евгения Никандровна, была слишком тесной. Это одинаково волновало всех, и у притворенной двери возник негромкий спор...

— Ну нам-то чего раздумывать? — решительно заявила наконец пожилая седая женщина со строгим лицом.— Мы свое дело сделали,— с этим, правда, не ждут. А теперь дочь вызвать надо. Там уж сама, как знает... Может, еще к себе взять захочет...

— Вот старуха ведь, а пустое мелешь,— вдруг рассердился на жену Матвей Ильич. На его долю выпали все официальные хлопоты, и он считал себя более других ответственным за дальнейшую судьбу своей соседки.— Да, может, дочь эта до вечера не явится. Здесь померла, стало быть, отсюда и в последний путь свой отправится Никандровна... Ты бы, Маша, пошла лучше прибрала там у нас, как полагается... пускай уж,— и, немного помолчав, прибавил: — Все там будем...

— Ну, а я что говорю? — неожиданно, будто и не было у нее никакого иного решения, проговорила Мария Прокофьевна.— А только дочь-то известить надо. Живую не наведала — пусть хоть проститься придет.

Звонок был долгий, пронзительный, какой-то чужой. Он неприятно резнул слух и оставил в душе смутную тревогу. Вспомнив, что дома она одна, Валентина поспешно пошла к двери.

В высокой полной женщине, одетой в старенькую плюшевую шубу с крупными блестящими пуговицами, она в первое же мгновение узнала соседку матери, Марию Прокофьевну, и сразу поняла, в чем дело.

Только два дня тому назад получила она письмо от матери. Евгения Никандровна писала, что вот уже около двух месяцев она в Вологде, что не хотела никого собой беспокоить, да, видно, дни ей считанные остались, совсем что-то оплошала.

«Боюсь умереть, Валенька, с тобой не попрощавшись, а то бы не писала,— как бы оправдывалась мать.— Приди, миленькая, чтобы потом тебе тяжко не было».

Валентина прочитала письмо с волнением. Мать ни в чем не упрекала, но каждое слово письма было тяжелее высказанного упрека. И чтобы скрыть вспыхнувшее вдруг чувство горькой своей неправоты, она чуть грубовато и нарочито спокойно сказала мужу:

— Ну подумай, что это за фокусы? Приехала, живет у чужих людей, а дочери родной и не сообщила. Теперь вот умирать засобиралась.

— Да ведь старая она уже... Съездить за ней надо...

— В воскресенье съезжу. Может быть, даже раньше. Только зачем все так делать? Вот и конверт посмотри,— марка даже не проштемпелевана, может быть, сама и приносила.

И прибавила снисходительно:

— Ну, бог с ней. Перевезу ее сюда.

Письмо было в четверг. И вот оно, воскресенье...

Несколько долгих секунд Мария Прокофьевна стояла молча, сохраняя на лице холодное и суровое выражение. Взгляд ее чуть покрасневших глаз был сухим, осуждающим, почти враждебным. И Валентина сжалась вся как-то

МАТЬ

Александра ГРОЗДОВА

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

сразу и смотрела испуганно и настороженно:

— Что?.. Мама?..

Мария Прокофьевна опустила голову, губы ее скривились, лицо сморщилось, став вдруг ласковым и добрым. Она силилась сказать что-то, но не смогла и, приложив к глазам концы черного, завязанного у подбородка платка, вдруг коротко всхлипнула. Она одна знала, сколько слез пролила ее соседка из-за дочери, сколько снесла от нее горьких обид. Поэтому шла она сюда с каким-то неприязненным чувством. Но знала она также и то, какой всепрощающей любовью любила свою дочь Евгения Никандровна, и, взглянув сейчас на Валентину Павловну глазами матери, она увидела и ее беспомощность и полные ужаса глаза и всем сердцем пожалела ее.

Выбившаяся из-под платка серебряная прядь и лучи морщинок у потеплевших глаз живо напомнили Валентине мать, она прильнула лицом к мягкому плюшу с холодными старинными пуговицами и заплакала... Потом обе женщины плакали вместе, сидя тут же в передней на притулившемся под деревянной вешалкой горбатом соседском сундуке: Валентина так и не догадалась пригласить Марию Прокофьевну в комнату...

...Потом она шла, почти бежала по выбеленной свежим снегом улице. На остановках стояли люди. Валентина останавливалась тоже, но автобуса не было, а стоять и ждать было невыносимо тяжело, и она бежала дальше. Автобус обгонял по пути, и на следующей остановке повторялась та же картина.

Так и прошла она пешком до тихой окраинной улочки с деревянными тротуарами и небольшими домиками, украшенными резьбой.

Здесь, в простеньком домике с веселыми ставнями, протекало ее детство. Здесь все было знакомо, близко и дорого. Но вот бывает же так в жизни, что самое дорогое будто дремлет где-то в глубине, и не вспоминаешь о нем, пока не всколыхнет все неожиданно какое-нибудь событие.

С тяжелым сердцем поднялась Валентина на знакомое крыльцо и, опустив глаза, прошла прямо в комнату Матвея Ильича...

Как что-то далекое, услышала она шепот:

— Пойдемте пока... Пусть побудет,— и поняла, что осталась одна...

...Прошло, наверно, много времени. В комнате было уже почти темно, но почему-то никто не зажег света. Входили и, постояв немного, выходили люди. А Валентина все не поднимала головы и продолжала тихо и беззвучно плакать.

Из-за перегородки доносился бесконечный чей-то говор. В мертвую, леденящую тишину слова проникали настойчиво и отчетливо.

Тихий незнакомый голос пожилой женщины. Она рассказывает что-то о работе матери в артели «Кружевница»,— отмечает в сознании Валентина.

— А вот сколько добра она сама людям делала, а к себе жалости никак не признавала,— продолжает женщина.— Вот, говорят, гордая душа у настоящей кружевницы. Так то правда.

— Именно, именно гордая душа,— перебивает Матвей Ильич. Валентина хорошо помнит его чуть хрипловатый голос много курящего человека.— И жизнь-то ее гордая и честная, как бы сказать, чистая.

— Да...— снова захватывая нить разговора, тихо продолжает кружевница.— Мы вот раз с ней чуть не рассорились. Зашла я ее проведать, давно это было, как муж у ней помер, в тот, думается, самый год. Гостинчиков ребятам захватила. Ну, посидели, потолковали — она тогда из артели работу на дом брала, Валя еще махонькая была. Ну, все бы ничего, да скажи я ей: «Ты, тетя Женя, на нас завсегда надеяться можешь. Если что, всегда поможем. Все тебя жалеют, сочувствуют». А она, сердешная, как рассердится: «Мне, говорит, жалости ничьей не нужно. Ни в чем я не нуждаюсь, и на жизнь себе всегда заработать смогу. Так что и не беспокойтесь и не носите ничего, пожалуйста».

— И как это она быстро, почти и не поболела,— вздохнул кто-то.

— Это, я так смотрю, от переживаний все. Легко ли ей было? И мужа похоронила и сына. Одной дочерью и жила, да только радости-то мало видела.

— Это уж известное дело...

— Вот как с ней этому случиться, за три дня, стало быть, до смерти, позвала она меня, кружева попросила отнести, сдать. Говорит: «Боюсь, не дойду сама, плохо мне что-то». Я ей: может, говорю, дочку вызвать? «Не надо пока. Тогда уж... Может, еще обойдется...» Ясное дело, беспокоить не хотела.— Матвей Ильич говорит тихо, невнятно, прерывая речь частым сухим кашлем.— А потом, уже на другой день, позвала и говорит: «Опусти, Матвеич, письмецо. Дочке. Совсем никуда я стала». Взял я письмо, посмотрел на нее — плохонькая. Думаю, не померла бы. Письмо, стало быть, взял, а опускать не стал. Дай, думаю, сам снесу, все быстрее будет. Посмотрел адрес, сел на автобус, квартиру отыскал, только себя обнаруживать не стал, еще, думаю, осердится потом. Так и не позвонил. Бросил в дверной ящик да ушел...

С работы пришел, дочь, думаю, у нее сидит. Нет, одна опять. «Опустил?» — спрашивает. «Опустил». «А сколько, думаешь, пройдет оно?» «Да завтра,— говорю,— уж будет». Успокоилась. А назавтра говорит: «В воскресенье, на-

верно, придет. А сейчас как? Дела, небось...»

«Как же это? Как же так случилось?» — думает Валентина Павловна и уже сознательно начинает вслушиваться в тихий разговор за стеной.

Теперь говорит соседка матери, Мария Прокофьевна. Валентина чувствует, как старается она приглушить свой грудной мелодичный голос:

— Когда Валя замуж вышла, затосковала было Никандровна. Валя ведь сразу к мужу переехала. Потом у нас горе случилось: дочка в Ленинграде погибла. Зять Володю к нам привез. Я тут совсем расхворалась. Никандровна и меня на ноги поставила и мальчишку нам выходить помогла. А сама все в артели кружевной работала. Все это, бывало, за стенкой коклюшками постукивает. Кружева ее, вот Анна скажет, как ценились. В последний год войны, аккурат в самый конец ее, Андрей погиб. Татьяна, невестка, с маленьким осталась. Никандровна комнату свою заперла и к ней скорее. Сама чуть жива от горя, а только ведь и думала, чтобы другим помочь. И хорошо они так с невесткой жили. Только сердце-то все о дочери болело. Вернулась в Вологду. Валя как раз ребенка ждала. Трудно ей было. Пришла, стала мать уговаривать к ней переехать. Решили комнату матери и зятя поменять на две вместе. Поменялись, уехала Никандровна из родного своего дома. Там дела, заботы пошли. И кружевничество ей свое совсем забросить пришлось. К нам она редко хоть, а все наведывалась. Грустная такая придет иной раз. А нет чтобы пожаловаться — никогда. Только видели мы, что переживает она. Раз, правда, сказала как-то. «Нам,— говорит,— старикам, молодых не понять. Они все по-новому хотят. И слушать они нас не желают. Напрасно из родного моего гнезда меня вырвали. Не привыкла я из чужих рук смотреть». А уж что там у них было,— так, ерунда какая-то. Вроде и не ссорились, а жизни не получилось...

«Не ссорились... Мы ведь никогда не ссорились,— как бы хватаясь за хрупкую веточку, думает Валентина.— Я не обижала маму, ничем не обижала... Я только мало о ней думала, ничего для нее не делала... А разве это не обидно?..» Валентина с горечью вспоминает, как резко она перебивала мать, когда та хотела сделать ей самое маленькое замечание, что-либо посоветовать, поучить ее. Она всегда находила в этом что-то очень обидное для себя. А что? Когда мать уехала от нее, в этот последний раз, Валентина опять обиженной сочла себя. Она и не подумала о том, что же должна была переживать мать.

А сейчас отчетливо вспомнила она, как все случилось.

«Тяжело мне с тобой, Валенька,— сказала тогда мать.— Не пойму я, чем я тебе мешаю».

А она вспыхнула и резко сказала:

«Ну вот, заладила опять. Ничем ты мне не мешаешь. А если плохо тебе у меня, жила бы со своей Татьяной. Только что-то уж больно быстро ты от нее опять ко мне приезжаешь! Мечешься туда-сюда...»

И мать уехала... Валентина была спокойна за нее, она понимала, что у Татьяны матери хорошо... Но разве могла она предполагать, что все так получится?

И теперь, уже стараясь не проронить ни слова, Валентина слушает жестокие слова. Ей даже легче как-то от этих терзающих ее, обвиняющих разговоров.

— В чужой душе разве разберешься? — продолжает Мария Прокофьевна.— С какой-то немалой обидой уехала Никандровна к невестке. Твердо решила совсем к ней перебраться. Татьяна ей письма какие писала, все время к себе звала. Только жить-то ей там долго не пришлось. Вышла Татьяна замуж. И то подумать, уж сколько годов, как Андрей погиб! Второй муж тоже хороший попал, и к Никандровне отношение — лучше не надо. А только сердцу матери-то каково?.. Вернулась опять в Вологду. А вот к дочери сразу пойти обида не пустила. Спервоначалу к нам пришла. С вокзала прямо. Мы ей, ясно, как своей, обрадовались. Матвей тут же захлопотал. Комнатка у нас была темненькая. «Я,— говорит,— живо окошко сделаю». Отхлопочем для Никандровны свою площадь. Как свой угол будет, тогда совсем себя по-другому почувствует». И сделал. Комнатка вот какая уютная получилась. Нам-то ведь куда — Володик в Суворовском теперь... Самое плохое — это когда без угла...

— А дочку-то она так и не повидала, значит?

— Да ведь прожила она здесь чуть побольше месяца. Решила сначала как следует устроиться. В артель сходила, опять на учет стала, работу взяла: и к пенсии подспорье, и без работы она быть не умела. Как-то говорит: «Выдержу до первой получки, теперь недолго. А то еще подумают, в помощи нуждаюсь». А еще Леночке куклу собиралась купить...

Валентина сжала руки, боясь пошевелиться. Никто ею не интересовался, о ней не думал, казалось, все забыли о ее существовании. И она была этому рада. Ей тяжело было бы сейчас общество этих простых, бесхитростных, но суровых людей, хотелось убежать, спрятаться, но какая-то сила заставляла ее сидеть здесь и слушать все, что они говорили.

Когда Валентина вернулась домой, она впервые ощутила гнетущую пустоту. Все, что эти дни волновало ее смутно и неясно, приглушенное хлопотами, вдруг проступило резко и отчетливо, обнажив ее бездумную и неосознанную жестокость к самому близкому человеку. Она любила мать, но любовь ее была каким-то спокойно-пассивным чувством, которое жило совершенно обособленно, почти никак себя не проявляя. А теперь вдруг поняла она, какое огромное счастье было бы беречь, покоить, радовать эту маленькую, дорогую ей старушку.

И теперь уже с острой болью вспомнила она, как на кладбище седой добродушный старичок поучительно говорил кому-то:

— Вот вы говорите — дети... Дети разные бывают... На улице Гоголя намедни старик помер. Так никто его хоронить и не приехал. А у него, никак, трое их, деток-то. А тут молодцы. Ничего не скажешь. Что дочка, что зять. Даром что молоды. Похороны какие! Ничего для матери не пожалели...

И как тихо и ни к кому не обращаясь, низенькая старушка в черном платочке сказала на это:

— А что ей теперь, Никандровне? При жизни бы...

Камчатские памятники

Макс ЗИНГЕР

Петропавловск - Камчатский — один из живописнейших портов мира. Строения большого города раскинулись на трех сопках величавым амфитеатром и смотрятся в воды бухты, защищенной от всех ветров.

Нет более спокойной стоянки для моряков, чем в Петропавловске-Камчатском. Сюда прибывают корабли со всех концов света. Пассажиры, покинув зыбкие палубы, отправляются по улицам и сопкам, чтобы полюбоваться с их вершин красотами природы исключительного своеобразия. Особенно хорош этот далекий город в ясный, погожий день, когда в заоблачных высотах отлично видны вершины сопок. Они украшают камчатскую землю. Авачинская, Ключевская, Корякская, Вилючинская... В глухую ночь с мостика идущего океаном судна видны огнедышащие, сказочно красивые горы, чей огонь служит порой ориентиром для мореплавателей.

Пытливая и смелая советская молодежь поднимается на крутые, высокие сопки, чтобы спортивным подвигом заслужить почетный нагрудный знак альпиниста.

Еще Степан Крашенинников, знаменитый исследователь Камчатки, выдающийся подвижник науки, сказал, что Камчатка «к житию человеческому не меньше удобна, как и страны всем изобильные». Эти вещие слова подтвердились два века спустя.

...По улицам недавно разросшегося города движется поток грузовых и легковых машин. Люди и грузы направляются на новостройки, мощные рыбные комбинаты и заводы. Краны и судовые мачты в Авачинской бухте, гудки уходящих и прибывающих пароходов, рыболовных траулеров и катеров, гул пролетающих самолетов, афиши, зовущие в областной драматический театр и кино,— неотъемлемые черты трудового города, расположенного за много тысяч километров от Москвы.

Но что особенно привлекает каждого прибывшего в Петропавловск-Камчатский,— это множество памятников.

Кто не залюбуется горделивой колонной, воздвигнутой в честь прославленных мореплавателей русского флота — Беринга и Чирикова, которым Камчатка обязана началом своей широкой известности!

А вот батарея пушек, принимавших участие в отражении англо-французской соединенной эскадры, напавшей на город в августе 1854 года. Сюда приходят молодые матросы, рыбаки, геологи и школьники послушать рассказ экскурсовода о храбрых защитниках города, заставивших врага с большими потерями убраться восвояси.

Несколько выше этих орудий, на Никольской сопке, находится часовня, построенная в честь павших при обороне Камчатки русских воинов. С подножия часовни открывается изумительный вид на город и его окрестности.

В городском сквере высится обелиск. Он сооружен в наше время, после окончания Великой Отечественной войны. На одной из деталей монумента значится: «Память о вас, вернувших Родине Курильские острова, переживет века».

Во многих советских городах воздвигнуты памятники Владимиру Ильичу Ленину. Но монумент Ленину на Камчатке, у подножия сопок, у выхода в Тихий океан, по-особенному волнует.

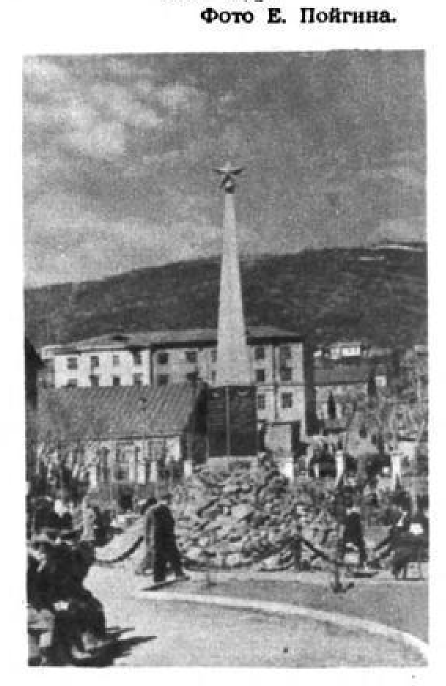
У входа в областной краеведческий музей стоит старинная, изъеденная временем пушка, снятая с пакетбота Беринга «Петр». Пакетботы Беринга и Чирикова «Петр» и «Павел» зимовали здесь, в Авачинской бухте, свыше двухсот лет назад. Они-то и дали название городу Петропавловску-Камчатскому. Искусно выполненные художником-резчиком макеты пакетботов бережно хранятся в местном музее.

Не забыт и Лаперуз, знаменитый французский мореплаватель, посетивший этот уголок в августе 1787 года и бросивший якорь в спокойной бухте. Мемориальный камень в честь Лаперуза свидетельствует о давней дружбе русских и французских мореплавателей. Как известно, Лаперуза встретили на Камчатке по-русски гостеприимно, снабдили провиантом, пресной водой и проводили в трудный, неизведанный путь с добрыми пожеланиями.

Камчатские памятники — признание благодарного потомства, гордящегося прошлым своей великой страны и строящего ее настоящее и будущее.

Часовня-памятник павшим в боях при обороне Петропавловска в 1854 году.
Фото Е. Пойгина.

Обелиск в честь освободителей Курильских островов.
Фото А. Браткова.

Памятник Берингу и Чирикову.
Фото А. Браткова.

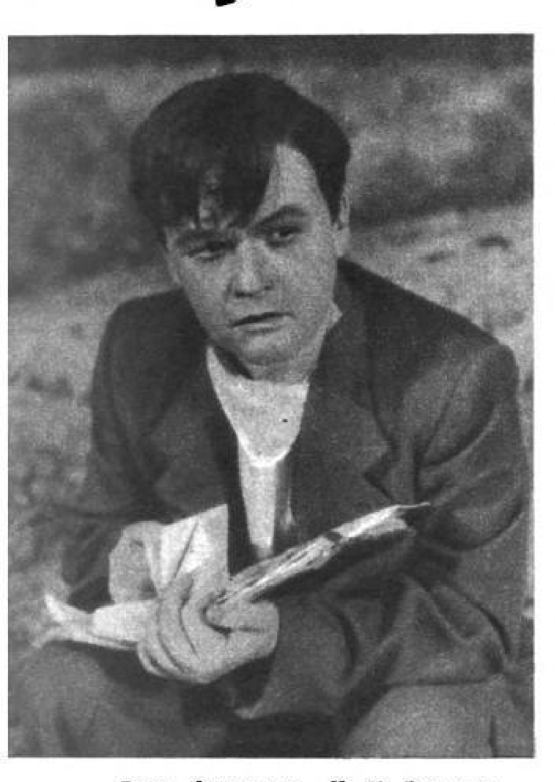
Наташа — С. И. Боголюбова.

Чудесный сплав

Спектакль Куйбышевского драматического театра имени А. М. Горького

Как часто, узнав о новой постановке давно не шедшей на сцене пьесы, мы придирчиво спрашиваем: «А стоило ли? Не устарело ли то, о чем рассказывал драматург много лет назад?» Лучшим ответом на эти вопросы применительно к пьесе В. Киршона «Чудесный сплав» является реакция куйбышевского зрителя. Зал искренне увлечен спектаклем, то и дело раздаются аплодисменты, взрывы смеха. Между сценой и зрительным залом устанавливается такой контакт, когда и после окончания представления образы пьесы будто бы продолжают свою жизнь.

...Бригада научно-исследовательского института, которой руководит молодой инженер Гоша Филиппов, задумала создать сверхпрочный и сверхлегкий сплав для строительства самолетов. Химик Олег, сомневаясь в успехе коллективной работы, решает заниматься этой проблемой самостоятельно. Товарищи вступают в борьбу с зазнайством и высокомерием Олега. Комсомольцы ищут не только чудесный сплав — они борются за то, чтобы в душе советского юноши был сплав самых лучших человеческих качеств. Это и есть главная тема пьесы В. Киршона.

Гоша Филиппов — Н. Н. Засухин.

«Чудесный сплав» — комедия, и коллектив Куйбышевского театра (постановщик — П. Монастырский) нашел энергичный, стремительный ритм жизни героев на сцене. В спектакле явственно звучит почти парадоксальное противопоставление характеров героев пьесы: самым серым и неинтересным оказывается индивидуалист Олег, а все характеры «коллективистов» сугубо индивидуальны и самобытны.

Вот Гоша Филиппов — бригадир. Исполнитель этой роли артист Н. Засухин задался целью преодолеть традицию изображения талантливого ученого неискушенным и робким в сердечных делах. Засухин в своем молодом герое прежде всего оттеняет его моральную чистоту. Гоша-Засухин не застенчив, как часто изображали ученых, а скромен. Общение с товарищами, участие в посадке деревьев, в лихой пляске показывают, что молодой ученый, когда надо, — и весельчак и спортсмен, но больше всего увлечен своей работой. Искренне и глубоко любит он Наташу.

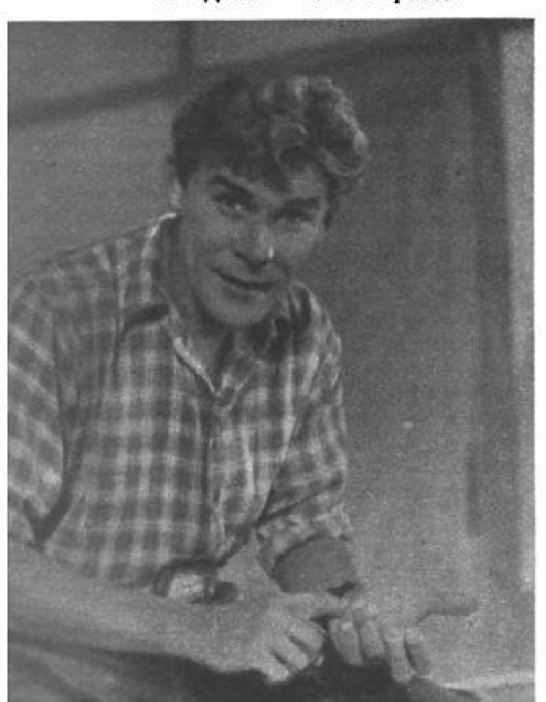
Актриса С. Боголюбова, играя Наташу, хорошо передала силу ее первого чувства. Озорная с Петей Горемыкиным, насмешливая с Олегом, Наташа, встречаясь с Гошей, делается совсем другой — чуткой и нежной, девически гордой.

Гошу и Наташу окружают преданные и любящие друзья: переполненный жаждой действия балагур Петя Горемыкин (Н. Спиридонов) и добродушная и хозяйственная Ирина (Л. Ливанова), суетливый Костя Курицын (А. Кулагин) и милая, скромная Тоня (эту роль исполняют Е. Устинович и Н. Юдина). В роли эстонца Яна Двали выступает артист О. Тарасов, один из даровитых молодых исполнителей.

Постановка Куйбышевского театра хорошо передает быт 30-х годов. Это заслуга не только режиссера, но и художника Ю. Бабичева и композитора М. Блюмина. В спектакле много музыки и песен, органически сливающихся с действием.

Вл. КАГАРЛИЦКИЙ

Ян Двали — О. Г. Тарасов.

СЕЛЬСКИЙ КИНОМЕХАНИК

Киномеханик-комсомолец Василий Устименко.

Каждый раз, принимая маршрут-наряд от киномеханика Василия Устименко, работники Нежинского райотдела культуры оставались довольны: все председатели сельских Советов отзывались о его работе исключительно хорошо. И это на самом трудном участке — на хуторах!

Ох, эти семь хуторов! Всегда отмахивались от них киномеханики: населенные пункты небольшие, план ни по доходам, ни по количеству обслуженных зрителей не выполняется.

Но вот однажды в конце зимы зашел в райсовет скромный парень. По шапке-ушанке, с которой не так давно была снята пятиконечная звездочка, по гимнастерке с начищенными до блеска пуговицами было видно: только-только из армии. Спросил, нет ли работы для киномеханика.

— Уволен в запас?

— Так точно,— ответил Устименко.

Ему предложили хутора. Устименко охотно согласился.

С тех пор прошли месяцы. Сельский киномеханик комсомолец Василий Устименко за полгода превысил задание по количеству сеансов, числу обслуженных зрителей.

Мы в хуторе Синдоровском — отдаленной бригаде колхоза имени Шверника, Пашковского сельсовета. О том, что сегодня здесь кино, мы узнали, едва войдя в селение. Возле магазина пожилой человек вывешивал большую афишу — он явно спешил.

Мы познакомились. Колхознику Дмитрию Антоновичу Олейнику уже восьмой десяток, но выглядит он бодро. Более 400 трудодней выработал в нынешнем году. Сам страстный любитель кино, добровольный помощник киномеханика.

— Тороплюсь, — сказал Дмитрий Антонович,— пусть люди прочитают, идя на обед с поля. Тема-то какая!

Афиша извещала, что сегодня в помещении бригадного клуба будет демонстрироваться кинофильм «Бессмертный гарнизон».

— А киномеханика, дедушка, где можно увидеть?

— Э, Василия вы сразу не найдете! Сказал, что пойдет на ферму, а дальше и не знаю.

На свиноферме, находящейся в полукилометре, мы застали киномеханика в тесном кольце девушек-свинарок. Внимательно слушают Ольга Полинчик, Лидия Самойленко, Мария Борсук, Анна Олейник о бессмертном подвиге защитников Брестской крепости.

— Приходите, девушки, обязательно,— сказал Устименко на прощание.— Вы узнаете о судьбе бессмертного гарнизона. А после сеанса расскажу о защитниках Брестской крепости, которые остались в живых.

Такие же беседы со зрителями состоялись в поле, где звенья копали картофель и сахарную свеклу, а механизаторы проводили взмет зяби; среди плотников, заканчивающих ремонт животноводческих помещений; на механизированном току.

Вечером в клубе зажегся свет. Пока моторист Василий Ткаченко проигрывал пластинки для собиравшихся зрителей, киномеханик проверял аппаратуру.

— Вот уже седьмой месяц работает без ремонта,— говорит киномеханик.— Уверен, что и год обойдется.

После сеанса зрители долго не расходились: они уже привыкли к беседам с киномехаником. Кроме того, он должен сообщить о следующей картине. И действительно, Василий Устименко объявил:

— В следующую пятницу буду демонстрировать художественный фильм «Они были первыми». Он повествует о беззаветном мужестве нашей молодежи, которая в годы гражданской войны сражалась с интервентами и белогвардейцами за Советскую власть. Затем покажу фильм о передовом опыте. Вот вы, дивчата,— обращается он к свинаркам,— хотите знать, как работают передовики свиноводческих ферм, в частности знатная Люскова. О ее опыте есть специальный фильм. А перед началом сеанса зоотехник расскажет, как лучше организовать зимовку скота.

Назавтра кинопередвижка направлялась на хутор Валентеев — отдаленную бригаду колхоза имени Ворошилова. На подводе был только подросток-возчик. Механик и моторист на собственных мотоциклах уехали раньше: надо было поговорить с колхозниками о фильме, подготовить рекламу, распространить билеты.

В дождь и ветер, холод и зной, в весеннюю распутицу и осеннее ненастье ездит Василий Устименко от хутора к хутору, из бригады в бригаду. Нелегок труд сельского киномеханика!

Сельский зритель требует хороших, содержательных фильмов, поэтому так недовольны были здесь картиной «Посеяли девушки лен». Колхозники дали ей отрицательную оценку: мало жизненной правды. А при плохом фильме и усилия передового киномеханика Василия Устименко не помогли — зал был пуст.

П. ЧМЕЛЬ

Фото автора.

Черниговская область.

Колхозник Дмитрий Антонович Олейник — добровольный помощник киномеханика.

Copyrighted material

Спортивный городок для участников XVI Олимпийских игр.

ПЕРЕД ОЛИМПИЙСКИМИ СТАРТАМИ

До открытия Олимпиады остались считанные дни.

В числе участников Олимпиады насчитывается более семидесяти государств.

Наибольший интерес вызывает плавание. Да это и понятно, так как австралийцы в первую очередь ожидают здесь наибольшего успеха. В спортивной прессе постоянно встречаются имена Крэпп, Фрэзер и Лич. Хороших результатов ждут от выступлений австралийских пловцов, главным образом от Хенрикса, а также от Гэррети и Роуза.

Лучшие пловцы Австралии долгое время находились в городах Куинслэнде и Таунсвилле, где готовились к Олимпиаде и время от времени проводили соревнования. В новом мельбурнском плавательном бассейне при закрытых дверях были проведены заплывы на время. Однако о результатах не было объявлено.

Усердно готовились к соревнованиям и легкоатлеты. На них также возлагаются надежды, хотя Лэнди и Стивенс получили травмы. За последнее время легкоатлеты Австралии добились отличных результатов. Погода здесь до последнего времени стояла довольно прохладная, что весьма удивило английского бегуна Пири. Он заявил журналистам, что в такое время года привык к более высокой температуре. Знаменитый английский бегун считает, что в Мельбурне очень мало беговых дорожек. И действительно, во всем Мельбурне в распоряжении бегунов имелись всего две шлаковые дорожки.

Австралийская олимпийская федерация выставит для участия в Олимпийских играх команду из 300 человек. Это будет самая большая австралийская команда, которая когда-либо участвовала в подобных соревнованиях.

В составе гимнастической команды — 27-летний Б. Блэкборн, выигравший личное первенство страны по гимнастике. В Австралии отмечают «высокий мировой класс» исполнения им вольных движений.

На участие в олимпийской команде борцов претендовал 60-летний Клод Анджело. У Анджело три сына, старшему из которых 36 лет. Клод Анджело в последний раз выступал в 1927 году. Он был первым и единственным представителем Австралии на Олимпийских играх 1924 года в Париже.

Муниципалитет Мельбурна пригласил на Олимпийские игры в качестве почетных гостей мэров тех городов, где проводились олимпиады. В числе приглашенных и мэр английского города Мельбурна (графство Дербишир). Этой чести маленький английский городок удостоен потому, что является тезкой австралийского Мельбурна.

Комитет по организации факельной эстафеты на территории Австралии объявил, что бегунов с олимпийским огнем будет сопровождать пожарная машина, так как в это время в стране стоит сухая, солнечная погода и возможно возникновение лесных пожаров.

Редко кому удалось три раза участвовать в Олимпийских играх. Тем более примечателен тот факт, что в Мельбурне выступит 39-летний австралийский гребец Мервин Вуд. До этого Вуд был участником Олимпийских игр в Берлине (1936 г.), Лондоне (1948 г.) и Хельсинки (1952 г.).

841 дом олимпийского поселка Хейдельберг уже заселен участниками Олимпиады.

Спортсмены получают пищу, к которой они привыкли на родине. Персонал, обслуживающий олимпийский лагерь, знает, у кого из спортсменов день рождения придется на период Олимпиады. По каждому такому случаю будет испечен праздничный пирог.

Более 800 000 билетов на различные виды олимпийских соревнований уже раскуплены. На некоторые виды билеты распроданы полностью: например, на открытие Олимпиады, на соревнования по плаванию. По заявлению официальных лиц, в Мельбурн прибудет 10 тысяч зрителей из-за границы. На первом месте по количеству зрителей идет Новая Зеландия — сосед Австралии. За ней следует Англия.

В кассы стадиона и специальные киоски Мельбурна поступили оставшиеся 45 тысяч билетов для распространения среди населения.

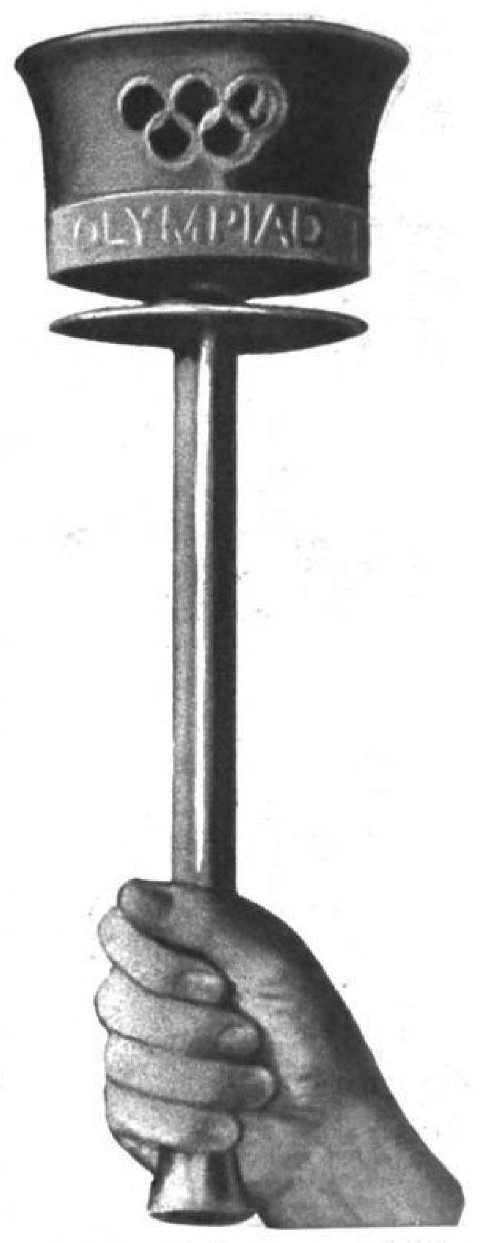
Жители Мельбурна были очевидцами огромных очередей, растянувшихся больше чем на два километра.

«Сорок пять тысяч счастливцев»—так называют в Мельбурне тех, кому достались билеты. Всем, от мала до велика, хочется попасть на игры. Но мест не хватает. Наблюдаются случаи перепродажи билетов по баснословным ценам.

На аэродром ежечасно прибывают самолеты с зарубежными гостями и делегациями. 2 ноября начала свой путь из Греции факельная эстафета. Город украшен флагами, щитами, эмблемами.

Старожилы говорят, что Мельбурн стал неузнаваем: он напоминает сейчас по яркости красок цветной фильм.

Спортивный обозреватель

Олимпийский факел, который будет доставлен в Мельбурн.

Copyrighted material

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки К. РОТОВА.

Всю свою сознательную жизнь Макар Карпович Островский был агентом отдела снабжения карцевского горпромкомбината. Когда на комбинате было трудно с полосовым железом, Макар Карпович менял металл лимитного профиля на сверхлимитную гречку, когда полегчало с полосовым железом и стало туже с гречкой, он начал менять лимитную гречку на сверхлимитное железо.

Живой, предприимчивый ум Макара Карповича вечно был занят всякими немыслимыми комбинациями.

— Вы нам дайте три вагона теса,— кричал он по телефону другу-снабженцу на соседний завод,— а наша поликлиника вставит за это вашему главному инженеру два золотых зуба за счет горпромкомбината!

И вдруг совсем неожиданно король торговых комбинаций стукнул кулаком по столу и сказал:

— Хватит! Пора менять профессию.

— Как? Почему?

— Стыдно. У меня две дочки на возрасте. Обе комсомолки.

— А вы честнее комбинируйте, и вам незачем будет стыдиться дочек-комсомолок.

— Увы, разве дело в честности? Моя профессия просто-напросто не во вкусе времени. Наши дети мечтают сейчас не о папе-снабженце, а о папе-новаторе.

— Что ж, идите учитесь, набирайтесь новых знаний,— посоветовали Островскому товарищи.

Но вместо того, чтобы подать заявление в вечерний институт, Макар Карпович явился на прием к директору комбината Валентину Викентьевичу Семеркину и бил ему челом:

— Назначьте меня инженером!

— Инженером? Разве у вас есть диплом?

— А вы назначьте меня не настоящим инженером, а инженером по должности.

— И что же вы станете делать?

— Да что прикажете. Хотите, я буду снабжать вас дефицитной худлитературой. Подпишу на Достоевского, «Библиотеку приключений». Достану «Королеву Марго», «Молль Флендерс»...

— Милый, да зачем директору промкомбината «Королева Марго»? Мне худлитературу и читать-то некогда.

— А я сам разве читаю? И, тем не менее, подписываюсь, покупаю. Книги, Валентин Викентьевич,— это всегда деньги. И не только деньги. Книги в интеллигентной семье заменяют самый лучший гарнитур мебели. Вы только зайдите в квартиру директора силикатного завода Чебрецова. Какая там красота! Книжные полки стоят до самого потолка, и на них полные собрания сочинений. В светлозеленых переплетах Толстой, в красных — Ромен Роллан, в бежевых с золотом — Стендаль...

Если бы Макар Карпович не вспомнил про директора силикатного завода Чебрецова, из его ходатайства так ничего и не получилось бы. Но хитрый челобитчик знал, что делал. Валентин Викентьевич Семеркин руководил самым большим предприятием в городе. На этом основании он считал себя в Карцеве жителем № 1 и не желал терпеть соперников ни с чьей стороны ни в большом, ни в малом.

«Пусть директор силикатного завода не кичится своими книгами»,— думал обуреваемый недобрыми чувствами Семеркин. Ему, Семеркину, было до сих пор просто недосуг бегать за подписными изданиями, но сейчас с помощью Островского он заведет себе самую лучшую в городе библиотеку.

Так была решена судьба Макара Карповича, и он в тот же день был переведен из отдела снабжения в распоряжение директора завода. Правда, не на должность инженера, а только на должность техника, но это обстоятельство не обескуражило Макара Карповича. Макар Карпович знал, что ему нужно только постараться, и Валентин Викентьевич не обойдет его своими милостями. Но как «стараться» новоиспеченному технику, если у него нет технических знаний? Макар Карпович понимал, что на одних подписных изданиях ему никогда не войти в доверие к Семеркину, а без такого доверия бывшему агенту снабжения нечего было и думать об инженерной должности. И бывший агент вспомнил тогда о Чебрецове.

— Ой, погубит вас скромность! — сказал Макар Карпович, явившись как-то на очередной прием к Валентину Викентьевичу Семеркину.

— Каким же это образом?

— Очень простым. Вам по вашему положению должно иметь в кабинете не меньше двух ковров. А у вас ни одного. Пол под вашим столом, простите, простым линолеумом покрыт.

— Ну и хорошо, что линолеумом. От ковров только пыль заводится.

— Это вы зря. Ковер придает обстановке солидность.

— Глупости,— сказал Семеркин.

И сказал искренне. По своим привычкам Семеркин был человеком скромным, простым. Но, увы, эта скромность не могла сопротивляться соблазнам. Достаточно только было Макару Карповичу назвать имя директора силикатного завода Чебрецова, как кровь тут же ударила в голову Семеркину.

Как же так? Завод у Чебрецова в три раза меньше, чем у него, у Семеркина, а кабинет больше!

И вот уже на следующий день Макар Карпович отправился в обход по комиссионным и антикварным магазинам. Переоборудование директорского кабинета производилось под девизом: во что бы то ни стало перешибить Чебрецова!

И Макар Карпович, конечно, перешиб. Письменный стол директора промкомбината в отличие от письменного стола директора силикатного завода был уже не в два раза больше обычного, а в четыре. И в центре этого стола-гиганта по прихоти Макара Карповича была поставлена огромная бронзовая нимфа, склонившаяся над полуведерной чернильницей.

— Вам, Валентин Викентьевич, меньше никак нельзя. Человек вы большой, государственный, так сказать, первый кандидат в Карцеве на выдвижение в область,— говорил Островский.— Вам нужно привыкать к масштабной мебели.

И хотя пользоваться масштабной мебелью было весьма нелегко, Семеркину все же было лестно, что это он, Семеркин, а не Чебрецов владеет самой большой чернильницей в Карцеве.

Переоборудованный кабинет Семеркина удивлял не только уникальными украшениями, но и уникальными нововведениями.

Собираясь на свои ежедневные планерки, работники комбината рассаживались прежде где кто хотел. Теперь каждому человеку за заседательским столом было отведено постоянное место. Начальники цехов располагались в начале стола, помощники — в середине, а прочие работники — в самом конце, на «камчатке». А для того, чтобы работники не нарушали субординации, на каждом месте стола была привинчена медная пластинка с фамилией. У заведующих перед фамилией стояло «товарищ», у их помощников — «тов.», а у прочих работников — только «т» с точкой.

— А это еще зачем? — спросил Валентин Викентьевич у Островского.

— Для порядка.

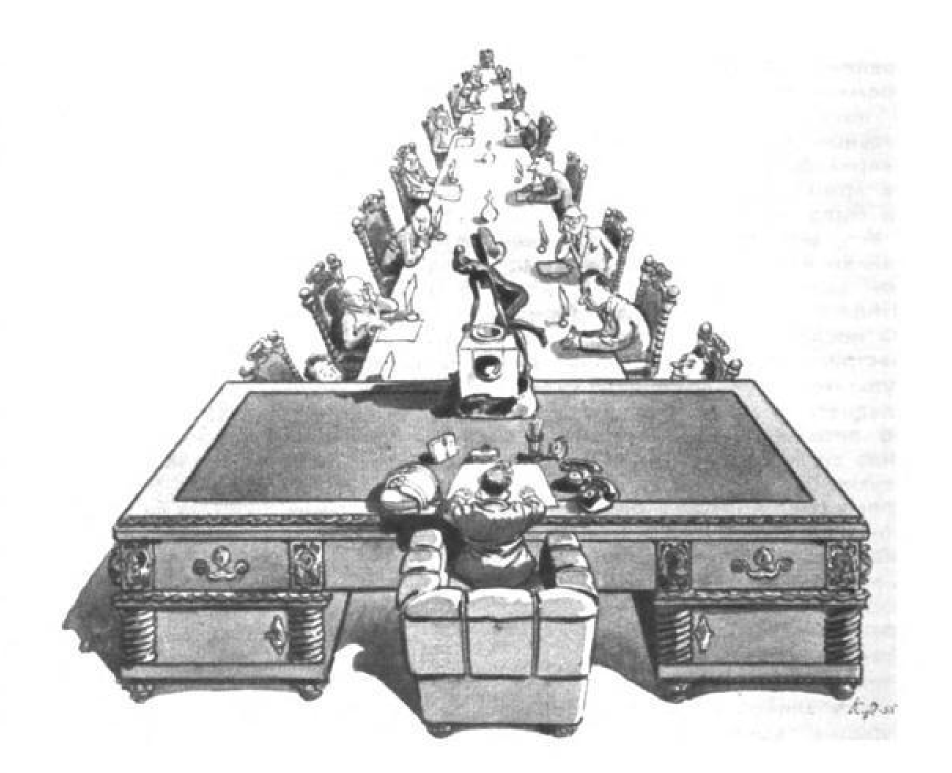
И хотя порядок этот был более чем странный, Валентин Викентьевич не отменил его. Сначала он только подсмеивался над этим порядком, а потом даже воспользовался им. И вот каким образом.

Валентин Викентьевич Семеркин был сторонником тихой, размеренной жизни.

— А нам другая и не нужна,— рассуждал он.— План выпуска мебели горпромкомбинат выполняет. Рабочие получают у нас каждый месяц прогрессивку, ИТР — премии. Чего как будто лучше? От добра добра не ищут.

Но были на комбинате люди, которым не нравилась тихая жизнь. Эти люди требовали, чтобы комбинат вместо старинных, дедовских шкафов и комодов перешел на выпуск современной мебели. А Семеркин не понимал таких требований.

— Зачем комбинату менять ассортимент? — спрашивал он.— Разве наши шкафы и комоды залежи-

Copyrighted material

ваются на складах? Да ничего подобного! Хозяйки рвут их с руками.

— Новая мебель удобней и красивей,— говорили директору.

— Правильно,—соглашался он.— Но из-за этой красоты придется менять всю технологию, ставить под удар и план, и прогрессивку, и премии.

Но беспокойные люди не желали считаться с такими рассуждениями и продолжали настаивать на своем. Особенно сильно досаждали Семеркину двое: главный механик Мустафин и заведующий столярным цехом большой белокурый Перепелица. Мустафин был так возмущен поведением директора, что публично назвал его на планерке консерватором. Директор побагровел. Но что сделать, чтобы остепенить механика? И тут Семеркин вспомнил про нововведения, заведенные в его кабинете.

— Для начала я попробую предупредить механика,— сказал Валентин Викентьевич и перенес табличку с фамилией Мустафина с почетного места заведующих отделами на полупочетное место их помощников: мол, образумься, смирись, человече, и я снова посажу тебя поближе к своему столу.

Но главный механик не смирился. Его самолюбивый характер не стерпел унижения, и он тут же на планерке подал заявление об уходе.

Труднее было Валентину Викентьевичу вывести из равновесия спокойного белокурого Перепелицу. Заведующий столярным цехом продолжал задавать директору малоприятные вопросы и с начала стола, и с середины, и даже с «камчатки». И только когда в наказание за строптивость Перепелица был оттеснен с «камчатки» к самой двери и стал именоваться на бумажках из заводоуправления не товарищем, а лишь буквой «т» с точкой, он не выдержал и тоже попросил увольнения.

Нововведение пришлось по вкусу директору Семеркину. Еще бы, оно помогало ему выживать с комбината беспокойных людей! Выживать легко, без риска быть обвиненным в расправе за критику.

— Помилуйте, какая это расправа! — оправдывался потом на заседании партийного комитета Семеркин.— Они же ушли сами, по собственному желанию...

На место беспокойных людей директор назначал людей покладистых, бесхребетных. И первым среди таковых пошел на выдвижение Макар Карпович. За год бывший агент отдела снабжения из техников был переведен в инженеры, а затем назначен даже на место Перепелицы заведующим столярным цехом.

— Да разве Макар Карпович разбирается в столярном деле?

— А вы за него не беспокойтесь,— сказал на планерке Валентин Викентьевич.— Макар Карпович — человек бойкий, головоногий, он быстро освоится.

Бойкий Макар Карпович крепко вошел в доверие к директору и стал своим человеком как в его служебном кабинете, так и в его доме. Макар Карпович был у Семеркина за постоянного партнера в воскресной партии в домино. Больше того, он давал теперь уроки жизни не только самому папе-Семеркину, но и его детям, воспитывал в них гордость за свое высокое происхождение, за то, что они, эти дети, имели счастье родиться в семье директора горпромкомбината, а не в семье директора какого-то силикатного заводика.

В дни весенних каникул ученики старших классов карцевской школы № 3 решили поехать в подшефное село, чтобы помочь колхозникам в постройке теплицы. Вместе с другими учениками стал собираться в дорогу и сын Семеркина Геннадий.

— А дочь Чебрецова Таня поедет с вами? — спросил Макар Карпович.

— Поедет.

— А на чем?

— Как все, в автобусе.

— Тогда тебе, Гена, придется ехать не в автобусе, а в «Победе».

— Почему?

— Так солидней. Пусть люди видят разницу между тобой и чебрецовской Таней.

И вот школа № 3 тронулась в деревню. Впереди на автобусе ехали комсомольцы, а сзади в гордом одиночестве катил на вишневой папиной «Победе» Геннадий Семеркин. И хотя папа Геннадия был в области на совещании и не принимал прямого участия в организации этого стыдного путешествия, школьники сочинили в адрес этого папы несколько колких частушек. Геннадию Семеркину нужно было взять да и пересесть на полдороге в автобус, к товарищам, и все бы успокоилось, а он назло девятиклассникам, которые пели частушки, не только доехал в легковой машине до деревни, но и оставил ее при себе. Семь дней работали комсомольцы в колхозе, и семь дней Геннадий ездил на вишневой «Победе» к огородам копать ямы для парниковых рам.

Эти поездки вызвали совершенно законное возмущение как в школе, так и в городе, и секретарь комсомольской организации комбината напечатал в местной газете фельетон, в котором гневно бичевал обоих Семеркиных: и отца и сына. Отцу фельетон не понравился, и он пожаловался на комсорга в партийный комитет. Здесь Валентин Викентьевич не нашел поддержки. Наоборот, члены комитета стали строго взыскивать с директора и за его поведение и за его головоногого фаворита.

— Ой, смотри, Валентин Викентьевич, подведет тебя под монастырь этот самый Макар Карпович!

А Валентин Викентьевич вместо того, чтобы прислушаться к предупреждению товарищей, побежал в городской комитет партии с жалобой на них.

— Заступитесь. Разберитесь.

Бюро горкома разобралось и дало взбучку, но не отцу Геннадия Семеркина, а комсоргу комбината.

— За что комсоргу?

— За неточность,— сказал секретарь горкома.— Комсорг неправильно обвинил отца Геннадия. Машину дал сыну не отец, а заведующий столярным цехом.

— Формально это так. А по существу?

— По существу у нас нет к Семеркину серьезных претензий,— ответил секретарь.— По производственной линии Валентин Викентьевич не на плохом счету в Карцеве. Вы разве не знаете: горпромкомбинат уже второй год держит переходящее знамя облисполкома? И к своей семье Валентин Викентьевич относится неплохо. Амурами он не занимается. Не курит, не пьет.

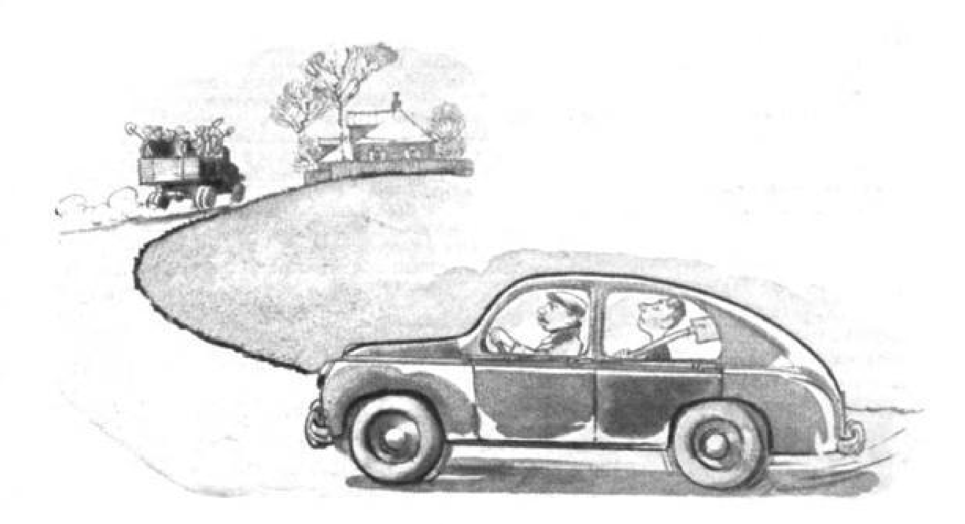
— И это все?

— А что же вам нужно еще?

Когда-то давно дочери Карла Маркса составили шутливую анкету. И был в этой анкете такой вопрос: какой из человеческих недостатков внушает вам наибольшее отвращение? И Маркс ответил: угодничество.

Точка зрения Валентина Викентьевича Семеркина сильно разнится в этом вопросе от точки зрения Маркса.

К сожалению, этому прискорбному обстоятельству в Карцевском горкоме не придали почему-то серьезного значения.

РЕДКИЕ КЛАДЫ

Вам не приходилось когда-либо находить клады? Такие события случаются редко.

А вот жителю Костромы Михаилу Григорьевичу Соколову посчастливилось найти клад. Вместе с женой он копал огород. Лопата стукнулась обо что-то твердое. Подумав, что это ком земли, Соколов разбил его ребром лопаты и откинул в сторону. Из трещины глиняной кубышки потекла струйка серебра.

Клад, найденный Соколовым,— один из крупнейших и представляет большой интерес. Он относится к царствованию Михаила Федоровича и весит тысячу сто тридцать граммов. Глиняная кубышка содержала монеты русской царской чеканки. Реальная стоимость клада в суммах XVI века довольно высока: на нее можно было купить свыше двух тысяч пудов пшеницы.

Клад содержал три тысячи сто семьдесят семь монет высокой пробы. Среди них оказались серебряные копейки Ивана III, монеты Грозного, Бориса Годунова. В кубышке хранились монетки, выпущенные Лжедимитрием первым, Василием Шуйским, польским королевичем Владиславом, а также деньги эпохи царя Михаила Федоровича.

Серебряные копейки, несмотря на столетия, прошедшие со дня их выпуска, хорошо сохранились. С оборотной стороны можно разобрать истертые временем надписи.

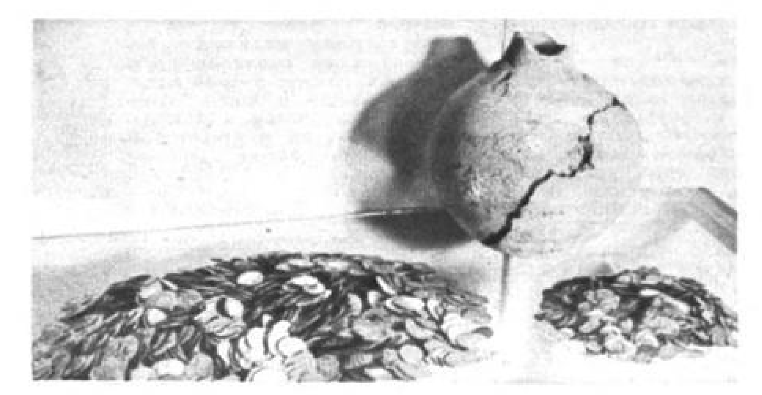
Монета, выпущенная Иваном Грозным, чеканена после 1547 года, так как на ней значится введенный Грозным титул царя. Эта монета носит название мечевой и равняется половине копейки. На ней сохранилось изображение всадника с мечом.

М. Соколов обнаружил клад на глубине 30 сантиметров в районе города, где когда-то проходил старый тракт. Кубышка, видимо, принадлежала зажиточному костромскому купцу.

Это не единственный клад, найденный в Костромской области. В январе 1956 года в двадцати километрах от города при земляных работах житель деревни Шувалово Н. Л. Лясов также нашел и передал в музей кубышку, содержащую серебряные деньги времен Ивана Грозного. Вес монет составлял 830 граммов.

Вл. МИНКЕВИЧ

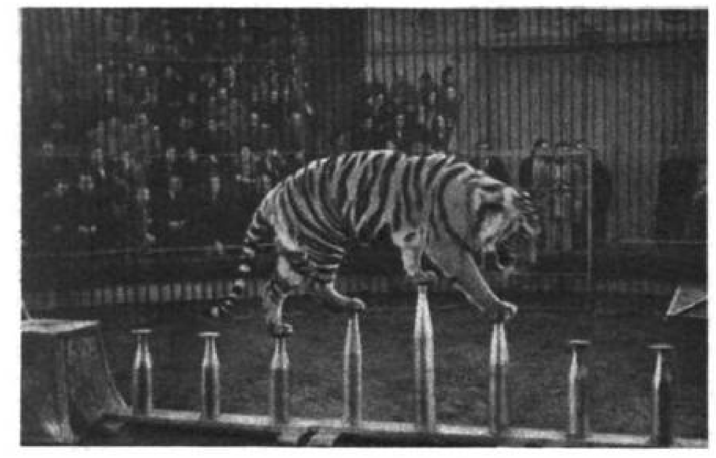
Фото автора.

Клад, найденный Соколовым.

Copyrighted material

АХИЛЛ

Когда Б. А. Эдер провел меня за кулисы, тигры прогуливались в клетках. Один из них, огромного роста, стоял неподвижно.

— Двести пятьдесят килограммов весит этот тигренок,— сказал дрессировщик.

— Тигренок?

— Да, Ахилл — совсем молодой тигр...

— Ахилл... Вы назвали его так за его неустрашимость и силу?

— Э, нет, — засмеялся Эдер,— наоборот. Назвали его так за одну серьезную слабость.

Вот что рассказал дрессировщик.

Уже второй день шли четыре тигролова и сибирская лайка по следу. Охотники определили: впереди матка с тигренком. Вдруг собака насторожилась и, взвизгнув, помчалась вперед, но вскоре вернулась и стала жаться к ногам охотников.

— Осторожно, — зашептал бригадир,— теперь уже недалеко...

Тигроловы зарядили винтовки и, держа наготове большие рогатины, двинулись вперед широкой цепью. Войдя в редкий молодой кедровник, люди увидели метрах в ста от себя тигров. Они лежали под высокой пихтой.

«Обходить»,— жестом показал бригадир.

Вскоре тигры оказались в полукольце, замыкавшемся рекой. Тигрица, почуяв опасность, встала и осторожно сделала несколько шагов, затем шарахнулась в сторону и большими прыжками понеслась на охотников. Тигренок мчался за ней. Люди едва успели отпрянуть, пропуская тигрицу, и, тотчас сомкнувшись, дали несколько выстрелов в воздух. Тигренок повернул к реке и прыгнул на лед. Хрупкий ледок проломился, и зверь с головой ушел в студеную воду. Словно ошпаренный, выскочил он на берег и помчался в том направлении, куда скрылась тигрица.

— Ату его, Джек, ату! — кричал бригадир.

И лайка в азарте вцепилась в мелькавшую перед ней лапу хищника. С ходу тигренок осел на зад. Молниеносный удар отбросил собаку. Но еще секунду тигренок по инерции скользил вперед. Этого было достаточно: двумя длинными рогатинами охотники прижали голову зверя к земле. Тигренок распластался на брюхе так, что лапы торчали в разные стороны. Тигроловы быстро спутали их веревками, в пасть зверя сунули короткую палку... Так попал в неволю этот красивый сильный зверь.

— Но в чем же его слабость?

Дрессировщик рассмеялся.

— Он, как и герой «Илиады», уязвим в пятку. Когда в лапу ему вцепился Джек, у тигренка этот момент ассоциировался с большими неприятностями: выстрелы, рогатины, ужасные веревки, пленение... Воспоминание о зубах лайки перешло в условный рефлекс страха, в своего рода медвежью болезнь... Если внезапно стукнуть Ахилла по задней лапе, он приходит в ужас, забивается под тумбу или куда-нибудь в угол и дрожит. В такой день Ахилл уже не работник...

Вл. АНИКЕЕВ

Лесные гости

На двор автозавода имени Молотова в Горьком прилетела пара глухарей.

Самец опустился на крышу одного из автомобилей и вскоре улетел. Самка села на тротуар и, перебежав его, скрылась в кустарнике цехового сада.

В это время группа конструкторов возвращалась с обеда. Товарищ Левчук заметил птицу и поймал ее. У нее оказалось слегка поврежденным крыло, повидимому, от удара о провода.

Глухарку устроили на временное жительство в ящике на балконе дома в городке завода. Крыло вылечили с помощью стрептоцида.

Решено окольцевать птицу и выпустить в лес.

Н. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

г. Горький.

Предвидение Свифта

Джонатан Свифт, рассказывая в «Путешествиях Гулливера» о лапутянских астрономах, писал:

«...они открыли две маленькие звезды или спутника, обращающиеся около Марса, из которых ближайший к Марсу удален от центра этой планеты на расстояние, равное трем ее диаметрам, а более отдаленный находится от нее на расстоянии пяти таких же диаметров. Первый совершает свое обращение в течение десяти часов, а второй в течение двадцати одного с половиной часа...»

Эти строки с такими убедительными подробностями были опубликованы в 1726 году, когда о спутниках Марса ровно ничего не было известно. Прошло полтораста лет, и лишь в 1877 году А. Холл с помощью большого телескопа Вашингтонской обсерватории обнаружил, что оба спутника существуют в действительности.

Они на самом деле оказались «двумя маленькими звездами», расположенными очень близко к планете, со временем обращения в 7 часов 39 минут и 30 часов 18 минут.

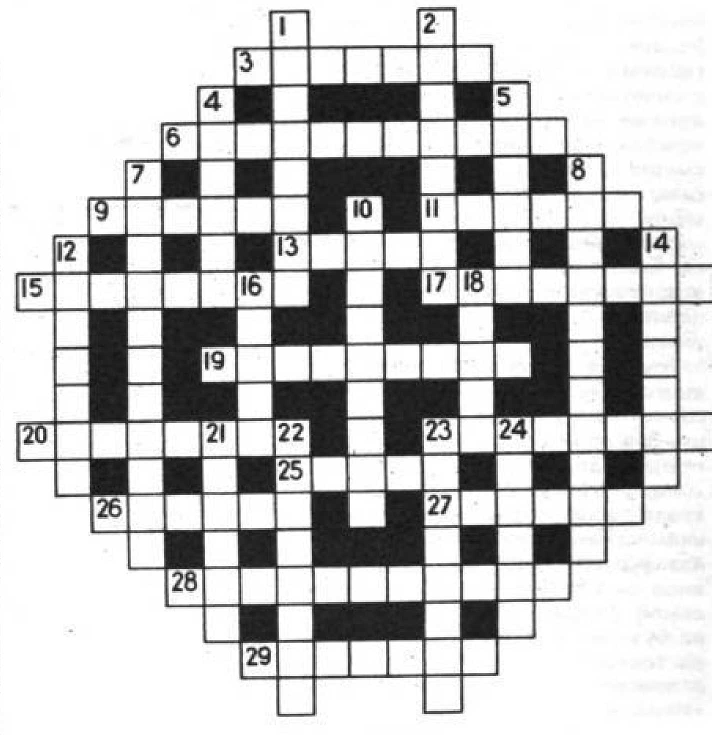
За свой красноватый цвет Марс назван по имени древнеримского бога войны, его спутники получили название Фобос и Деймос, что значит «страх» и «ужас»,— так в древней Греции называли сыновей этого бога, известного у греков под именем Ареса. Однако величина спутников совсем не соответствует их грозным названиям: несмотря на свою близость к Марсу, Фобос на его небе в три раза меньше, чем Луна, видимая с Земли, а Деймос виден примерно таким, как у нас Венера.

Фобос — единственный спутник в солнечной системе, который движется самым необычным образом: восходит на западе, заходит на востоке. Объясняется это тем, что время его оборота вокруг планеты короче времени оборота самого Марса вокруг оси.

Б. АЛЕКСЕЕВ

На вкладках этого номера: четыре страницы этюдов «По городам Италии» и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Мощный прокатный стан. 6. Техническая ткань. 9. Курорт в Прибалтике. 11. Город во Франции. 13. Инструмент для нарезки резьбы. 15. Музыкальный инструмент. 17. Змея семейства удавов. 19. Мотор. 20. Отдел динамики. 23. Одна из операций ткацкого производства. 25. Музыкальное произведение. 26. Выдержка из текста. 27. Минерал, сырье для изготовления фосфатных удобрений. 28. Изменение нарицательной стоимости денежных купюр. 29. Курорт в Крыму.

По вертикали:

1. Искусство ритмических движений. 2. Южное жвачное животное. 4. «Падающая звезда». 5. Цветок. 7. Часть речи. 8. Предупреждение. 10. Основание. 12. Химический элемент. 14. Автономная советская республика. 16. Умение, созданное упражнениями, привычкой. 18. Герой одной из поэм А. С. Пушкина. 21. Чешский писатель-демократ. 22. Наука. 23. Рвение в работе. 24. Советский биохимик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 46

По горизонтали:

6. Валентность. 7. Электромонтер. 11. Аукцион. 12. Скворец. 15. Шипка. 16. Мелодия. 17. «Игрок». 18. Умножение. 19. Альпинист. 21. Отвес. 22. Каретка. 23. Озеры. 26. Актиния. 27. Вакцина. 30. Трансиордания. 31. Эквилибрист.

По вертикали:

1. Баженов. 2. Ленто. 3. Отголосок. 4. Хорог. 5. Статика. 7. Энциклопедист. 8. Реорганизация. 9. Нумизматика. 10. Демонстрант. 13. Левитан. 14. Диалект. 20. Лейтмотив. 24. Китайка. 25. Баянист. 28. Аспид. 29. Адыры.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 12732. Подписано к печати 14/XI 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 989. Заказ № 3052.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

Строительство Лавровской гидроэлектростанции на реке Уфе.

Фото В. Крупина.

Цена номера 3 руб.